

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ и право

№ 2 (48) · 2020
ISSN 2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

№ 2 (48) · 2020
ISSN 2219-6242

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО № 2 (48) • 2020

Главный редактор

О. Г. СМЕШКО, ректор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор экономических наук, доцент

Заместитель главного редактора

Г. А. КОСТИН, проректор по научной работе, доктор технических наук, доцент

Редакционный отдел

*М. В. РЫБКИНА, доктор юридических наук, профессор
Н. Н. ПОКРОВСКАЯ, доктор социологических наук, профессор*

Редакционный совет

Г. А. о. АГАЕВ, профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор

В. БЕРГМАНН, член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор

В. М. БОЕР, декан Юридического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ

С. С. БРАЗЕВИЧ, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Н. В. БУГЕЛЬ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ, директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

И. И. ЕЛИСЕЕВА, заведующий сектором Социологического института РАН (Санкт-Петербург), доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ, заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

С. Ю. КОСАРЕВ, заведующий кафедрой криминалистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор

Р. А. КОСТИН, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. В. МАЛЬКО, профессор Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Я. А. МАРГУЛЯН, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор

А. А. МАРКОВ, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор социологических наук, профессор

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО, профессор Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор

С. М. ОГАНЕСЯН, профессор Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Е. В. СИЛИНА, заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент

С. А. ЦЫПЛЯЕВ, декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат физико-математических наук

Адрес редакции:

190103, Санкт-Петербург,
Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

© Коллектив авторов, 2020

© Санкт-Петербургский университет
технологий управления
и экономики, 2020

SOCIOLOGY AND LAW № 2 (48) • 2020

Chief Editor

O. G. SMESHKO, Doctor of Economics, Associate Professor

Deputy Editor

G. A. KOSTIN, Vice Rector for Scientific Affairs, Associate Professor, Correspondent Member of the International Higher Education Academy of Sciences and Russian Academy of Military Sciences

The Editorial Department

M. V. Rybkina, Doctor of Law, Professor
N. N. Pokrovskaya, Doctor of Social Sciences, Professor

The Editorial Team

G. A. o. AGAEV, Professor of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor

B. BERGMANN, Member of the Academic Council of the European Academy of Sciences and Arts Letters, Head of the Working Group "Science and Education" of the Forum "Petersburg dialogue" (the German Side), Doctor of Law, Professor

V. M. BOER, Dean of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

S. S. BRAZEVICH, Professor of St. Petersburg State University, Doctor of Social Sciences, Professor

N. V. BUGEL', Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Professor

E. V. VOSKRESENSKAYA, Director of the Institute of Law of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

I. I. ELISEEVA, Head of Department of Sociology Institute of RAS, Doctor of Economics, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences

N. N. ZHIL'SKIY, Head of Department of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

S. Yu. KOSAREV, Head of Department of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor

R. A. KOSTIN, Head of Department of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. V. MALKO, Professor of Saratov State Law Academy, Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation

Ya. A. MARGULYAN, Professor of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

A. A. MARKOV, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Social Sciences, Professor

Yu. V. MISHAL'CHENKO, Professor of St. Petersburg State Marine Technical University, Doctor of Law, Professor

S. M. OGANESYAN, Professor of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

E. V. SILINA, Head of Department of Pushkin Leningrad State University, Doctor of Law, Associate Professor

S. A. TSYPLYAEV, Head of Department of Law of the North-West Institute of Management (branch of RANEPa), Ph. D. in Physical and Mathematical Science

Editorial office:

44/a Lermontovskiy Ave,
St. Petersburg, Russian Federation, 190103
Phone: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@spbume.ru, izdat-ime@yandex.ru

© Team of authors, 2020
© Saint Petersburg University
of Management Technologies
and Economics, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>В. Н. Келасьев, И. Л. Первова, О. В. Келасьев.</i> Технологии подготовки подрастающего поколения к семейной жизни	6
<i>В. В. Бородин, Н. М. Букаев, М. Г. Чепрасов.</i> Вымирание российских муниципальных образований — социально-экономическая проблема.....	17
<i>Э. М. Айрапетян, Н. Н. Покровская, А. Б. Черных.</i> Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний	27
<i>Х. Ф. Акрамов.</i> Конвертация социального капитала и его влияние на систему социальной защиты	38
<i>А. А. Ахтырский, Н. В. Тюмасаева.</i> Особенности трудовой мотивации педагогических работников.....	51
<i>П. А. Савченко.</i> Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации	62

Право в жизни государства и личности

<i>Д. А. Ильичев, М. С. Кармановский, Е. В. Косьяненко.</i> Преступное сообщество (преступная организация): теория и практика применения статьи 210 Уголовного кодекса РФ	69
<i>М. В. Рыбкина.</i> Риски предпринимательской деятельности и их влияние на развитие трудовых отношений	78
<i>Д. В. Бобров, А. А. Шулу, Ф. Ф. Фарисов.</i> О междисциплинарном функционально-динамическом подходе к анализу политической системы современного общества	83
<i>Ж. П. Гунзынов.</i> Сущность информационных Telegram-каналов как средства массовой информации (на примере Республики Бурятия)	90
<i>Р. Г. Калустов.</i> Общественный порядок: понятие и содержание категории	95
<i>Н. Е. Краснова.</i> Особенности процедуры привлечения несовершеннолетних к административной ответственности	100
<i>В. В. Левин.</i> Судебная система России: понятие и правовые особенности	106
<i>И. А. Чужинов.</i> Отчет об оценке рыночной стоимости объекта недвижимости как главное доказательство в судебных делах об оспаривании кадастровой стоимости	114

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>V. N. Kelasev, I. L. Pervova, O. V. Kelasev.</i> Technologies for Preparing the Younger Generation for Family Life	6
<i>V. V. Borodin, N. M. Bukaev, M. G. Cheprasov.</i> On the Issue of Determining the Problematic Aspects of the Extinction of Russian Municipalities	17
<i>E. M. Hayrapetyan, N. N. Pokrovskaya, A. B. Chernykh.</i> Sociological Analysis of Labor and Intellectual Migration of Young People in the Knowledge Economy	27
<i>Kh. F. Akramov.</i> Social Capital Conversion And Its Influence On The Social Protection System.....	38
<i>A. A. Akhtyrskiy, N. V. Tyumaseva.</i> Features of Labor Motivation of Pedagogical Workers	51
<i>P. A. Savchenko.</i> The Concept of Social Capital in the Works of P. Bourdieu: Interpretation Issues	62

The Law in a State and Person Life

<i>D. A. Il'ichev, M. S. Karmanovskiy, E. V. Kos'yanenko.</i> Criminal Association (Criminal Organization): Theory and Practice of Application	69
<i>M. V. Rybkina.</i> Risks of Entrepreneurial Activity and Their Impact on the Development of Labor Relations	78
<i>D. V. Bobrov, A. A. Shulus, F. F. Farisov.</i> The Interdisciplinary Functional-Dynamic Approach to the Analysis of the Political System of Modern Society.....	83
<i>Zh. P. Gunz'ynov.</i> The Essence of Information Telegram Channels as a Media (for Example, the Republic of Buryatia).....	90
<i>R. G. Kalustov.</i> Public Order: Concept and Category Content	95
<i>N. E. Krasnova.</i> Features of the Procedure for Bringing Minors to Administrative Responsibility	100
<i>V. V. Levin.</i> The Judicial System of the Russia: Concept and Legal Features.....	106
<i>I. A. Chuzhinov.</i> The Report on the Assessment of the Market Value of the Property, as the Main Evidence in Court Cases on Contesting the Cadastral Value	114

В. Н. Келасьев, И. Л. Первова, О. В. Келасьев

Технологии подготовки подрастающего поколения к семейной жизни

***V. N. Kelasev, I. L. Pervova, O. V. Kelasev. Technologies for Preparing
the Younger Generation for Family Life***

В статье рассмотрены подходы к подготовке подрастающего поколения к семейной жизни. Предлагается активно-формирующая технология работы с подростково-молодежной аудиторией, ориентированная на формирование ее социальной компетентности в сфере семейных отношений. Данная технология является значимой для успешной реализации национального проекта «Демография» 2019–2024.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, подрастающее поколение, готовность к семейной жизни, социальная компетентность.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1-3, 9-й подъезд; (812) 324-12-70; e-mail: pervovai@mail.ru.

The article discusses approaches to preparing the younger generation for family life. An active-forming technology for working with adolescent and youth audience is proposed, which is focused on the development of social competence in the field of family relations. This technology is significant for the successful implementation of the National Project “Demography” 2019–2024.

Keywords: family, family relations, the younger generation, readiness for family life, social competence.

Contact Details: Smol’nogo Str. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (812) 324-12-70; e-mail: pervovai@mail.ru.

К настоящему времени такой традиционный институт, как семья, претерпел значительные изменения. Многие изменения оказали положительное влияние на взаимоотношения внутри семьи, но, к сожалению, большинство трансформаций

Вячеслав Николаевич Келасьев — заведующий кафедрой теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

Ирина Леонидовна Первова — профессор кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

Олег Вячеславович Келасьев — старший преподаватель кафедры социологии молодежи Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат социологических наук.

© Келасьев В. Н., Первова И. Л., Келасьев О. В., 2020

сделали институт семьи нестабильным, подверженным негативным воздействиям и не выполняющим возложенных на него функций.

В современных условиях наблюдается падение семейных ценностей, рост числа семейных конфликтов, изменение общественного положения как женщин, так и мужчин. Растет число неполных семей. Кроме того, насилие в семье остается на высоком уровне. Множество браков заканчиваются разводами, а значительная часть людей предпочитает не регистрировать отношения. Состояние сегодняшней российской семьи вызывает опасение, и оно вряд ли может быть оценено как удовлетворительное. Поэтому, вероятно, большинство людей, вступающих в брак, не готовы к семейной жизни, не имеют реального представления о ее трудностях и о проблемах, которые супругам придется решать в дальнейшем.

Ввиду этого важной задачей становится профилактика негативных явлений в семейной жизни: роста числа разводов, неполных семей, фактов семейного насилия, детской безнадзорности и беспризорности. Особенно актуальны эти задачи в молодежной среде. Ухудшающееся социальное здоровье молодежи требует к себе особого внимания. В том числе очень важно создание новых подходов к морально-нравственному воспитанию и образованию подростков и молодежи, внедрению программ по формированию здорового образа жизни и подготовке к семейной жизни с использованием инновационных социальных технологий.

В каждом из ежегодных посланий Президента Российской Федерации (РФ) Федеральному Собранию, начиная с 2000 г., говорится о том, что успех развития российского общества во всех сферах тесно связан с решением острейших демографических проблем, что предполагает укрепление семьи как социального института. Особенно остро это прозвучало в послании 2020 г. [1].

Проблемы охраны здоровья молодежи в условиях экономического и демографического кризиса выходят за пределы здравоохранения и приобретают характер первостепенных задач национальной политики. На уровень рождаемости и состояние брачно-семейных отношений оказывает влияние распространение в молодежной среде особого типа демографического поведения, преобладающими ценностно-целевыми установками которого являются предпочтение бездетной или однополой семьи, снижение брачности, высокий уровень одобрения альтернативных традиционной форм семейно-брачных взаимоотношений (незарегистрированный брак, свободные отношения, гомосексуальные семьи и т. п.) [2].

Современные исследователи отмечают следующие тенденции в семейной жизни молодых людей:

- дестабилизация молодой семьи, в частности рост числа разводов и неполных семей, матерей-одиночек, высокая смертность молодых мужчин и, как следствие, распространение вдовства среди молодых женщин;
- трансформация традиционных стандартов семейной жизни и домашнего уклада, обострение межпоколенческих отношений, что обусловлено критическим и протестным отношением молодых к опыту старших поколений, сменой стиля жизни современных молодоженов;
- нарастание конфликтности во внутрисемейных отношениях (супружеских, родительно-детских), сочетающееся с нежеланием и неумением молодых разрешать конфликты, сотрудничать, искать компромиссы;
- обострение ролевых конфликтов молодых женщин при стремлении успешно сочетать репродуктивную и профессиональную деятельность;
- сохранение низкой культуры интимных отношений, распространенности абортов, калечащих здоровье молодых женщин, слабой осведомленности молодых мужчин о культуре контрацептивного поведения;

- нивелирование гендерных различий в стандартах и нормах полового и сексуального поведения молодежи;
- становление разнообразных форм брака — фактический и гражданский брак, повторный брак, гостевой брак и других [3].

Современная молодая семья нуждается в поддержке, без промедления требуется решение перечисленных проблем. Перепись населения 2002 г. показала, что в неполных и иных семьях воспитывается уже 7,1 млн детей, а их доля от общего числа детей в семьях резко возросла. Конечно, кризис семьи в России связан с общим кризисом российского общества, который негативно повлиял и на воспитательный потенциал семей. Число детей, воспитывающихся без одного или обоих родителей, растет за счет всех факторов формирования неполных семей. На этот процесс влияет высокий уровень разводимости и внебрачной рождаемости. Немалую роль играет и повышение уровня смертности в среднем возрасте, особенно среди мужчин, что ведет к вдовству и сиротству.

Один из возможных вариантов профилактики семейных проблем и укрепления российской семьи — введение в школах курса по подготовке к семейной жизни, в котором с подростками в форме тренингов, лекций, игр обсуждались бы проблемы межличностных взаимоотношений в семье. Как известно, с 1985 г. в отечественных школах ввели курс «Этика и психология семейной жизни», который, однако, получил негативную оценку со стороны СМИ, представителей РПЦ, ряда депутатских фракций, и проект в результате был свернут [4; 5]. Однако проблема неготовности подрастающего поколения к созданию семьи не утратила остроты.

Сложившаяся ситуация требует поиска новых подходов в подготовке подрастающего поколения к семейной жизни, а также создания специальных психолого-педагогических и социально-педагогических условий для формирования у подростково-молодежной аудитории осознанной личностной мотивации к браку. Речь идет о повышении ее социальной компетентности в этой жизненно важной сфере. Важно, чтобы подрастающее поколение могло не только противостоять «разломам» социальной действительности, но и сформировать для себя важные ценностные ориентиры в системе «человек—семья—общество», что предполагает, на наш взгляд, получение определенных знаний, установок и умений все это применять на практике.

Именно подростковый период в современных российских условиях, как период непрерывного обучения, времени формирования привычек, мировоззрения, потребности в близких доверительных отношениях, любви, представляется наиболее отвечающим формированию собственного отношения к будущей семье и семейным ценностям, с пониманием того, что подойти к этому шагу необходимо осмысленно и ответственно.

В наши дни существует множество технологий подготовки подростков к семейной жизни. Они различаются и по масштабности, и по методам обучения, по взгляду на семейную жизнь, нравственно-ценностным ориентациям и др. Сегодня отсутствуют четкие границы между понятиями «половое воспитание» и «подготовка к семейной жизни», т. е. любые, даже самые бессистемные разговоры с подростками на тему семьи и любви могут быть охарактеризованы как «половое воспитание». И наоборот, откровенное просвещение по половым вопросам (например, обучение использованию презервативов) может называться «подготовкой к семейной жизни». Все же понятие «подготовка к семейной жизни» представляется более широким, поэтому методологически легче придерживаться именно его, подразумевая «половое воспитание» как неотъемлемую часть подготовки к семейной жизни.

Имеющиеся подходы существенно различаются. Согласно мнению одних сторонников некоторых подходов, половая жизнь рассматривается отдельно от остальных сфер жизни человека, придавая ей либо слишком большое значение, другие — минимизируют ее.

Характеристика подходов к подготовке к семейной жизни

1. *Медицинский подход и пропаганда безопасного секса.* В рамках данного подхода основной целью работы с подростками представляется их просвещение по вопросам репродуктивного здоровья, контрацепции; профилактика подростковой беременности и инфекций, передающихся половым путем. Половое воспитание рассматривается как изучение репродуктивных и биологических особенностей женского и мужского организма. В таком видении отношения между мужчиной и женщиной предстают только как физиологическая потребность, как удовлетворение инстинкта. Причем признается, что потребность в сексуальных отношениях есть у всех без исключения подростков, а также все они видятся высоко заинтересованными в получении информации по данным вопросам.

В числе положительных сторон данного подхода можно отметить высокую информативность и объективность. Как правило, подобные занятия проводятся специалистами-медиками, т. е. изначально обеспечивается высокая достоверность тех знаний, которые получают подростки.

Однако больше у данного подхода негативных сторон. Во-первых, неприемлемой видится абсолютизация сексуальных потребностей и их обособление из всей полноты межличностных отношений. Во-вторых, не учитывается социально-психологическая дифференциация в подростковой среде. Формирование интереса к половой жизни у всех начинается в разное время. Поэтому проведение таких занятий, например, в школе, требует особо внимательного подхода (не все ученики, допустим, 9-го класса, заинтересованы в посещении таких занятий). В-третьих, первоначальная цель — профилактика — представляется труднодостижимой. Объем новых знаний велик, для их усвоения требуется время и некоторый опыт. Кроме того, требовать рассудительности от влюбленного подростка перед сексуальным контактом невозможно. А наличие знаний еще не означает изменение поведения. Кто, например, из курильщиков, не знает о вреде своей привычки? Но это ведь еще не повод ее оставить. В-четвертых, тема половых отношений крайне интимна, ее не всегда решаются обсуждать и с самыми близкими людьми. В условиях группового общения, в окружении сверстников (особенно — одноклассников), подросток, скорее, замкнется, чем будет откровенным с посторонним взрослым человеком. В-пятых, опять же ввиду обособления сексуальной сферы жизни человека, не рассматривается морально-нравственная сторона вопроса и не формируется чувство ответственности за свои поступки. Часто этот эффект усиливается раздачей бесплатных презервативов (т. е. с подростков снимается даже элементарная материальная ответственность). Получается, все, что должен знать подросток, — это как избежать негативных последствий сексуального контакта. Тем самым обучение носит просветительский, информирующий характер, предоставляя ребенку абсолютное право выбора.

При таком подходе у подростков не формируется определенное представление об отношениях полов, не усваиваются нормы сексуального поведения. Лучшее место для осуществления медицинских программ, с нашей точки зрения, учреждения здравоохранения, куда молодые люди могут обращаться по собственной инициативе. Базой для осуществления программ по медицинскому просвещению могут стать, например, клиники, дружественные молодежи.

2. В последнее время популярность приобретает *подход, основанный на пропаганде воздержания*. Идея начала интимных отношений в сознательном и зрелом возрасте как таковая выглядит рациональной. Большинство подростков не обладают уровнем психологической и физиологической готовности, достаточным для вступления в интимную связь. Не лучше ли подождать с началом половой жизни, заняв себя другими увлечениями? На практике выходит, что не лучше. Цель такого подхода — в откладывании проблемы. Признается, что подростковая сексуальность и раннее начало половой жизни влекут за собой множество социальных проблем: подростковую беременность, аборты, распространение заболеваний, передающихся половым путем (ЗПП). Эти проблемы так или иначе появятся, только лучше, если появятся через 5–10 лет, когда подростки станут взрослыми. Неэффективность программ воздержания отмечается многолетним опытом США по внедрению подобных программ в школьное образование. Уровень подростковых беременностей, а также ЗПП не зависит от участия подростков в подобных программах. В чем же недостаток пропаганды воздержания?

Во-первых, идея воздержания, не основанная на каких-либо нравственных принципах, не выглядит в глазах подростка привлекательной. Во-вторых, отсутствует рациональное объяснение тезиса о том, в чем смысл воздержания. В-третьих, непривлекательной выглядит идея по непонятным причинам воздерживаться, когда вокруг другие позволяют себе интимные отношения. Не похоже, что воздержание ради воздержания способно заинтересовать подростка. Пропаганда воздержания может быть успешной среди подростков младшего возраста, не имеющих сексуального опыта, но в большинстве других ситуаций применять этот подход нецелесообразно, принимая во внимание нравы современного общества. Кроме того, такой подход несет в себе элемент подавления: в итоге он представляет собой не что иное как попытку запугиванием принудить подростков к воздержанию, а это может вызвать обратную реакцию. Наивно полагать, что большинство имеющих сексуальный опыт подростков вдруг прекратят половые контакты.

Все лучшие программы сексуального образования начинаются с вопроса о воздержании. Они поощряют молодых людей, которые еще не готовы к сексу, не поддаваться давлению сверстников и отказываться от нежелательных сексуальных контактов, но они также поддерживают тех, кто занимается сексом по тем или иным причинам. Сторонники пропаганды воздержания критикуют сексуальное образование за то, что оно фокусируется на «сношении» и игнорирует ценности в отношениях. Очевидно, что наиболее успешные программы по сексуальному образованию не должны говорить только о биологии секса и рисках (хотя дети должны знать базовые факты о том, как работают их собственные тела, и как защитить себя от нежелательной беременности и инфекций, передаваемых половым путем).

Сегодня ни одна программа пропаганды только воздержания не смогла доказать свою эффективность в соответствии с необходимыми научными критериями. Политика поддержки пропаганды воздержания основана на политических и идеологических аргументах и не имеет научной поддержки. Непростое отношение к подростковой сексуальности мешает проведению исследований о том, какие программы лучше всего предотвращают случаи ВИЧ среди молодежи. Вопрос состоит не в том, что взрослые хотят сказать молодым людям о сексе и почему, а в том, что нужно самим молодым людям, чтобы сохранить здоровье.

3. *Религиозный подход* представляется перспективным. Во-первых, основное внимание уделяется именно ценностным установкам. Во-вторых, глубокое личное принятие религиозных ценностей способствует изменению поведения. В-третьих,

в рамках религиозных правил и предписаний интимные отношения наполняются новым смыслом.

Идея воздержания до брака, верности супругу — все это имеет ценность только в контексте религиозных представлений. Подход пропаганды воздержания неэффективен именно из-за того, что воздержание не наполнено ценностным смыслом. Более того, в современном сознании воздержание становится каким-то «ущербным». Так, например, считается, что важно воздерживаться до брака, а потом можно и разводиться, и изменять, т. е. все, что угодно. Более строгие требования предъявляются к женщинам и девушкам, нежели к мужчинам. Такая «двойная» мораль не имеет ничего общего с религиозными ценностями и пониманием семьи.

Сотрудничество школы и церкви целесообразно именно в вопросе подготовки подростков к семейной жизни. Во-первых, большая часть жителей России считают себя православными. Во-вторых, взгляд на семью и брак в различных религиях — вопрос не богословского и не догматического характера. Следовательно, церковь может наполнить подготовку к семейной жизни ценностным восприятием семьи, брака, верности. Без религиозного компонента идея воздержания до брака и сохранения верности не имеет смысла, так как основана только на внешних регуляторах морали (прежде всего, общественном мнении). Боязнь совершить постыдный поступок — это не лучшее жизненное руководство. Самостоятельный человек соизмеряет поступки с голосом совести, с интернальным локусом контроля, а по словам И. Канта, и с «нравственным законом внутри» себя. Религия закладывает в человека такой «нравственный закон», вне религиозного контекста рационально объяснить нежелательность добрачных половых связей невозможно.

Более того, церковь делает первые шаги на этом пути и занимается половым воспитанием подростков. Как явствует из «Основ социальной концепции русской православной церкви», церковь признает необходимым половое воспитание в рамках тактичности и установленных в данной культуре принципов: «Понимая, что школа, наряду с семьей, должна предоставлять детям и подросткам знания об отношениях полов и телесной природе человека, Церковь не может поддерживать те программы “полового просвещения”, которые признают нормой добрачные связи, а тем более различные извращения. Совершенно неприемлемо навязывание таких программ учащимся. Школа призвана противостоять пороку, разрушающему целостность личности, готовить юношество к созданию крепкой семьи, основанной на верности и чистоте» [6].

4. Нельзя оставить без внимания и *ярых противников любых попыток подготовки к семейной жизни*. Протест возникает по вполне понятным причинам. Во-первых, имеется негативный опыт 90-х гг., времен засилья зарубежных программ полового воспитания (причем программ самого сомнительного качества). Во-вторых, налицо явное отождествление понятий «половое воспитание» и «подготовка к семейной жизни». Ханжеский взгляд на проблему подростковой сексуальности, нежелание обсуждать с подростками проблемы пола, любви, семейной жизни — все это только способствует росту негативных явлений в российской семье. Чаще всего ярыми противниками введения таких курсов являются родители. Очевидно, что многих родителей пугает сексуальность их подрастающих детей, и они пытаются повлиять на нее самыми нелогичными способами: запрещают подготовку к семейной жизни в школах («нельзя забивать голову вредными мыслями»); ограничивают получение подростками информации о контрацепции («надо, чтобы девушка страшилась беременности») либо делают вид, что подростковая сексуальность не существует. К сожалению, система запретов ока-

залась неэффективной, так как в табуировании определенных действий отсутствует рациональный компонент. За «нельзя» не следует объяснений, почему нельзя.

Очевидно, что наиболее эффективным будет разумное совмещение положительных сторон всех подходов, ориентированное, прежде всего, на формирование нормативно-ценностной картины взаимоотношений мужчины и женщины. Половое и сексуальное воспитание должно быть построено на принципе «разговора с равным»: не принижать подростка, не подавлять его сексуальных желаний и стремлений, но и не возводить их в 'абсолют', который движет поступками человека, а стремиться развивать в подростках чувство ответственности за свою жизнь и за жизнь любимого человека.

Требования при разработке программ подготовки к семейной жизни

Сегодня необходимо создание комплексной программы, равно уделяющей внимание всем аспектам семейной жизни, использующей как проверенные временем, так и новейшие технологии обучения и воспитания. Важной особенностью такой программы должны быть общедоступность и легкость в использовании. Проблема подготовки подростков к семейной жизни сложна и тем, что очень высока необходимость единства государства, общества, системы образования по данному вопросу. Наличие большого числа технологий — это хорошо с методической, научной точки зрения. На практике создается некоторая 'мозаичность' в вопросах подготовки к семейной жизни. Не будет особого эффекта, если в одной школе будут преподавать только сексуальное просвещение, в другой, наоборот, придерживаться самых строгих моральных правил и пропагандировать воздержание.

Единство должно быть и в методах работы, и в принципах общения с детьми. Залог успеха — комплексность, равномерное освещение всех аспектов семейной жизни, направленность на активное взаимодействие с подростками, а не механическое донесение информации. Становление готовности старших учащихся к семейной жизни предполагает реализацию в образовательном процессе таких условий, как обеспечение актуализации ценностного содержания представлений о семье для старших учащихся и их ближайшего окружения (семьи, сверстников, педагогов); организация модельных ситуаций, предполагающих выбор учащимися стратегии поведения будущего семьянина на основе творческой интерпретации семейных ценностей; обеспечение взаимосвязи внешнего социально-педагогического воздействия с внутриличностным процессом становления готовности старших учащихся к семейной жизни.

Обобщая изложенное о различных программах, можно сделать ряд выводов. В настоящее время отсутствует комплексный подход в решении проблемы подготовки подростков к семейной жизни. Любой специалист, занимающийся этой проблемой, создает программу, исходя из личных предпочтений и взглядов на семью. Преобладает желание решить проблему прямо сейчас, любыми методами, руководствуясь принципом лучше что-то, чем ничего. В действительности такая поспешность не только бесполезна, но и вредна. Часто некачественные, плохо продуманные программы подготовки подростков к семейной жизни могут травмировать подростков, исказить представления о семье, что особенно характерно для медицинских моделей.

Очевидна несбалансированность нравственной и педагогической составляющих программ. Если особое место уделяют нравственности, то без внимания остается важность формирования навыков общения, поведения в семье и наоборот. Базовые принципы, которым должна соответствовать программа по подготовке под-

ростков к семейной жизни, состоят в следующем. Любая программа по подготовке к семейной жизни должна уважительно относиться к личности ребенка, его чувствам, взглядам, убеждениям. Ни в коем случае не должна иметь место манипуляция мыслями и чувствами подростков. Программа по подготовке к семейной жизни должна быть целостной, т. е. необходим целостный подход к семье, при котором рассматриваются все без исключения сферы семейной жизни. Комплексный подход относится к методологии программы и означает использование различных методов воспитания и образования, применяемых комплексно, вместе (например, сочетание информативной лекции и игры).

В аспекте информативности программа должна содержать в себе большое количество информации, новой для подростков. Это относится ко всем сторонам программы. Обсуждать следует качественно новое для подростка, а не то, о чем ему говорили уже много раз. Очень важны правдивость и достоверность информации. Факты, данные, используемые в программе, должны быть проверены и соответствовать действительности.

Акцентируем внимание и на образовательном характере программы. Подростки должны узнавать новое о семье: ее истории, современном состоянии, психологии внутрисемейных отношений, т. е. подготовка подростков к семейной жизни — определенный школьный курс, такой же, как алгебра или физика. Значимый момент — формирование социальных навыков, от межличностного общения и до некоторых навыков ведения домашнего хозяйства, что успешно достигается путем проведения с подростками тренингов и упражнений по соответствующим темам.

Наконец, бессмысленно говорить об успешной подготовке к семейной жизни, если не учитывается нравственная составляющая семейной жизни. Именно на формирование нравственного отношения к семье и должна быть направлена в первую очередь программа по подготовке к семейной жизни. Программа выступает в виде определенной технологии с четкой последовательностью разделов и тем. Нравственная основа подготовки к семейной жизни — это возможность для подростков научиться быть честными с самими собой, понимать глубокий смысл любви, где нет места насилию, неправде, эгоизму.

Опыт создания технологии подготовки подростков к семейной жизни

Технология подготовки к семейной жизни должна носить активно-формирующий характер и быть доступна для любого социального педагога, психолога, социолога, социального работника без дополнительной подготовки. Работа над созданием активно-формирующей методики по подготовке подростков к семейной жизни проводилась на кафедре теории и практики социальной работы факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) в течение трех с половиной лет. Отработка технологии методики и ее апробация осуществлялись в типичных средних общеобразовательных школах Санкт-Петербурга на контингенте учащихся старших классов. Существенным фактором являлось использование методики «Равный — равному», а также создание неформальной, непринужденной обстановки. Работа с учащимися осуществлялась раз в неделю. Занятия проводились в интерактивной форме.

Опыт применения технологии показал высокую востребованность новых социальных технологий в системе образования. Подростки оказались готовы к участию в программе по подготовке к семейной жизни, были заинтересованы во введении такого предмета в школе, активно участвовали в занятиях. В ходе работы по программе ребята получили новые навыки поведения, принимали участие в играх и групповых дискуссиях. Подростки смогли в свободной обстановке об-

судить все интересующие их темы. Несмотря на случаи не очень доброжелательного отношения администрации ряда учебных заведений, можно утверждать, что в целом школы Санкт-Петербурга оказались готовы к введению в учебный план новой программы по подготовке к семейной жизни и повышению имиджа семьи.

По итогам проведенных занятий со школьниками издано пособие «Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни» [7]. Курс «Подготовка к семейной жизни» состоит из трех разделов, освещающих различные аспекты семейных отношений.

Первый раздел посвящен психологии взаимоотношений. Многие подростки признаются, что часто им не хватает знаний о том, как вести себя с противоположным полом. Вместе с тем у многих из них уже существует опыт романтических отношений. Полученные в ходе этих занятий знания помогут подросткам успешнее взаимодействовать в реальной жизни. Основные задачи данного раздела: информирование подростков о межличностных отношениях, стадиях их развития, характерных эмоциональных переживаниях в тот или иной период развития отношений; обсуждение проблематики интимных отношений, свободной любви. Обсуждаются также нравственные вопросы отношений мужчины и женщины, доверия друг другу, ответственности, верности. Излагаются проблемы разрыва и прекращения отношений, тяжелых эмоциональных переживаний в данный период, возможности преодоления стрессового состояния. В рамках каждой встречи подростки слушают лекцию, затем участвуют в игре либо в групповой дискуссии на данную тему.

Второй раздел связан с вопросами нравственных, социальных и медицинских аспектов гендерных отношений. Разговор начинается с обсуждения нравственных аспектов начала интимных отношений. Рассматриваются и обсуждаются религиозные взгляды на данный вопрос, а также современные взгляды на интимные отношения. Основная задача этого раздела — сформировать у подростков ответственное отношение к своей жизни и своему здоровью, что может быть сделано только в нравственном контексте. Сегодня многие подростки нормально относятся к идее интимных отношений до брака, немало ребят из тех, с которыми проводилась работа, уже имели такой опыт. Главная мысль всего раздела — ответственность. Подросткам часто хочется быстрее стать взрослыми. Важно показать, что подростковый период тоже имеет свои неоспоримые достоинства, в том числе и право оставаться ребенком. Вступая во взрослую жизнь, человек принимает на себя и всю полноту ответственности. Продуктивным представляется и такой подход, при котором стремление как можно раньше начать половую жизнь рассматривается как потребительское отношение к любимому человеку, желание быстрее получить все возможные удовольствия, не прилагая усилий. В рамках этого раздела обсуждаются такие проблемы, как беременность подростков, аборты, заболевания, передающиеся половым путем, в том числе СПИД.

Во время занятий подростки почти всегда оказываются включенными в дискуссию. Это возможно и благодаря использованию примеров. Они участвуют в обсуждении историй несовершеннолетних матерей, вместе ищут возможные выходы из сложившейся ситуации, сопереживают героиням, находят ошибки, которые по возможности не надо повторять в дальнейшем. В теме об абортах разговор начинается с обсуждения моральных аспектов. Остро обсуждается вопрос о том, что такое аборт: убийство или право распоряжаться своим телом. Большое внимание уделяется вопросу о роли отца в ситуации аборта. Темы, представленные в данном разделе, остры, проблемны и не находят в современном обществе однозначного ответа. Главная задача заключается в том, чтобы заставить подростков задуматься, какую позицию занимают они, чем руководствуются при

принятии решений. Подростки так или иначе должны сами себе ответить на эти вопросы.

Третий раздел посвящен вопросам взаимоотношения подростка с его семьей, а также основным проблемам, с которыми можно столкнуться, создавая собственную семью. Начинается разговор с истории семьи и брака. Освещаются различные взгляды на семью, внутрисемейную иерархию, правила взаимоотношений в семье, предназначение и смысл семейной жизни. Затем рассматриваются вопросы о роли каждого из супругов в создании семьи. Что такое настоящий мужчина? Какие качества ему необходимы в современном мире, как они изменились за последнее время. Какую роль отец играет в семье? Неужели он только добытчик или все-таки глава семьи, тот, кто несет ответственность за всех ее членов? Какими выглядят сегодняшние женщины? Какие качества для них характерны? Что важнее для женщины — семья или карьера, можно ли успешно сочетать и то, и другое? Все эти вопросы освещаются в современном социально-культурном контексте и выносятся для самостоятельного обсуждения в аудитории. В ходе диалогов подростки вырабатывают свое личное мнение по каждому из этих вопросов. Особое внимание уделяется мифам о семье, распространенным в наши дни. Задача этой темы — попытаться разрушить существующие стереотипы, призвать подростков руководствоваться своим умом и собственным опытом, а не расхожими представлениями.

Много внимания уделяется материально-экономическим аспектам семейной жизни. Неслучайно затрагиваются вопросы о том, какие потребности есть у современных семей; что могут, а чего не могут позволить себе молодые супруги; как строить семейный бюджет? Ответы на эти вопросы ребята получают и в ходе совместных игр, где им требуется найти оптимальное решение в предложенной ситуации.

Не оставлены без внимания и правовые основы семейной жизни. Подростки знакомятся с Семейным кодексом РФ, международными документами о защите прав материнства, семьи и детства. В заключение темы даже пишут небольшую тестовую работу для закрепления материала и проверки знаний. В качестве последней темы третьего раздела выступает тема «развода», к сожалению, очень распространенного явления. Большинство подростков, которые участвовали в этом курсе, — из неполных семей. Иногда ситуации в их семьях по-настоящему драматические. Тема развода родителей актуальна для многих. Следует не просто оказать определенную психологическую поддержку, но и убедить подростков в том, что неполная семья может быть счастливой, полноценной. Тем не менее развод — это очень нежелательный итог семейной жизни. Поэтому важно и убедить подростков не стремиться к разводам в своей жизни.

Итогом образовательной программы являются результаты тестирования посредством комбинации психологических методик и социологических опросников, позволяющие определить:

- уровень знаний подростков, до и после того, как они приняли участие в программе;
- предпочитаемую ими стратегию в отношениях с противоположным полом;
- имидж семьи и его динамику по окончании программы;
- уровень сформированности нравственных принципов и взглядов на семью [7].

Опыт апробации программы показал, что очень важным в проведении тестирования служит своеобразное «спасибо», которое надо говорить всем, принимавшим участие в обучении. Подросткам было интересно узнать о себе что-то новое или, наоборот, найти подтверждение своему мнению. С учетом опыта применения

технологии стал очевидным тот факт, что подростки не просто готовы к участию в программе по подготовке к семейной жизни, но и очень заинтересованы во введении такого предмета в школе. Как показало исследование, многие подростки живут в неполных семьях, поэтому в повседневной практике они не могут найти положительных примеров создания семьи. В ходе работы по программе ребята поднялись на новый уровень в понимании современной семьи и ее проблем (через участие в играх и групповых дискуссиях). В свободной обстановке они обсуждали интересующие их темы, приглашали преподавателя продолжить занятие.

Таким образом, технология подготовки подрастающего поколения к семейной жизни, реализованная посредством указанной программы, формирует и повышает социальную компетентность подрастающего поколения в жизненно важной сфере. Без активных формирующих действий по поднятию престижа семьи в глазах подрастающего поколения невозможно достижение целей национального проекта о демографии (2019–2024) [8].

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию. 2020. 15 января [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Безрукова О. Н. Изменения в характеристиках молодой семьи // Положение молодежи Санкт-Петербурга: ежегодный доклад. СПб.: НИИ Комплексных социальных исследований СПбГУ, 2003. 32 с.
3. Безрукова О. Н. Тенденции рождаемости, формирования семьи и репродуктивных установок подростков и молодежи в Санкт-Петербурге // Внутриутробный ребенок: материалы Всемирного конгресса. М.: Academia, 2007. С. 35–36.
4. Тюленев А. Е. Подготовка учащихся общеобразовательной школы к реализации социальных функций семьи: дис. ... канд. пед. наук. М., 1997. 166 с.
5. Шевелева А. «Поза домиком»: что школьники знают про безопасный секс» [Электронный ресурс] // The Village. 2015. 15 апреля. URL: <https://www.the-village.ru/village/city/ustory/180125-polovoe-prosveschenieshkolnikov> (дата обращения: 10.02.2020).
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. X. Вопросы личной, семейной и общественной нравственности [Электронный ресурс] // Патриархия.ру. 2000. URL: https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_10 (дата обращения: 10.02.2020).
7. Келасьев В. Н., Первова И. Л., Шишкина Е. А. Подготовка подрастающего поколения к семейной жизни: учеб. пособие. СПб: Астерион, 2019. 182 с.
8. Национальный проект «Демография» от 24 декабря 2018 г. [Электронный ресурс] // Стратегия 24. URL: <https://strategy24.ru/rf/demography/projects/natsional-nyy-proyekt-demografiya> (дата обращения: 10.02.2020).

В. В. Бородин, Н. М. Букаев, М. Г. Чепрасов

Вымирание российских муниципальных образований — социально-экономическая проблема

V. V. Borodin, N. M. Bukaev, M. G. Cheprasov. On the Issue of Determining the Problematic Aspects of the Extinction of Russian Municipalities

В статье рассмотрена проблема вымирания российских муниципальных образований: сел, деревень и городов. Авторами выявлены главные причины уменьшения численности населения. Изложены мнения ученых по данному вопросу. Проводится сравнительный анализ сложившейся обстановки в странах Европы и США. Представлены стратегии развития села в России и за рубежом. В результате исследования определены концепции, помогающие понять, какие меры необходимо принять для восстановления исчезнувших территорий.

Ключевые слова: муниципальные образования, демографические процессы, социально-экономические проблемы, миграция, перепись населения, депопуляция.

Контактные данные: В. В. Бородин: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: vitya.borodin.56@list.ru | Н. М. Букаев: 460000, Оренбург, Комсомольская ул., д. 50; (3532) 31-25-43; e-mail: bukaev_nm@mail.ru | М. Г. Чепрасов: 460018, Оренбург, пр. Победы, д. 13; (3532) 91-21-74; e-mail: mihail1708@rambler.ru.

This article deals with the problem of extinction of Russian municipalities, namely Russian villages, villages and cities. The authors noted the main reasons for the population decline. The opinions of scientists on this issue are considered separately. A comparative analysis of the current situation in Europe and the United States. The strategies of rural development in Russia and abroad are touched upon. As a result of the study, concepts were identified that give ideas about what needs to be done to restore the disappeared territories.

Keywords: municipalities, demographic processes, socio-economic problems, migration, population census, depopulation.

Contact Details: V. V. Borodin: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 451-19-10; e-mail: vitya.borodin.56@list.ru | N. M. Bukaev: Komsomol'skaya Str. 50, Orenburg, 460000, Russian Federation; (3532) 31-25-43; e-mail: bukaev_nm@mail.ru | M. G. Cheprasov: Pobedy Ave 13, Orenburg, 460018, Russian Federation; (3532) 91-21-74; e-mail: mihail1708@rambler.ru.

Проблема вымирания российских муниципальных образований (сел, деревень, малых городов) — одна из самых острых социально-экономических проблем в современной России. На протяжении последних 15–20 лет стремительно уменьшается численность сельского населения, которая происходит из-за его естественной убыли (смертность превышает рождаемость), а также из-за миграционного

Виктор Васильевич Бородин — профессор кафедры конституционного и международного права юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ.

Николай Михайлович Букаев — профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН.

Михаил Геннадьевич Чепрасов — доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского государственного университета, кандидат юридических наук.

© Бородин В. В., Букаев Н. М., Чепрасов М. Г., 2020

оттока. Депопуляция сельских поселений настолько активна, что число заброшенных сел и деревень увеличивается с каждым годом.

В регионах Центральной России и Севера доля заброшенных деревень превышает 20 %. В 2006 и 2010 гг., когда происходила перепись населения, число заброшенных деревень возросло более чем на шесть тысяч. В половине всех сельских населенных пунктов проживают от 1 до 100 человек [1, с. 76]. Процесс депопуляции в аспекте территории РФ проходит неравномерно: происходит концентрация сельского населения вокруг отдельных «очагов» при одновременном расширении областей депрессивных сельских территорий, для которых характерна постоянная депопуляция. Основные причины, по которым происходит уменьшение численности населения сел, деревень и городов, находятся в социально-экономической плоскости. Для сел и деревень характерен низкий уровень жизни и высокий уровень безработицы. Молодежь переезжает в города, что приводит к дальнейшему социально-экономическому застою, деградации и депопуляции сельских территорий [2].

К другой проблеме можно отнести низкое качество жизни в сельской местности из-за невысокой доступности объектов социальной инфраструктуры (образовательной, медицинской, досуговой, транспортной) и основных услуг (прежде всего, государственных и муниципальных), а также жилищных условий и недостаточной обеспеченности жилищно-коммунальными благами. За последние 20 лет сельские населенные пункты утратили социальную инфраструктуру из-за процессов «оптимизации», которая особенно сильно затронула именно сельские территории. Руководствуясь данными Росстата, за указанные два десятилетия количество сельских школ уменьшилось примерно в 1,7 раз (от 45,1 тыс. в 2000–2001 гг. до 25,9 тыс. в 2014–2015 гг.), больничных организаций — в 4 раза (от 4 378 в 2000 г. до 1 064 в 2014 г.), амбулаторно-поликлинических учреждений — в 2,7 раз (от 8 389 в 2000 г. до 3 064 в 2014 г.) [3].

Процесс депопуляции сел и деревень нельзя отнести к уникальным российским явлениям, так как он во многом схож с другими странами. При этом данный социально-демографический процесс и опустение сельских территорий идут в России по сравнительно негативному сценарию, связанному с гиперконцентрацией населения в столице и крупных городах, более характерному для стран Азии и Латинской Америки.

В настоящее время меры по уменьшению стабильного сокращения численности населения сельских территорий в России предусмотрены на уровне государственных программ. Но необходимо признать, что общее направление государственной политики ведет к концентрации финансов, рабочих мест и, как следствие, населения в столице и других крупных городах. Попытки сохранения численности сельских жителей и стимулирования миграции населения в сельскую местность не работают, поскольку точечные меры проваливаются из-за фактического отсутствия условий для развития сельских территорий.

Численность населения в малых городах РФ за последние 15 лет упала почти на полтора миллиона человек. Жители Приволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока уезжают в Москву, Петербург и на Кубань. По мнению исполнительного директора Днестровско-Прутского информационно-аналитического центра, кандидата социологических наук И. Белобородова, причины сокращения населения в малых городах хорошо известны. Первая — это низкая рождаемость. Но она фиксируется не только в малых городах. Вторая — это переезды, миграция из малых городов в более крупные. Сначала донорами рабочей силы были села и деревни, затем к этому процессу подключились малые города. Сегодня мы видим тенденцию к концентрации на-

селения в мегаполисах, городах-миллионниках, что закономерно, и, думаю, этот процесс будет продолжаться.

Возникает и вопрос о том, хороша ли урбанизация. С точки зрения И. Белобородова, вряд ли. Города считаются «черными дырами» в демографии, и многоэтажная застройка не способствует семейности, высокой рождаемости и рождаемости как таковой. Сопутствующим является вопрос о том, что с этим делать. В настоящее время нет намерений эти тренды развернуть, обратить их вспять. Очевидна общемировая тенденция, и, к сожалению, мы обречены с ней жить надолго.

В крупных городах есть плюс — большая продолжительность жизни. Но, во-первых, она была бы достижима при хорошей организации медицины и в сельской местности. Во-вторых, высокая продолжительность жизни не компенсирует убыль населения. Чтобы было воспроизводство, на одну семью должно приходиться как минимум двое детей. Сегодня рост продолжительности жизни приводит лишь к тому, что население стареет.

Заместитель председателя Правительства РФ Т. Голикова в своих выступлениях отмечает, что за первый квартал 2020 г. численность населения страны сократилась на 150 тыс. человек. Мы видим возврат депопуляции в тех объемах, которые наблюдались еще до нулевых годов. Вероятно, эти тенденции будут углубляться, так как радикальные меры, чтобы их остановить, к сожалению, не предпринимаются. И, видимо, имеющиеся прогнозы о сокращении численности населения неизбежно оправдаются.

О. Комолов, кандидат экономических наук, доцент Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова утверждает: «России грозит депопуляция, потому что численность населения у нас снижается, коэффициент рождаемости находится ниже критически значимой отметки в 2,1 ребенка на одну женщину (у нас это где-то 1,8–1,9). А в реальности только за первые 5 месяцев этого года — минус 150 тыс. человек населения. Все это, конечно, грозит России вымиранием, потому что у нас и без того большая часть территории страны не заселена, а, судя по миграционным процессам и снижению рождаемости, мы получим значительную часть территории, вообще не освоенную и не используемую гражданами страны» [4].

В целом это соответствует структуре отечественной экономики. Существует такое явление в современном мире, свойственное даже не только России, но и некоторым другим странам, как «лишние люди». Они возникают тогда, когда структура экономики резко изменяется, в частности за десятилетие или за полтора. Отраслевой дисбаланс формирует большое количество людей, не занятых в том производстве (материальном или нематериальном), которое бы существенно влияло на экономический рост.

На территории нашего государства примерно половина ВВП формируется всего четырьмя сотнями крупнейших компаний в нескольких отраслях: в первую очередь, в добывающей промышленности, финансовом секторе, строительстве, где заняты около 10 млн человек, т. е. 10 млн работников создают половину добавленной стоимости в экономике в целом. Если добавить еще пару–тройку сотен крупных компаний, то это значение дойдет до двух третьих, а то и до трех четвертых. Исходя из этого очень небольшая часть общества, по сути, формирует весь экономический процесс. На них и держится хозяйственная система, а остальные люди в данном случае являются своего рода балластом, если выражаться языком, который, в общем-то, соответствует повестке нашего правящего класса. Ни нашим сырьевым олигархам, ни правительству не нужны люди, требующие социальных выплат, образования,

бесплатного здравоохранения. Все это — расходы, которые не возвращаются экономическим ростом.

Демографические процессы естественным образом отражают такую промышленную диспропорцию. Если у нас нет развитых обрабатывающих производств в достаточном количестве, если отсутствует спрос на высококвалифицированную рабочую силу, если все производство у нас — это капиталоемкая добыча полезных ископаемых, где люди не нужны, то, естественно, в итоге будет наблюдаться отрицательная динамика прироста населения.

Директор Института демографического развития и репродуктивного потенциала Р. Ткаченко убежден в следующем: «Мы видим последствия внутренней миграции, когда люди уезжают из малых городов, у которых нет перспектив развития, где нет экономических стимулов оставаться. Поэтому в основном уезжает молодежь в более развитые центры. Это логично, и ее за это даже не поругаешь. За эти годы очень сильно выросли Москва, Петербург, Краснодар. Последствия просчитывались, потому что такая ситуация возникла не сегодня. И вообще есть прогностические заявления, что в будущем все население сконцентрируется в больших городах, а “на природе” останутся базы отдыха да фермерские хозяйства, которые будут работать в контексте каких-то крупных корпораций» [5].

По словам Р. Ткаченко, «для городов, из которых люди уезжают, это все очень печально. Многие из них были созданы на базе какого-то градообразующего завода, а сейчас в нем не стало необходимости. Примером данного явления может послужить история одного города, который жил за счет железной дороги, градообразующим было предприятие РЖД. Но функции, которые выполняли работники, уже можно роботизировать. Местные жители поняли, что город просто умрет, и сейчас просят РЖД пересмотреть свои планы, оставить старое производство. С одной стороны, можно принять решение сохранить эти города. Противоположная концепция направлена на естественную деформацию населенных пунктов, с перемещением населения на новые места проживания. К слову, были проекты по вывозу населения с Севера после распада СССР. Можно придумать госпрограмму по реанимации этих городов, а можно продумать госпрограмму по реинтеграции людей на новом месте, чтобы мотивировать людей переехать в другие города. Но сейчас нет принципиального решения проблемы: ни на федеральном уровне, ни в регионах не понимают, что с этим делать» [5].

В. Елизаров, научный руководитель Центра изучения проблем народонаселения экономического факультета МГУ, кандидат экономических наук придерживается такой точки зрения: «Сокращение населения в малых городах, было, есть и, скорее всего, будет продолжаться. Это верно, по крайней мере, в отношении малых городов на большей части территории России». В. Елизаров отмечает, что «хороших» лет у нас было немного: только 2013-й, 2014-й и 2015-й, когда у нас рождаемость даже немножко превышала смертность. С 2016 г. мы вернулись примерно к тем тенденциям, которые у нас были с 1992 по 2012 г. Данный процесс означает то, что население почти везде сокращалось из-за того, что смертность превышала рождаемость. Рост населения был возможен только там, где мигранты компенсируют сокращение. Это, например, крупные города — Москва, а также Московская область. В основном это движение связано с внутренней миграцией, а не только с приездом мигрантов из-за рубежа. Поставщиками населения в крупные города были отчасти сельская местность, в большей степени, малые города, где царит депрессия, где сокращаются рабочие места и возможность получать достойные доходы» [5].

Люди ищут больших возможностей для занятости, для образования детей. Происходит движение из села в райцентр, из него — в областные города, а из областных центров — все дальше, в Москву и Московскую область, в Петербург. Данное движение продолжится до тех пор, пока в крупных и малых городах не будут созданы более-менее одинаковые условия жизни, обеспечен доступ к занятости, сокращен разрыв в доходах [1, с. 25]. Такие процессы не касаются, например, курортных городов на юге страны, которые могут выживать за счет большой занятости во время туристического сезона. Иная картина и в регионах, где пока сохраняется относительно высокая рождаемость. В их числе — Северный Кавказ, Тыва, Бурятия и некоторые другие, где сохраняются традиционные семьи и более высокая рождаемость. При этом отток населения не сбавляет темпы. Раньше малые города воспроизводили население, благодаря которому, в том числе, росли города-миллионники. Население росло и формировалось со своими традициями, культурой. Потеря его — это еще и этнокультурная проблема.

В целом необходимо более равномерное распределение населения, с меньшей экологической нагрузкой в тех местах, где оно сверхконцентрировано. Таким образом, одни ресурсы нами используются неэффективно, и в малых городах наблюдается безработица, а в больших — перегруз. Для прерывания подобного явления малым городам требуются точки роста, триггеры, создание градообразующих предприятий, вокруг которых будут формироваться инфраструктура, занятость, доходы и налоги в местный бюджет» [5].

В рамках настоящей статьи целесообразно полагать, что одной из проблем вымирания российских муниципальных образований является миграция из деревень и сел в крупные ближайшие города. Исходя из данных, представленных на рисунке 1, который отражает общие представления о перемещении населения в РФ, можно утверждать, что внутренняя миграция (на территории страны) выступает в качестве основной формы миграции. Она предопределяет показатели совокупной динамики и качественные параметры миграции.

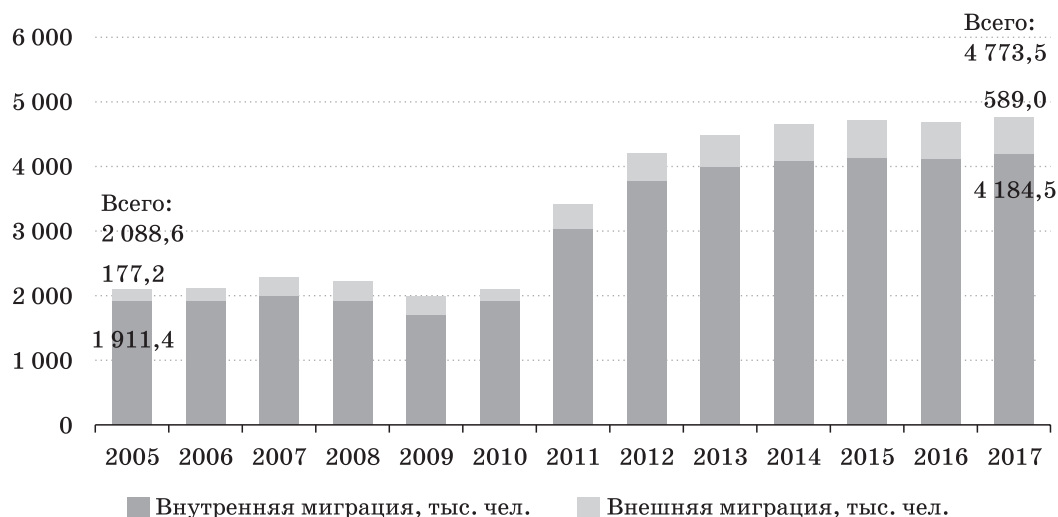

Рис. 1. Динамика прибытия населения в аспекте направлений миграции (тыс. чел.), 2005–2017 гг.

В свою очередь, объемы и интенсивность внутренней миграции по прибытии в 2005–2018 гг. имели выраженную тенденцию к росту, хотя и несколько снижались в кризисные годы. Об этом говорит рисунок 2, из которого следует, что

направления внутренней миграции стали приобретать все более открытый характер, свидетельством чего служит стабильное снижение удельного веса миграции населения внутри субъектов РФ и соответствующее увеличение доли межрегиональных перемещений.

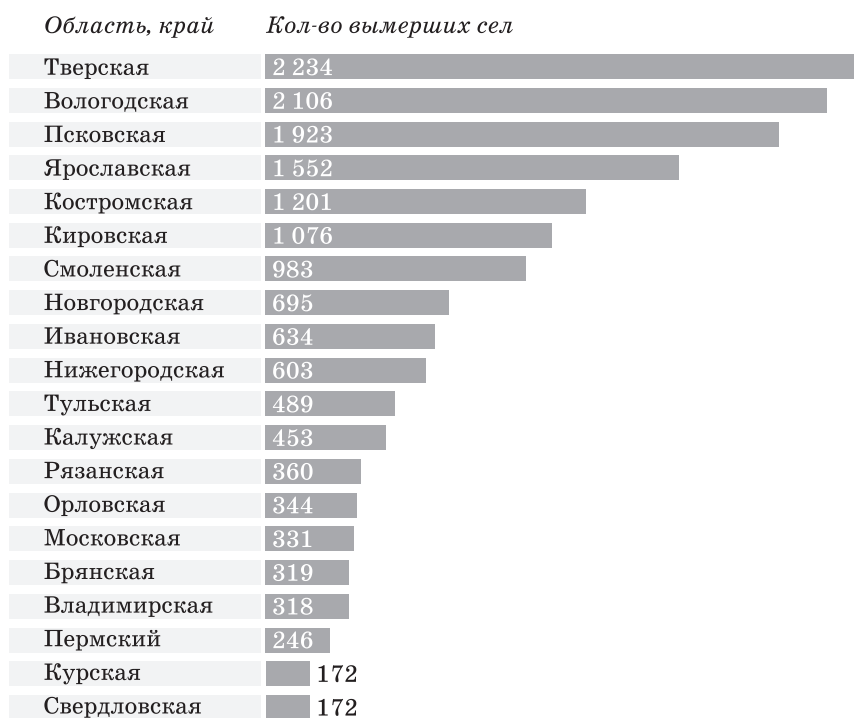

Рис. 2. Регионы России, в которых больше всего вымерших сел и поселков [6]

Анализируя долю в экономическом плане активных представителей возрастных групп (от 20 до 44 лет), необходимо обратить внимание на рисунок 3, показывающий, что в структуре городского населения данная доля выше, чем в структуре сельского населения. На основании этого можно предположить, что по мере взросления молодежь предпочитает уезжать из сел и деревень в города, чтобы устроиться на работу и получить образование. Нельзя не учитывать, что информация Росстата опирается на официальные сведения о местоположении человека, регистрацию граждан по месту жительства, далеко не всегда может фиксировать все перемещения жителей. Показатели могут искажать реальные показатели о количестве молодежи в сельской местности.

К примеру, после того как молодой человек уехал из села в город на работу или учебу, он по-прежнему остается зарегистрированным в своем населенном пункте до тех пор, пока не решит жилищный вопрос в городе. В этот период он формально относится к категории проживающего в сельской местности, но по факту постоянно проживает в городе.

Депопуляция сельских территорий не является исключительно российской проблемой. Статистика Всемирного банка свидетельствует о том, что тенденция уменьшения удельного веса сельского населения актуальна и для стран Европы и США. Мировой тренд на быстрый рост мегаполисов, кажется, начал разворачиваться. Молодые люди в США, Канаде и на Аляске все чаще покидают крупнейшие города в поисках счастья в пригородах или даже сельской местности. Причины просты: жилье все дороже, а зарплаты растут в разы медленнее. В на-

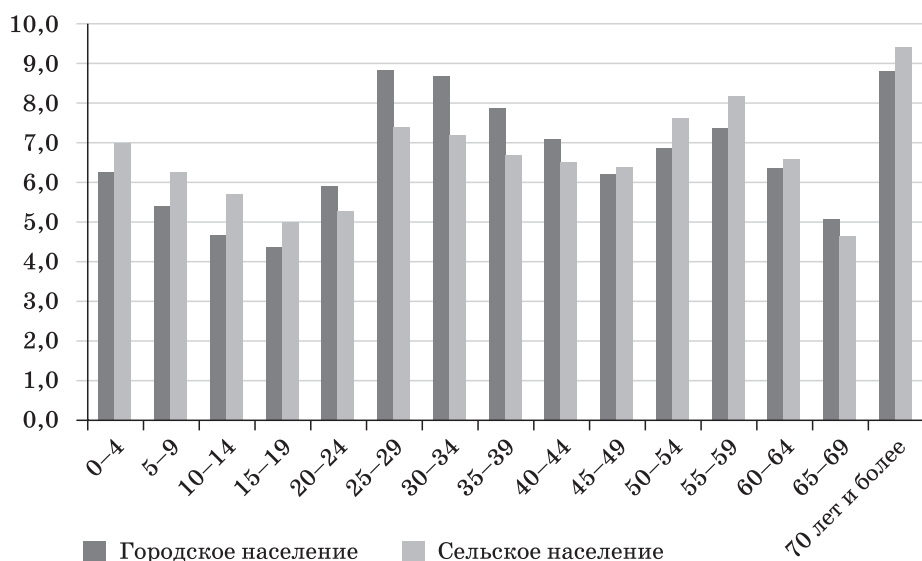

Рис. 3. Возрастная структура городского и сельского населения, % [7]

шем государстве наблюдается подобная ситуация (реальные доходы падают в течение пяти лет подряд), наши сограждане уезжать из Москвы не торопятся.

Согласно статистике, опубликованной Бюро переписи США, крупные американские города за минувший год лишились десятков тысяч жителей в возрасте до 40 лет. Несмотря на то, что темпы бегства замедлились по сравнению с 2017 г. вдвое (тогда из мегаполисов уехали 27 тыс. молодых людей), прошлый год показал продолжение уже четырехлетнего тренда на снижение городского населения. Люди стали массово уезжать из американских мегаполисов, что отразилось, естественно, на статистике численности населения: если до 1950 г. практически все города-миллионники США росли стремительно, то после — этот рост остановился. В Чикаго численность населения достигла пика в начале 1950-х, составив 3,6 млн человек. Фактически через 40 лет оно не превышало 3 млн, ухудшилась обстановка в Детройте, который превратился в тот период в символ урбанистического упадка: с 1950 по 2000 г. население снизилось вдвое.

Но примерно с конца 1980-х начал набирать силу противоположный тренд — американцы, особенно молодые, стали стремиться обратно в большие города. Во многом этому способствовали жесткие меры по борьбе с преступностью, предпринятые в 1980–1990-е гг. Внезапно обнаружилось, что у мегаполисов множество преимуществ: близость к работе, развитая инфраструктура, культурная жизнь. Теряя в квадратных метрах, возвращенцы из пригородов, как правило, выигрывали в том, что называется «городская среда».

В 1990–2010-е гг. целые районы в городах, ранее считавшихся злчными и просто опасными, прошли процесс «джентрификации», когда на место бедноты вселялись представители среднего класса, а здания проходили глубокую реконструкцию. Кроме того, в этих районах открывались многочисленные дорогие магазины, рестораны и прочие объекты быта. Облик кварталов менялся до неузнаваемости. Параллельно этот процесс поднимал и цены на жилье. На фоне формирования пузыря недвижимости в 2000-е гг. рост резко ускорился, так что квартиры в американских мегаполисах стали доступны только богатым и верхушке среднего класса. Остальные были вынуждены ютиться в съемном жилье.

Кроме того, хотя миллениалы реже женятся и заводят детей, чем предыдущие поколения, для тех, кто уже обзавелся семьей, город создает немалые проблемы. Как пишет *The Wall Street Journal*, в мегаполисах отмечается низкое качество жилья и плохие школы. Выбирая между насыщенной городской средой и личным комфортом, семейная молодежь все чаще предпочитает второе. Одним из важнейших факторов отъезда американцев из мегаполисов является широкое распространение удаленной работы благодаря всеобщему проникновению интернета. Все больше людей осознают, что получать зарплату манхэттенского уровня, но при этом жить в сравнительно дешевом пригороде, а возможно, и в сельской местности — крайне выгодный вариант. Однако не все американские города теряют население — в Лос-Анджелесе, Финиксе и Сан-Антонио оно растет. При этом надо помнить о масштабной иммиграции, направленной по большей части именно в многомиллионные мегаполисы. Без нее показатели нового побега молодежи из крупных городов выглядели бы еще более впечатляющими.

В России скопление людей в миллионниках, прежде всего в Москве и Санкт-Петербурге, считалось острой проблемой еще в советские времена, а в последние 20 лет она только осложнилась. Нашей стране свойственны в точности те же проблемы, которые волнуют жителей мегаполисов Америки и Западной Европы, — снижение доходов (реальные заработки населения падают пять лет подряд), запредельно дорогое жилье, экологическая обстановка и т. п. Было бы логично предположить, что из Москвы и Санкт-Петербурга также начнет отток населения. Численность населения Москвы выросла с 2010 г. более чем на миллион, Санкт-Петербурга — более чем на 500 тыс. человек. Несмотря на любые кризисы, россияне не торопятся оставлять крупнейшие города ради более доступных мест обитания.

По всей стране в целом идет субурбанизация, но своеобразная. Она начиналась как дачная, сезонная. В 2000-е гг. население стало покупать таунхаусы и дома в пригородах. Этот процесс носит незавершенный характер. Переехавшие столкнулись с множеством проблем, начиная от пробок в дороге на работу и заканчивая отсутствием школ и детских садов. Итак, у нас произошла частичная субурбанизация, отличающаяся от американской. Многие жители мегаполисов, переезжая в пригород, сохранили и квартиры в Москве, чего в Америке не бывает (уехал так уехал). На территории нашего государства проживает немало людей, которые бы хотели сменить крупные города на спокойную жизнь в пригородах с хорошей экологией, однако, инфраструктурные проблемы не позволяют им реализовать это желание.

В России готовится государственная программа «Устойчивое развитие сельских территорий», которая разработана во исполнение поручения Президента России 9 октября 2018 г. Данная программа, сопоставимая по масштабам с национальными проектами, — это не только новые тракторы и отремонтированные дороги, а также увлеченные дети, имеющие возможность заниматься спортом в большом спортивном центре. Важнейшим шагом к преодолению вымирания муниципальных образований является программа развития сельских территорий, которую продлили до 2025 г. В контексте улучшения жизни в конкретном населенном пункте речь идет не только об агропромышленном комплексе, но и об улучшении качества жизни на местах, в том числе о жилье. Следует учитывать, что первоначальный взнос 20 %. Такую ипотеку сложно «потянуть» селянам, целесообразно попытаться снизить этот взнос. Понятно, что, чем ниже первоначальный взнос (с точки зрения банковских нормативов), тем выше риски. Важно поискать выход в данной ситуации, имея в виду и государственные возможности, в ряде случаев

просубсидировать, допустим, первоначальные траты или посмотреть на некоторые другие формы этой программы.

На первый план вышло развитие сельских территорий в большинстве развитых стран. Данное явление выступает в качестве одного из главных направлений региональной политики, например, в США, Канаде, Китае и многих других странах. В США управлением развития сельских территорий на федеральном уровне занимается специально созданное агентство (USDA Rural Development, далее — Агентство) при министерстве сельского хозяйства США (USDA). В сферу деятельности Агентства входит широкий круг вопросов сельского развития: финансирование строительства жилья в сельской местности, создание эффективной инженерной, иной инфраструктуры, а также развитие различных альтернативных видов бизнеса, в том числе посредством кооперации.

Для восстановления российских сел, деревень и городов необходимо следующее:

- повышение качества жизни и уровня благосостояния сельского населения;
- расширенное воспроизводство человеческого капитала и создание сбалансированной системы расселения с учетом задач пространственного развития;
- обеспечение экологической безопасности сельских территорий.

Для достижения данных концепций предстоит решить задачи по:

- преодолению сельской бедности через создание условий для роста занятости и доходов сельского населения;
- развитию социальной и инженерной инфраструктуры сельских территорий до современного уровня;
- созданию комфортных и экологически благоприятных условий проживания;
- повышению доступности государственных и муниципальных услуг для сельского населения.

По информации Центра экономических и политических реформ, к 2023 г. в российских деревнях не останется учреждений системы здравоохранения, к 2033 г. — школ, если все будет развиваться в том же направлении, что и сегодня. Данный процесс затронул в основном Северную и Центральную Россию, более 20 % деревень за последние годы оказались покинуты. Более чем в половине оставшихся деревень проживает от одного до ста человек. Статистические данные неточные, потому что многие молодые люди по-прежнему прописаны в своих деревнях, хотя на самом деле они уехали отсюда много лет назад — на работу или учебу. Именно поэтому затруднение вызывает определение точных цифр, говорящих о том, сколько людей фактически покинули деревню.

Вместе с тем происходит активный процесс централизации учреждений образования и здравоохранения, вследствие чего в значительной части деревень молодежь не хочет селиться. Эксперты утверждают, что исчезновение двух третьих деревень начнется, когда умрет наиболее активная сегодня часть населения: граждане 35–45 лет, родители уезжающих выпускников школ. В первую очередь это коснется поселков и деревень нечерноземной территории России. Примерно за 15–20 лет все населенные пункты, численность которых менее 50 человек, исчезнут с карты. Стоит отметить, что таких малонаселенных деревень почти две третьих. Спасти их не удастся, даже если будут инвестиции. В крупных селах существует сложившаяся социальная среда, которая важна для жителей. Например, если молодой человек из деревни переехал в город, где у него не получается устроиться, вполне возможно, что он вернется на малую родину, если на ро-

дине есть то, что может приносить ему доход. Возвращаться в заброшенную деревню он не станет.

Эксперты по миграции называют этот процесс обезлюживанием территорий и считают, что потеря обжитых мест ничего хорошего стране не сулит. Во многих заброшенных селах остались церкви, различные памятники культуры, которые также исчезнут, если люди не будут за ними ухаживать. Поэтому так важно, чтобы каждый очаг жизни на селе сохранился. Таким образом, деревни пустеют именно из-за того, что нет ни школ, ни медицины, следовательно, для молодежи они больше не представляют интереса. Для предотвращения дальнейшего процесса вымирания муниципальных образований следует принять ряд мер, направленных на обустройство деревни и приостановление отсталости социальной инфраструктуры.

Литература

1. *Бородушко Е. С.* Принципы и методы оценки дисбалансов экономической системы как источника угроз национальной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1. С. 147–151.
2. *Белокрылова О. С., Михалкина Е. В.* Экономика труда: конспект лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 224 с.
3. *Биффель Г.* Миграция и ее роль в интеграции Западной Европы // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 4. С. 63–67.
4. *Бояркин Г.* Трудовая миграция и экономический потенциал района // Человек и труд. 2003. № 2. С. 25–27.
5. *Ремизов Д.* Как вымирает Россия [Электронный ресурс] // РИСК экспресс. 2019. 16 июля. URL: https://risk-inform.ru/article_8122.html (дата обращения: 20.02.2020).
6. Россия — страна умирающих деревень. Ч. 1. Центр экономических и политических реформ (ЦЕПР) [Электронный ресурс] // Центр Сулакшина. Центр научной политической мысли и идеологии. 2017. 5 марта. URL: <http://rusrand.ru/analytics/rossiya-strana-umirayuschih-dereven-chast-I> (дата обращения: 20.02.2020).
7. *Васильева Е. В.* Проблема управляемости социально-демографическими процессами региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 38. С. 5–21.

Э. М. Айрапетян, Н. Н. Покровская, А. Б. Черных

Социологический анализ трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в условиях экономики знаний

E. M. Hayrapetyan, N. N. Pokrovskaia, A. B. Chernykh. Sociological Analysis of Labor and Intellectual Migration of Young People in the Knowledge Economy

В статье авторами установлено, что фундаментальные социологические теории изучения миграции раскрывают мотивы принятия индивидом и домохозяйствами решения о миграции, изучают социальные факторы и последствия разворачивания миграционных процессов. Происходящие в обществе структурные изменения, обусловленные как инновационным характером экономического роста в целом, так и цифровизацией, расширением информационно-телекоммуникационных технологий, предполагают восприятие феномена миграции не только как территориального перемещения населения в пространстве на длительный период. Цифровизация и развитие дистанционных форм работы снижает потребность в физической концентрации человеческих ресурсов, что позволяет людям выбирать наиболее комфортные места для проживания. Особое внимание уделяется диаспоре, которая является одним из важных инструментов решения коммуникативных трудностей. Социологический анализ миграционных процессов в Армении иллюстрирует применение основных понятий, в частности сетевой миграции и опоры на диаспору.

Ключевые слова: человеческий капитал, цифровая миграция, интеллектуальная миграция, сетевизация, цифровизация, диаспора.

Fundamental sociological theories of migration study reveal the motives for an individual's and households' making decision to migrate, as well as the social factors and consequences of the unfolding of migration processes. Structural changes taking place in society caused by both the innovative nature of economic growth as a whole and the digitalization and expansion of information and telecommunications technologies imply the perception of the phenomenon of migration not only as a territorial movement of the population in space for a long period. Digitalization and development of remote forms of work, in particular, reduces the need for physical concentration of human resources, which allows people to choose the most comfortable places to live. Special attention is paid to the Diaspora, which is one of the important tools for solving communication difficulties. The sociological analysis of migration processes in Armenia illustrates the application of the main concepts, in particular, networked migration and reliance on the Diaspora.

Keywords: human capital, digital migration, intellectual migration, networking, digitalization, diaspora.

Эдгар Мурадович Айрапетян — главный специалист Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Армения, аспирант кафедры управления персоналом Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

Надежда Николаевна Покровская — профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; профессор Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор социологических наук, профессор.

Антонина Борисовна Черных — доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук.

© Айрапетян Э. М., Покровская Н. Н., Черных А. Б., 2020

Контактные данные: Э. М. Айрапетян: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-02-87; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru | Н. Н. Покровская: 197046, Санкт-Петербург, Малая Посадская ул., д. 26; 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; (812) 294-09-01; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru | А. Б. Черных: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

Contact Details: E. M. Hayrapetyan: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 575-02-87; e-mail: e-hayrapetyan91@mail.ru | N. N. Pokrovskaya: Malaya Posadskaya Str. 26, St. Petersburg, 197046, Russian Federation; Politehnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, 195251, Russian Federation; (812) 294-09-01; e-mail: nnp@herzen.spb.ru, nnp@spbstu.ru | A. B. Chernykh: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 575-11-24; e-mail: a.chernyh@spbacu.ru.

Миграционные процессы составляют актуальный предмет исследования ввиду ряда причин. К ним относятся следующие:

- человеческое общество (как и сообщества внутри него) изначально формировало системы распознавания «свой — чужой», что в повседневной жизни приводит к попыткам «списать» значительную часть возникающих сложностей или негативных событий на «чужих», а в условиях открытого доступа к информационному пространству широкое обсуждение влияния «чужих» (по культурным, этническим, религиозным признакам) приводит к переходу от публицистических дискуссий к научному анализу происходящих в действительности процессов;
- экономика знаний и постмодернизация общества привели к возрастанию значимости человеческого ресурса, осознание необходимости и эффективности инвестирования в человеческий капитал поставило еще во второй половине XX в. вопрос об утечке умов, о государственном и частном, корпоративном финансировании науки, образования и здравоохранения, а также о возможности использовать «объекты инвестирования» (людей) на территории того государства или региона, которые формируют необходимую инфраструктуру и вкладывают денежные и административные ресурсы в социальную сферу;
- структурные изменения, вызванные как инновационным характером роста экономики в целом и цифровизацией, расширением информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ) в частности, так и сменой технологического уклада, эволюцией базовых регулятивных механизмов в постсовременном обществе, требуют привлечения человеческих ресурсов в отраслях и регионах, где недостаточно сформирован человеческий потенциал для решения экономических задач. Данный факт приводит к интеллектуальной и трудовой миграции. Например, когда эмигрируют программисты или врачи, привлеченные особыми условиями, созданными государственной политикой или корпоративными системами (включая не только заработную плату, но и социальную инфраструктуру, реализующую заботу о пожилых родственниках и детях, о здоровье, образовании и досуге всех членов семьи).

Перечисленные три группы факторов не исчерпывают всех аспектов актуальности изучения миграции, но позволяют сформулировать важнейшие вопросы, которые ставятся, в частности, в рамках социологического анализа трудовой и интеллектуальной миграции молодежи в контексте инновационной экономики знаний. Цифровизация дополняет эти вопросы «скрытой» трудовой миграцией, в рамках которой не происходит территориального перемещения населения, но

осуществляется передача процесса и результата труда зарубежным экономическим субъектам, например, если компания из США открывает колл-центр в Шри-Ланке, где население говорит на английском языке, или западноевропейская фармацевтическая корпорация создает исследовательское подразделение в России, где еще сохранились высококвалифицированные специалисты.

Изложенное выше приводит к необходимости уточнить, как трактовать понятие миграции. Можно выделить следующие группы подходов:

- миграция — это территориальные перемещения населения в физическом пространстве на длительный период (длительность может определяться месяцами или годами), которые предполагают смену места проживания [1, с. 73]; т. е. такая форма пространственной мобильности, при которой «население перемещается из одного населенного пункта в другой, и... перемещение сопровождается сменой постоянного места жительства» [2, с. 5];
- миграция включает в себя социальное движение населения, в трактовке П. А. Сорокина [3] — перемещение человека на позициях, в том числе образование, профессиональный выбор (социопрофессиональная миграция), социальное положение («социальные лифты» и социальная мобильность) и другие категории социокультурного, политического, экономического порядка. В частности, урбанизация предполагает, прежде всего, смену образа жизни и организации жизнедеятельности [4, с. 13–14], в этой же группе актуален анализ мотивации к переезду, нишевого этнического предпринимательства и групповой солидарности иммигрантов [5, с. 105–107];
- миграция как перемещение процессов применения человеческого фактора, ресурса, человеческого капитала без подвижности физических субъектов, людей, в частности, скрытая трудовая миграция, состоящая в выводе процессов и результатов труда. Следует упомянуть и о всемирном доступе к информационным ресурсам, дающем доминирующее положение в обществе [6, с. 32] с точки зрения престижа и экономических выгод [7, р. 145]. Блогер может проживать в любом месте (например, Тайланде), но получать доход от своих публикаций в социальной сети Facebook (США) и платить налоги в России [8, с. 79–88]. Условия миграции финансовых потоков и доходов, роялти также выступают предметом изучения, поскольку определяют перемещение интеллектуального капитала [9, р. 711], например, регистрацию патента на изобретение или открытие в иной стране, чем страна происхождения инженера, ученого и страна создания конкретного интеллектуального продукта.

Наконец, можно различать международную (внешнюю [10]) и внутреннюю [11] миграцию, межрегиональную [12, с. 83–85] и локальную, вплоть до маятниковой миграции [13, с. 52–53] (например, утреннее движение населения в промышленные районы мегаполиса из спальных кварталов или пригородов). Цифровизация и развитие удаленных форм работы снижает необходимость физической концентрации человеческих ресурсов, что позволяет людям выбирать наиболее комфортные для них места проживания.

Следует отметить общий мотив «пространственной активности» индивида, «направленной на овладение ресурсами новых территорий» [14], в котором выделяется ресурсная ориентация миграции. Социально-экономический подход к анализу миграции показывает, что «овладение ресурсами новых территорий» обращено не только к экономическим выгодам, но нередко направлено на обеспечение долгосрочного социального позиционирования семьи, включая миграцию

«ради благополучия детей», ради «нормальных условий жизни семьи», социальной инфраструктуры и чувства защищенности и порядка.

Социологический анализ миграции направлен на изучение социальных, социально-политических (безопасность, бегство от военных конфликтов или криминальной обстановки), социально-экономических (образовательная, трудовая миграция, интеллектуальная миграция в случаях, если мотивом выступает разница в оплате труда высококвалифицированных сотрудников), социокультурных и социально-психологических факторов, определяющих успешность всех этапов миграционного процесса: 1) планирование отъезда; 2) разрыв социальных связей на месте происхождения; 3) адаптация и интеграция в принимающем обществе, инкультурация и социализация в новых условиях.

Т. Н. Юдина пишет о том, что предметом социологии миграции является «динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума» [15, с. 106]. Следует, вероятно, дополнить это определение сопоставлением, которое индивид осуществляет между разными социумами, прежде чем принять окончательное решение, сделать выбор в пользу того или иного направления и адреса, начать готовиться к миграции. Так, новосибирская школа социологии рассматривает миграционные процессы как систему, где происходит серия событий, каждый единичный акт которого представляет собой выбытие и затем прибытие [16, с. 55–65], причем включает в социологический анализ как акты смены места проживания, так и подготовительные, а также адаптационные периоды. Кроме того, социология миграции изучает и поведение мигранта, и реакцию исходного, а особенно принимающего общества. Так, исследователи полагают, что «Великобритания отгораживается от других стран Европы, столкнувшись с проблемой на уровне 3–5 чел. миграционного прироста на 1 000 жителей» [17, с. 135]. Социальная интеграция мигрантов представляет собой предмет как социологического анализа, так и регулирования на уровне государственной политики и управления.

Проблемы исходных обществ, как правило, касаются не только трудовой миграции в целом (хотя значимость отъезда молодых трудоспособных категорий населения, прежде всего, мужского пола, велика), но в первую очередь, интеллектуальной миграции молодежи. Так, в 2019 г., согласно исследованиям Левада-центра, желание «покинуть страну» выразили 53 % опрошенных 18–24 лет [18]. Проблема утечки умов (*brain drain*, что в переводе означает «утечка мозгов») носит и прямой характер экономических потерь средств, которые государство инвестировало в здравоохранение и образование, пока дети росли и достигали возраста совершеннолетия, и косвенный — наряду с не полученными от уезжающих человеческих ресурсов доходами [19]. Государство сталкивается со снижением мотивации и «качества» (с точки зрения возрастной структуры и структуры населения по уровню квалификации и образования, а нередко и экономических отраслей занятости) оставшегося населения. Хотя нередко наблюдаются финансовые потоки, которые работающая за рубежом молодежь направляет в исходную страну старшим родственникам [20, с. 261–268] для поддержки семьи в целом. Тем не менее производственные и творческие возможности в стране снижаются из-за оттока наиболее инициативной экономически активной части населения [21, с. 28–33]. Более того, как правило, экономические мотивы миграции приводят к тому, что, как показали исследования, уезжают наиболее мотивированные и трудоспособные индивиды, обладающие высокой трудовой культурой [22, с. 198–224], что препятствует инновационному развитию исходного региона [23, с. 39–41].

Важным предметом исследования служит образовательная миграция молодежи. Так, в исследованиях обращено внимание на центростремительные тенденции пространственного перемещения молодежи в мегаполисы в целях получения высшего образования [24, с. 742–763]. Аккумуляция молодежи в научных и образовательных центрах приводит к повышению экономического потенциала таких городов. Вместе с тем нередко наиболее активные молодые люди не останавливаются на этом и уезжают в наиболее привлекательные регионы, тем самым создавая уже отмеченную проблему потери инвестиций в человеческий капитал.

Базовая модель, первоначально разработанная для объяснения миграции в процессе экономического развития в работах Хикса (1932) [25], Льюиса (1954) [26], Харриса и Тодаро (1970) [27; 28], свидетельствует о том, что миграция является результатом фактических различий в заработной плате между рынками или странами, которые возникают из неоднородных степеней ограниченности рынка труда. Согласно этой теории, миграция обусловлена географическими различиями в предложении и спросе рабочей силы, вытекающими из этого различиями в заработной плате между богатыми рабочей силой и богатыми капиталом странами. Миграция, таким образом, приводит к снижению среднего уровня оплаты труда. Вместе с тем для миграции необходимы затраты, т. е. трудовыми мигрантами, как правило, не являются наиболее бедные слои населения исходных стран [29]. В расширенных неоклассических моделях миграция определяется ожидаемым, а не фактическим доходом, и ключевой переменной служит доход, взвешенный по вероятности занятости [30].

Л. Саастад (1962) [31] рассматривает международную миграцию как селективный процесс: отток «вытягивает» людей с определенными социально-демографическими и личными особенностями характеристик. Исследователь оценил соотношение затрат и выгод миграции с позиций индивида или домохозяйства, показал, что рациональный человек мигрирует с целью максимизации своих выгод в условиях, когда в исходной стране отсутствуют возможности получения дохода и социального развития, люди не могут удовлетворить денежные и карьерные ожидания. В результате качества мигрантов определяет их человеческий капитал: навыки, профессия и положение на рынке труда, а также возраст, семейное положение, пол, предпочтения и ожидания [32], причем с возрастом вероятность миграции снижается, а с уровнем образования — возрастает. Л. Саастад предлагает рассматривать затраты на миграцию как инвестирование мигранта в свой человеческий капитал. Селективность миграции «означает, во-первых, что мигранты отличаются по своим свойствам от принимающей и посылающей популяции, во-вторых, что мигранты, принадлежащие к миграционным потокам различных типов, имеют разные характеристики, и, в-третьих, что на разных стадиях миграционного процесса мигранты различаются между собой по своим индивидуальным и групповым показателям» [33, с. 62].

Социологический теоретический анализ миграции показывает, что на принятие решения о миграции влияют различные группы факторов (*“pull” and “push” factors*): выталкивающие (характеризующие территорию выбытия), притягивающие (связанные с территорией прибытия) и промежуточные, касающиеся как территорий (например, расстояние, язык), так и мигрантов (например, возраст, семейное положение) [34, р. 47–50]. Миграция определяется соотношением этих сил. К числу притягивающих факторов (*“pull” factors*) относятся позитивные аспекты страны назначения, такие как высокий уровень оплаты труда, экономическое благосостояние, экологическое благополучие, безопасность, свобода вероисповедания и т. д. К числу выталкивающих (*“push” factors*) — негативные обстоятельства в стране отправления, т. е. безработица, высокий уровень налогоо-

бложения, политическая или экономическая нестабильность, нарушение прав человека и т. д. Особое внимание уделяется промежуточным факторам, действующим между страной отправления и страной назначения, включая всевозможные барьеры на пути перемещения потенциального мигранта: стоимость переезда, расстояние, необходимость наличия входных и/или выездных виз и т. п. Зачастую именно промежуточные факторы оказывают решающее воздействие на принятие решения о миграции. Концепция «тяги-толкай» нашла отражение в советских исследованиях [35], были отмечены и ее недостатки. Среди них — неоднозначность суждения о «знаке» ряда мотивов, т. е. является ли, например, высокая толерантность принимающего общества привлекательным, положительным или негативным, отталкивающим фактором, вплоть до «перехода положительных факторов в отрицательные и наоборот» [36, с. 184].

Кроме того, решения о миграции принимаются не отдельными субъектами, а, как правило, семьями или домохозяйствами [37]. При этом значение имеют не только максимизация дохода от миграции и привлекательная заработная плата на рынке труда принимающей страны, но и комплекс «взаимодействий людей, мотивации и контекста» [38, р. 16], включая минимизацию риска для финансового благополучия домохозяйств. Д. Массей пишет, что «рационально действующий субъект ищет возможности преодолеть имеющиеся в его стране недостатки... путем временного трудоустройства за рубежом с целью перевода на родину денег в форме регулярных или накопленных сумм» [39, р. 144].

Наряду с рассмотренными теориями миграции следует выделить такие концепции, как стигматизация рабочих мест и видов деятельности, обычно выполняемых мигрантами [40, р. 284–288]; теория двойного рынка труда, на котором выделяются не приемлемые для местного населения статусы рабочих мест, выполнение низкоквалифицированной работы требует притока мигрантов [41]; социологический и социально-антропологический подход к изучению миграционных сетей [42, с. 65–105]; географическая теория миграционных систем, отражающая кумулятивный эффект от каждого акта миграции, меняющего социально-культурное и институциональное пространство обеих территорий выбытия и прибытия [43].

Можно выделить социологический анализ коммуникационных проблем, связанных с миграцией. Так, эти проблемы существенно различаются в случаях миграции между бывшими колониями и метрополиями и между независимыми странами: население периферийных стран, как правило, владеет языком метрополии, что упрощает миграцию, хотя и остаются барьеры культурного пространства, поведенческих моделей, вероисповедания. Один из значимых инструментов решения коммуникационных трудностей — диаспоры, помогающие мигранту вернуть «экзистенциальную стабильность на время адаптации в новой культурной среде... для травмированной сменой идентификации личности» [44, с. 60–68]. Так, по данным Национальной библиотеки Армении, в 1917 г. существовало 202 миграционных поселения («колонии») армян, распространявшихся от Мадраса в Индии в Австралию, Аргентину, Эфиопию, Северную Америку.

Существуют также сведения о постепенной эмиграции армян из Османской империи в США и Европу, которая происходила до 1895 г. [45, р. 67]. До 1915 г. большинство армян были сельскими жителями, преимущественно специализированными ремесленниками [46], но были и успешные армянские торговцы, купцы, предприниматели в провинциальных центрах, в частности в османской столице — Константинополе (Стамбуле) [47]. Массовые убийства в 1894–1896 и 1909 гг., геноцид 1915–1916 гг. вызвали массовое бегство выживших [48]. В 1894–1896 гг. около 100 000 армян нашли убежище в других странах [49], причем не

только по соседству, но и в трансатлантических странах: в 1895–1899 гг. около 70 980 армян уехали в США [50, р. 18]. Армянские диаспорные поселения существовали с момента потери армянской государственности в I в. Они значительно увеличились в размерах и количестве после 1915 г., крупные армянские общины возникли и на Дальнем Востоке России, а также в бывших советских республиках [51, с. 19]. По экспертным оценкам, сегодня количество армян в мире оценивается от 8 до 9 млн чел. [51, с. 19]. В таблице 1 приведены следующие примерные оценки численности армян, проживающих в Армении (3,216 млн чел.) и за ее пределами.

Таблица 1

**Численность наиболее крупных армянских диаспор в мире
(оценочные данные за 2018 г.), чел.**

Страна проживания	2018
Россия	1 130 491
США	1 000 000
Франция	500 000
Иран	400 000
Грузия	248 000
Сирия	190 000
Ливан	140 000
Нагорно-Карабахская Республика	138 000
Аргентина	130 000
Украина, Польша	90 000–100 000

Источник: составлено Э. М. Айрапетяном на основе данных Аппарата главного уполномоченного по делам диаспоры Республики Армения. URL: <http://www.mindiaspora.am/> (дата обращения: 20.04.2020).

Из таблицы 1 видно, что численность только 10 наиболее крупных армянских диаспор в полтора раза больше населения Армении. Вместе с тем приведенные данные носят оценочный характер и опираются на опросы и экстраполяцию статистических данных, поскольку значительная часть проживающих в других странах армян имеют гражданство соответствующих стран и не имеют армянского гражданства. Кроме того, миграционные процессы в мире не остановились, происходят дальнейшие процессы перемещения армян между государствами мира, как индивидов, так и семей, а также возвратные движения в Республику Армения.

В частности, в период после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. репатриация являлась мощным источником роста общей численности населения Армении, поскольку Советский Союз оказывал существенную поддержку армянам в вопросах решения проблем с жильем и занятостью [52]. Тем не менее после распада СССР миграционные процессы приобрели заметное смещение в сторону эмиграции из Армении в другие страны. Специалисты высокой и средней квалификации, потерявшие рабочие места, массово покидали Армению и переезжали в Россию, Европу и США. До распада СССР Армения была промышленно развитой страной с тридцатью производственными площадками в Советском Союзе. После распада советской системы потеря рынков и остановка производства во многих областях привели к значительной миграции квалифицированных ра-

бочих, особенно в секторах электроники и машиностроения, химии и легкой промышленности. Многие физики, архитекторы, химики и технические специалисты уехали из страны. В ходе этой волны эмиграции почти 1/5 часть населения покинула Армению, что привело к массовому оттоку умов [53, р. 16].

Социологический анализ миграционных процессов в Армении иллюстрирует и применение основных концепций: сетевизации миграции и опоры на диаспору, интеллектуальной миграции и др. Формируются модели инкультурации в принимающем обществе, которые отражают влияние высококвалифицированных иммигрантов на повышение интеллектуального капитала принимающей страны [54]. Это связано с приращением уровня квалификации и общего уровня образования населения принимающего общества, что положительно влияет на социальные практики за счет статистического эффекта, логики распространения эффективных моделей поведения, социальных норм [55, с. 191–195] и повседневных практик трудового поведения как системы развития человеческого капитала [56, с. 380–388], развития инновационных видов деятельности [57, с. 56], обеспечения социальной безопасности на основе интеграции [58, р. 3], эволюции ценностно-нормативной регуляции [59, с. 101–108] в условиях экономики знаний, когда интеллектуальная деятельность составляет ключевое звено в цепочках создания ценности [60, р. 85].

Миграционные процессы, затрагивающие образовательную, научную и профессиональную интеллектуальную деятельность, оказывают существенное влияние на развитие государств [61, с. 5–10]. Это требует особого внимания государства к проблеме формирования грамотных и дифференцированных подходов к регулированию миграции [62]. Государственное регулирование миграционных процессов особенно значимо в кризисные моменты, такие как пандемия и условия, близкие к карантинным, в которых сегодня оказались практически все страны мира. Российское руководство проявило мудрость, продлив действие всех документов, разрешающих пребывание и работу на национальной территории для мигрантов, оказавшихся в условиях пандемии в России. Но эти критические ситуации могут и должны быть включены в систему регулирования миграции, что в особенно затрагивает иностранных студентов, обучающихся в российских образовательных учреждениях.

В контексте цифровой экономики знаний целесообразно расширить социологический анализ миграционных процессов с учетом таких явлений, как цифровая миграция, удаленная работа, проектные формы занятости, создание и развитие виртуальных предприятий, сотрудниками которых являются граждане разных государств, проживающие на различных территориях (не всегда совпадающих с их гражданством). Цифровизация расширит меры государственного контроля миграции с учетом технологических возможностей распознавания лиц, спектрального и инфракрасного анализа с применением дронов, а также будет способствовать развитию инновационных механизмов привлечения высококвалифицированных специалистов на основе мер регулирования и поддержки интеллектуальной миграции молодежи.

Литература

1. Вечканов Г. С. Миграция трудовых ресурсов в СССР. Политико-экономический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 143 с.
2. Рыбаковский Л. Л. Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973. 159 с.
3. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 527 с.
4. Миграция сельского населения / под ред. Т. И. Заславской. М.: Мысль, 1970. 347 с.
5. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории). М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.

6. Турэн А. Социальные движения, революция, демократия // Свободная мысль. 1991. № 14. С. 32–43.
7. Strangio D., Pokrovskaja N. N., D'Ascenzo F. History, Creativity and Innovation of the 'Italia' Network. The case of Russia // Annali del Dipartimento di Metodi e Modelli per l'Economia, Il Territorio e la Finanza 2018 (Annals of the Department of Methods and Models for Economics, Territory and Finance 2018). Rome: la Sapienza Università di Roma, 2018. P. 143–153.
8. Покровская Н. Н., Яковлев М. М. Международное налогообложение и регулирование: учебник. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 129 с.
9. Pokrovskaja N. N. Tax, Financial and Social Regulatory Mechanisms Within the Knowledge-driven Economy. Blockchain Algorithms and fog Computing for the Efficient Regulation // Proceedings of 2017 20th IEEE International Conference on Soft Computing and Measurements. IEEE Explore, 2017. P. 709–712.
10. Дементьев Н. В. Внешняя трудовая миграция как индикатор экономической безопасности России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 7. С. 38–41.
11. Жидкевич Н. Н. Социальный портрет современного российского отходника // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 1 (84). С. 73–89.
12. Фэн В., Покровская Н. Н., Чуньчан Х. Закономерности миграции специалистов в Китае и в России // Человек и труд. 2007. № 8. С. 80–87.
13. Цырюльников В. С. Маятниковая миграция в контексте управления движением трудовых ресурсов: проблемы и перспективы (по материалам Московского региона) // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2013. Т. 2. № 1. С. 52–53.
14. Бондырева С. К., Колесов Д. В. Миграция (сущность и явление): учеб.-метод. пособие. М., Воронеж: Изд-во Московского психолого-социального института, НПО «МОДЭК», 2004. 294 с.
15. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 102–109.
16. Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978. № 1. С. 55–66.
17. Пруель Н. А., Лупатова Л. Н., Градусова В. Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы // Регионоведение. 2020. № 1 (110). С. 133–158.
18. Левада-центр: 53 % молодых россиян хотят уехать из страны // Ведомости. 2019. 26 ноября.
19. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Международный опыт регулирования глобальной интеллектуальной миграции // Роль интеллектуального капитала в экономической, социальной и правовой культуре XXI века: сб. науч. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. С. 419–426.
20. Саакян А. К., Покровская Н. Н. Методологические подходы к анализу влияния денежно-кредитных и валютно-финансовых отношений на миграционную динамику: сб. науч. ст. Гаварского государственного университета. № 3. Гавар (Армения): Гайкарли, 2017. С. 258–270.
21. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н. Подходы к изучению российско-итальянской интеллектуальной миграции // Актуальные проблемы социологии и управления: межвуз. сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 27–35.
22. Бахиян А. Ж., Покровская Н. Н., Оганян К. М., Саакян А. К. Ценностные ориентации в трудовом поведении и кросс-культурное исследование трудовой миграции. Ереван: Эдит Принт, 2012. 372 с.
23. Фешина С. С., Славянов А. С. Трудовая миграция и проблема инновационного развития северо-западного региона России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 24. С. 38–43.

24. Бесчасная А. А., Покровская Н. Н. Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодежи // Регионология. 2018. Т. 26. № 4. С. 742–763. DOI:10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763
25. Hicks J. R. The Theory of Wages. London: Macmillan, 1932. 247 p.
26. Lewis W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. Vol. 22. No. 2. P. 139–191.
27. Harris J., Todaro M. P. Migration, Unemployment and Development: A Two-sector Analysis // American Economic Review. 1970. Vol. 60. No. 1. P. 126–142.
28. Todaro M. P. A Model of Labor Migration and Urban Unemployment in Less Developed Countries // American Economic Review. 1969. Vol. 59. No. 1. P. 138–148.
29. Faist Th. The Volumes and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford: Clarendon Press, 2000. 380 p.
30. Bauer Th., Zimmermann K. F. Assessment of Possible Migration Pressure and its Labor Market Impact Following EU Enlargement to Central and Eastern Europe. A Study for the Department of Education and Employment in UK // IZA Research Report. No. 3. 1999.
31. Sjaadstad L. The Costs and Returns of Human Migration // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. P. 80–93.
32. Bonin H. [et al.] Geographic Mobility in the European Union: Optimising its Economic and Social Benefits // IZA Research Report. No. 19. 2008. P. 1–159.
33. Мхитарян В. С., Рuce И. Анализ селективности в миграционных потоках в Израиль в 1974–2001 годах // Вопросы статистики. 2005. № 7. С. 61–66.
34. Lee E. S. A Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3. No. 1. P. 47–57.
35. Староверов В. И. Социально-демографические проблемы деревни: Методология, методика, опыт анализа миграции сельского населения. М.: Наука, 1975. 287 с.
36. Моисеенко В. М. Внутренняя миграция населения. М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 2004. 285 с.
37. Stark O. The Migration of Labor. Cambridge: Basil Blackwell, 1991. 406 p.
38. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the end of the Millennium. Clarendon: Oxford University Press, 1998. 380 p.
39. Massey D. A Synthetic Theory of International Migration // World in the Mirror of International Migration / ed. by V. Iontsev. М.: MAX Press, 2002. P. 143–153.
40. Arango J. Explaining Migration: a Critical View // International Social Science Journal. 2000. No. 52. P. 283–296.
41. Piore M. J. Birds of Passage. Migrant Labor and Industrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 240 p.
42. Пауэлл У., Смит-Дор Л. Сети и хозяйственная жизнь // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 3. С. 61–105.
43. Haas de H. Migration Systems Formation and Decline. A Theoretical Inquiry into the Self-perpetuating and Self-undermining Dynamics of Migration Processes / International Migration Institute Working Paper no. 19. Oxford: Oxford University Press, 2009.
44. Аносова Т. Ф., Кирилук С. С. Диаспора — оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. Т. 7. № 1. С. 60–68.
45. Hagopian G. The Immigration of Armenians to the United States // The Armenian Review. 1988. Vol. 41. No. 2/162. P. 67–76.
46. Kulhanjian G. A. An Abstract of the Historical and Sociological Aspects of Armenian Immigration to the United States, 1890–1930. San Francisco: R&E Research Associates, 1975. 83 p.
47. Karakashian M., Poghosyan G. Armenian Migration and a Diaspora: a Way of Life // Adler, L. Gielen, U. World Migration. New York: Greenwood Publishing Group, Inc. 2003. 229 p.
48. Mirak R. Torn Between two Lands: Armenians in America 1890 to World War I. Cambridge, MA: Harward University Press, 1983. 364 p.
49. Dadrian V. The History of Armenian Genocide: Ethnic Conflict from the Balcans to Anatolia to the Caucasus. Providence, RI: Belghahn, 1995. 452 p.

50. *Tashjian J. H.* The Armenians of the United States and Canada. Boston: Hairenik Press, 1947. 62 p.
51. *Погосян Г.* Миграция и депопуляция в Армении: монография. Ереван: Лимуш, 2017. 200 с.
52. Migration and Human Development: Opportunities and Challenges // UNDP, National Human Development Report, Armenia, 2009. 169 p.
53. *Makaryan G., Galstyan M.* Costs and Benefits of Labour Mobility Between the EU and the Eastern Partnership Partner Countries // Country report: Armenia. Yerevan, 2012. 74 p.
54. *Безбородова Т. М.* К вопросу о социально-экономической природе миграции трудовых ресурсов в Россию из стран ближнего зарубежья // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2010. № 1. С. 76–80.
55. *Покровская Н. Н.* Социальные нормы как предмет социологического анализа: должное и действительное // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 1. С. 190–198.
56. Управление персоналом и человеческий капитал современной России: коллективная монография / под ред. О. Я. Гелиха, В. П. Соломина, Г. Л. Тульчинского. СПб.: ООО «Книжный дом», 2011. 416 с.
57. *Платонов В. В., Статовская Е. Ю., Статовский Д. А.* Локализация инновационных процессов: за пределами концепции географической близости // Инновации. 2015. № 7 (201). С. 56–59.
58. *Margulyan Y. A., Pokrovskaya N. N.* Migration as a Factor of Social Security in the Modern Society // Bulletin of Yerevan University. Sociology, Economics. 2015. Vol. 1. No. 16. P. 3–18.
59. *Покровская Н. Н.* Нормативная и ценностная регуляция экономического поведения российских работников // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 100–110.
60. *Florida R.* The Globalization of R&D: Results of a Survey of Foreign-Affiliated R&D Laboratories in the USA // Research Policy. 1997. No. 26. P. 85–103.
61. *Аганбегян А. Г.* Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2016. № 2. С. 5–14. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2016-2-5-14
62. *Хорев Б. С., Тимчук Н. Ф.* Моделирование и регулирование миграционной подвижности населения в системах расселения // Миграционная подвижность населения в СССР / под ред. Б. С. Хорева, В. М. Моисеенко. М.: Статистика, 1974. 159 с.

Х. Ф. Акрамов

Конвертация социального капитала и его влияние на систему социальной защиты

***Kh. F. Akramov. Social Capital Conversion And Its Influence
On The Social Protection System***

В статье понятие социального капитала рассмотрено как важный показатель социально-экономической жизни модернизирующегося общества. Трансформация социального капитала опосредуется его ключевыми составляющими. Установлено, что неэкономический капитал — это накопленный ценностный и институциональный ресурс. Сделан акцент на развитии национальной модели общественного развития. Автор утверждает, что в стране успешно осуществляются меры по усилению адресной социальной защиты и качественной социальной поддержки уязвимых групп. Система социальной защиты населения должна способствовать повышению уровня жизни и благосостояния отдельных категорий населения. Охарактеризованы типы моделей социальной защиты в промышленно развитых странах, стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан. Проведен анализ международного опыта социальной защиты. Сделан вывод о том, что социальное обеспечение — неотъемлемая часть сложной системы отношений и одновременно категория национальной безопасности. Условия усиления социальных рисков становятся важнейшим направлением государственной политики. Индекс доверия определяется как индекс социального капитала. Предоставление социальной помощи является одной из характеристик восточных стран. Справедливость как социальный критерий формирует социальную политику общества.

Ключевые слова: социальный капитал, социальная поддержка, неэкономический капитал, конвертация, социальная политика, адресная социальная защита, социальное обеспечение, социальный риск, справедливость.

Social capital as an important indicator of the socio-economic life of a modernizing society. The transformation of social capital is mediated by its key components. Non-economic capital as an accumulated value and institutional resource. The development of a national model of social development. The country has successfully implemented measures to strengthen targeted social protection and quality social support for vulnerable groups. The system of social protection of the population should contribute to raising the standard of living and improving the well-being of certain categories of the population. Types of models of social protection in industrialized countries. Strategy of action in five priority areas of development of the Republic of Uzbekistan. Analysis of international experience in social protection. Social security is an integral part of a complex relationship system. Social security as a category of national security. Conditions for increasing social risks are becoming an important area of public policy. A confidence index defined as an index of social capital. The provision of social assistance is one of the characteristics of eastern countries. Justice as a social criterion forms the social policy of society.

Keywords: social capital, social support, trust, non-economic capital, conversion, social policy, targeted social protection, social security, social risk, justice.

Хусан Фуркатович Акрамов — старший преподаватель кафедры социологии Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент).

© Акрамов Х. Ф., 2020

Контактные данные: 100174, Узбекистан, г. Ташкент, Алмазарский район, ВУЗ городок, ул. Университетская, д. 4; (+99871) 246-33-50; e-mail: x.akramov@mail.ru.

Contact Details: University Str. 4, Students' campus, Almazar DiSt., Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100174; (+99871) 246-33-50; e-mail: x.akramov@mail.ru.

Социальный капитал как важный показатель социально-экономической жизни модернизирующегося общества оказывает влияние на инновационный потенциал, экономическое, духовное благосостояние и наиболее уязвимые, подверженные риску группы населения. В частности, это способствовало решению проблем уязвимых групп путем формирования объединений добровольцев. Социальная поддержка как компонент социального капитала — это деятельность человека, поглощаемая, накапливаемая обществом, члены которого защищены в финансовом и духовном отношении.

П. Бурдье выделил три основных типа капитала: экономический, состоящий из денег и прав собственности; культурно-образовательный и экономический; социальный, культурный, превращающийся в экономический. Трансформация социального капитала опосредуется его ключевыми составляющими: социальными отношениями, социальными нормами и доверием. П. Бурдье утверждает, что знакомство с людьми и заслуженное уважение других людей помогают человеку воспользоваться их доверием. В свою очередь, слияние людей на базе этих отношений измеряет величину основанного на доверии социального капитала, как и другие формы капитала (экономический, культурный, символический) [1, с. 134–135].

Социальный капитал формировался, прежде всего, как неотъемлемая часть неэкономического капитала. Это накопленный ценностный и институциональный ресурс, включающий в себя различные формы экономической составляющей, подчиненный другим формам капитала и не подчиненный самому себе с учетом социальной, культурной и личностной трансформации ценностей, социальных отношений, доверия, личности и культуры в процессе роста, путем взаимной конвертации (замены) и воспроизводства. Конвертация означает замену одного типа капитала другим. Таким образом, человек с экономическим капиталом сможет легко приобрести человеческий капитал за счет образования, культурного капитала, использования культурных учреждений, а благодаря возможности культивироваться будет иметь символический капитал. Однако в функционирующем обществе человеческий, культурный и символический капитал открывает путь к процветающей жизни, точнее, к экономическому капиталу. Социальный капитал основан на ценностях (социальных, культурных, социально-психологических, целевой-стратегических, тактических) и институциональной структуре (социальной, семейной, малой социальной группе и общности, а также социальных нормах и социальных отношениях, доверии в разной степени, сотрудничестве и солидарности [2, с. 87].

Обретя независимость, народ Узбекистана начал развивать основы национальной модели общественного развития. Она базируется на единой социальной системе, которая включает в себя многовековые традиции, обычаи, этику, верования нашего народа. Такая система обеспечит механизм для разработки конкретных решений проблем, возникающих в ходе общественного развития. Ведущие принципы национальной модели сильной социальной политики по защите бедных от уязвимых групп, особенно в трудных условиях перехода, являются надежным фактором защиты нашей страны от различных неблагоприятных социальных событий: межнациональных конфликтов, религиозной нетерпимости и гражданских конфликтов, которые опираются на общество.

Однако сильная социальная политика не была реализована руководством страны. При разработке основы реальной и адресной социальной защиты центральное внимание было уделено историческим корням существующей системы социальной поддержки в древнем Мовароуннахре. Конечно, современная социальная работа как целостная профессиональная система сформировалась в западных странах, но ее исторические основы существовали в древние времена на востоке как благотворительная деятельность людей. Правда, в тот период это социальное явление не выступало в форме социального института в современной интерпретации. Из истории становится очевидным, что элементы социальной и индивидуальной доброй воли всегда существовали в национально-культурной системе народов Востока, включая узбекский народ. Обычно люди помогают друг другу в семье и в обществе. Именно эти благородные качества составляют основу человеческого общества, на что указывает наш предок Абу Наср Фараби [3, с. 115].

Для удовлетворения потребностей уязвимых групп населения в стране успешно осуществляются меры по усилению адресной социальной защиты и качественной социальной поддержки уязвимых групп, многие из которых реализуются в рамках целевой программы социальной защиты. Главное в данном вопросе – поддерживать уровень жизни и доходы социально уязвимых групп, в том числе детей, семей, одиноких, инвалидов и пенсионеров. В рамках реализации Государственной программы по усилению социальной защиты этого населения принимаются меры по улучшению качества жизни и благосостояния населения, а также по улучшению и расширению социальной поддержки нуждающихся семей и детей [4, с. 7].

Система социальной защиты населения должна способствовать повышению уровня жизни и повышению благосостояния отдельных категорий населения (пожилых людей, инвалидов, многодетных семей и др.). Кроме того, система социальной защиты должна быть адресной, эффективной, ориентированной на уровень экономического развития государства (с хорошо управляемыми контрмерами, с низкими затратами, справедливой) и основанной на обычаях, культуре и традициях людей. Мировой опыт показывает, что на формирование систем социальной защиты оказали влияние различные исторические и экономические факторы. В настоящее время исследователи полагают, что невозможно предложить единую оптимальную модель социальной политики. Вместе с тем все страны должны решить следующие общие проблемы социального обеспечения:

- баланс интересов между поколениями и разными группами доходов;
- разграничение полномочий и ответственности между государственными органами, ответственными за социальную защиту;
- обеспечение баланса между централизованными (государственными социальными гарантиями) и децентрализованными (местными) формами услуг социальной защиты;
- формирование гибкой системы перераспределения ресурсов между государством и другими секторами, в том числе благотворительными и общественными организациями [5, с. 14].

В начале XXI в. системы социального обеспечения были построены на принципах социальной справедливости и ориентации на группы людей, которые по объективным причинам нуждаются в защите общества. В то же время «социальное жилье» следует понимать не как категорию, основанную на населении или возрастной группе, а в смысле учета реальных потребностей социально уязвимых слоев населения. При углубленном изучении роли и важности целевых программ в системе социального обеспечения важно определить масштабы и цели их программ. Всеобщая социальная защита должна

быть направлена на устранение социальной нестабильности, т. е. на предотвращение риска бедности или на исключение из социально незащищенных групп населения. Неслучайно система социальной защиты включает в себя комплексные меры и стратегии, направленные на обеспечение минимального благосостояния населения. Эффективность элементов системы социальной защиты связана с внедрением комплексного подхода к борьбе с бедностью и с социальным обеспечением, внедрением каждого элемента по отношению к другим [6, с. 16].

Как отмечалось выше, национальные особенности системы социального обеспечения напрямую связаны с ведущими идеями страны, экономическими и политическими системами. Уровень вмешательства государства в социальную сферу значительно выше в социально ориентированных странах. Анализ позволил выделить следующие типы моделей социальной защиты в промышленно развитых странах.

1. Социал-демократическая модель (Скандинавия, Новая Зеландия и др.) характеризуется универсальным характером как государственная гарантия социальных прав, всесторонняя поддержка среднего класса и полная занятость. Основная идея заключается во взаимопонимании. Подоходный налог служит источником финансирования для социального сектора.

2. Модель Бисмарка (страны континентальной Европы). Исторически она базировалась на системе социального страхования (паевых инвестиционных фондах), предназначенной для интеграции работников. Центральная идея отражена в обществе взаимного социального страхования. Социальные права рассматриваются как форма обязательства сообщества перед своими членами. Основа финансирования — выплаты по социальному страхованию.

3. Модель Бевериджа — Великобритания (консерваторам), Ирландия. Льготы предоставляются всем жителям. Вместе с тем размер пенсий минимален и не связан с уже выплаченными выплатами. Налоги являются источником финансирования.

4. Либеральная модель (США, Канада и др.). Идея состоит в том, чтобы создать сообщество взаимной компенсации (вместо политики взаимопомощи). Социальная помощь основана на избирательном подходе, ориентированном на бедных, а не на средний класс. Социальные пособия (вельфер) являются универсальной формой взаимной социальной помощи, которая предоставляется посредством тщательной оценки потребностей и носит временный характер. Роль государства в социальной сфере минимальна [5, с. 16].

В Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан на 2017–2021 гг. предусмотрено следующее: «Предоставление обязательных социальных гарантий населению, усиление социальной защиты уязвимых слоев населения и государственной поддержки пожилых людей и инвалидов, улучшение социальных услуг, развитие государственно-частного партнерства в предоставлении социальных услуг населению [7]. Кроме того, указано: «Анализ международного опыта социальной защиты показывает, что модели социальной политики и социальной защиты определяются сложившейся экономической системой, социальными целями и качеством жизни государства. Общность различных моделей заключается в масштабах участия государства в социально-экономической жизни, сосредоточении внимания на защите доходов семьи, стабильности, прозрачности, адресности и сложности системы» [8, с. 31]. Речь идет не только о национальной безопасности или способности защищать страну, но и об экономическом, политическом, культурном, а главное, социальном обеспечении при

осуществлении национальной безопасности. Социальное обеспечение является неотъемлемой частью сложной системы отношений. Представленные соединения представляют собой системы, которые имеют как внешние, так и внутренние характеристики.

Социальное обеспечение — это комплекс защиты интересов страны и народа в социальной сфере, развитии отношений и социальных структур в обществе, системы социализации и жизнеобеспечения людей в соответствии с прогрессивными потребностями нынешнего и будущих поколений. Данное энциклопедическое понятие должно быть разъяснено в аспекте того, что социальное обеспечение является, прежде всего, большей частью всей системы национальной безопасности и защитой от угрозы нарушения жизненно важных прав, свобод и интересов человека, группы и общества [9, с. 4]. Социальное обеспечение — категория национальной безопасности, а высшая ценность в обществе — это критерий, определяющий качество жизни населения, защиту интересов, прав и свобод человека, социальной группы и общества.

Существует несколько ключевых областей государственного социального обеспечения, которые, на наш взгляд, являются наиболее важными, связанными с угрозами и опасностями. Комплексная защита личности охватывает как конституционный, так и правовой уровень защиты прав и свобод человека. Организация Объединенных Наций (ООН), как защита человеческой жизни от вредных и непредсказуемых нарушений, угрозы постоянного голода, болезней, преступности и пыток («свобода от нужды»), способствует развитию свободного выбора, сохранению и укреплению равенства, служит защитой для всех, чтобы быть свободным от нужды и страха [10, с. 33–34].

ООН выделяет два компонента личной безопасности. Они формируются следующим образом: свобода от страха; быть свободным от нужды. На базе этих компонентов безопасности ООН разработала семь концепций безопасности человека, которые включают в себя семь категорий: экономическую безопасность; продовольственную безопасность; экологическую безопасность; охрану здоровья; личную безопасность; общественную и культурную безопасность; политическую безопасность [11]. Вышеуказанные категории в основном служат для развития человеческого фактора, предсказывают развитие человека на основе безопасности. Стабильность экономических и социально-трудовых отношений, стабильное предоставление и поддержка пособий (гарантированная минимальная прибыль), удовлетворение трудовых и иных законных видов экономической деятельности, занятость и безработица, а также поддержка устойчивых социальных структур, расширение низкого уровня или дифференциация от среднего класса путем его минимизации, сохранения и развития качества и уровня жизни [10, с. 34]. Приоритетом является последовательное воплощение в жизнь благородной идеи о том, что интересы человека превыше всего [12, с. 7]. Идея главы нашего государства не была случайной. Это связано с тем, что все развитые страны отдают предпочтение человеческому достоинству и интересам, создают механизмы для их защиты, выявляют социальные риски в обществе и повышают динамику социального обеспечения.

В качестве основных элементов механизма социального обеспечения можно выделить:

- комплексный мониторинг событий, событий и процессов в обществе;
- разработку качественных и количественных показателей, критериев социального обеспечения, статуса стабильности (порога) всего общества и каждого субъекта;

- прогнозирование совокупности факторов социального риска;
- создание социально значимых моделей проектов;
- выявление событий, в которых валидация модели, социальное моделирование и параметры, основанные на фактических данных, находятся в пределах значимости;
- разработку комплекса мер по удалению общества или конкретного субъекта из зоны социальной опасности [13, с. 144–145].

Условия усиления социальных рисков становятся важнейшим направлением государственной политики по обеспечению безопасности и стабильности общества в результате трансформации среды обитания человека. Социальное обеспечение иногда используется как средство защиты субъекта (индивида, общества) от различных угроз, а иногда как система средств (политических, правовых, социально-экономических, организационных, управленческих, медицинских, профилактических, культурных), как интерпретация риска развития и функции человека [14, с. 211].

Выбор групп социального риска (SR) в качестве ключевого показателя социального обеспечения в научных исследованиях важен. В числе этих групп следующие: 1) риск снижения качества жизни sr_1 ; 2) повышенный риск социального стресса sr_2 ; 3) риск вынужденной миграции sr_3 ; 4) повышенный риск социальной неопределенности [13, с. 145]. Первая из групп социального риска (риск снижения качества жизни sr_1) выступает в качестве важного компонента исследования, как индикатор социального обеспечения, показатель улучшения качества жизни. Четвертый показатель (повышенный риск социальной неопределенности) можно определить как меру социального капитала. Регулярное изучение этих показателей служит основой для диагностики безопасности страны.

Диагностика социального обеспечения направлена на выявление наиболее распространенных из наиболее вероятных ситуаций, в которых среда обитания человека связана с определенным социальным риском. Создание модели социальной безопасности (SB) предназначено для определения уровня безопасности в контексте развития техногенных факторов в среде обитания, степени зависимости от уровня развития социального обеспечения (SR). Однако в этом контексте необходимо оценить степень социального риска (SR) по отношению к показателям воздействия на безопасность (экологические факторы). Из этого следует, что на каждый социальный риск (SR) влияет группа отдельных показателей. Многие показатели социальной безопасности (PSB) приняты для определения общего уровня социальной безопасности:

$$PSB = \{psb_i\}, i = 1, h. \quad (1)$$

Индикаторы социальной безопасности (PSB) состоят из множества элементов. Среди них — psb_1 — здоровье; psb_2 — возможности покупки товаров (услуг); psb_3 — занятость и качество трудовой жизни; psb_4 — возможность протестовать; psb_5 — социальная среда; psb_6 — психоэмоциональное состояние; psb_7 — возможность мигрировать; psb_8 — вектор миграционного потока; psb_9 — является отражением неопределенности в сознании; psb_{10} — уровень доверия; psb_{11} — может быть изменением в социальной реальности [13, с. 145].

Диагностическая схема объекта, представленная на рисунке 1, иллюстрирует этапы структурной диагностики для обеспечения социальной защиты среды обитания человека. Показано, что среда обитания человека в значительной степени покрыта структурными параметрами.

Рис. 1. Схема диагностики объекта [13, с. 146]

Неслучайно они включают в себя природные, экологические, технологические, информационные и социально-культурные сферы. Именно в этих областях затрагиваются социальные риски. Подводя итоги и структурируя социальные риски, можно заключить, что происходит снижение качества жизни, рост социальной напряженности, рост вынужденной миграции и рост социальной неопределенности. Эти группы социального риска определены как ключевые показатели определения социальной безопасности. Становится понятным, что показатели определения социальной безопасности формируются в соответствии с критериями социального капитала. Снижение качества жизни sr_1 служит индикатором социальной безопасности, фактором повышения качества жизни населения, а sr_4 — показателем социального капитала, определяющим уровень доверия общества к социальной жизни. Являясь элементом индикаторов социальной безопасности (PSB), psb_{10} способствует росту критериев социального капитала в обществе, таких как уровень доверия, социальное обеспечение.

Эти элементы могут измерять показатели социального обеспечения, что позволит сравнивать и анализировать результаты, полученные по показателям социального капитала. Соответствующие результаты дают возможность проследить динамику роста показателей социального капитала за счет обеспечения социальной безопасности в обществе.

По результатам опросов общественного мнения очевиден тот факт, что наиболее важными показателями, которые формируют интегрированный показатель

уровня социального обеспечения, определены $PSB = h = 11$. Использование нескольких диагностических параметров является задачей диагностики, направленной на выявление структурных параметров и наиболее распространенных связей между ними [13, с. 146].

Для оценки уровня интегрированного социального обеспечения разработан метод оценки социального обеспечения с учетом результатов диагностической схемы объекта $IUSB$, представленной на рисунке 1. По данному методу:

$$IUSB = \sum_{i=1}^4 (v_i \times osr_i), \quad (2)$$

где osr_i — это i -интегрированный индекс оценки социального риска, v_i — вес i -интегрированного индекса оценки социального риска при оценке социальной безопасности.

На основании публичных запросов установлено, что каждый вклад в риск, выраженный в методологии, имеет одинаковое значение. Последнее приводит к методологическому выражению

$$IUSB = 0,25 \sum_{i=1}^4 osr_i. \quad (3)$$

Каждая оценка риска представлена в методологических выражениях. В процессе обработки и анализа данных социологического исследования, проведенного этим методом, возникли следующие риски и показатели:

- osr_1 оценка качества здоровья, возможностей трудоустройства, занятости и трудовой деятельности;
- osr_2 оценка неудовлетворенности, социальной среды, психоэмоционального состояния;
- osr_3 оценка с возможностью миграции, вектором миграционных потоков;
- osr_4 можно оценить по отражению неопределенности в сознании, уровне доверия, изменений в социальной реальности.

Методологическое выражение (3) представляет определение каждого риска. По данному методу:

$$osr_i = \sum_{j=1}^h (w_j \times psb_j), \quad (4)$$

где osr_i — это i -интегрированный индекс оценки социального риска, w_j — вес j -интегрированного показателя i -интегрированной оценке социального риска, psb_j — оценка j -интегрированного показателя.

При комбинировании генерируется методическое выражение (3) и (4), и можно рассчитать уровень социальной безопасности, принимая во внимание векторное значение для каждого социального риска:

$$IUSB = 0,25 \times \sum_{i=1}^4 \sum_{j=1}^h (w_j \times psb_j). \quad (5)$$

Для определения весовых коэффициентов w_j параметров $PSB \times OSR$ требуется методологическое выражение структуры отношений. Весовые коэффициенты w_{lp} изменяются с интервалами $l = 1, h, p = 1.4 [0..1]$, как показано в таблице 1. Если параметр не влияет на риск, то вес устанавливается на ноль.

Таблица 1

Параметры и весовые коэффициенты

$PSB \times OSR$	osr_1	osr_2	osr_3	osr_4
psb_1	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}
psb_2	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}
psb_3	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}
psb_4	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}
psb_5	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}
.....				
psb_n	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}	w_{lp}

Итак, необходимо оценить каждый параметр, чтобы рассчитать уровень социального обеспечения. В этом случае параметры оцениваются в интервале $[0..1]$, чтобы нормализовать расчет и привести оценки параметров в универсальное выражение. Каждый параметр оценивается по одному вопросу или группе вопросов в сравнении с экспертом [13, с. 147]. Определение уровня социального обеспечения проявляется в возможности оценки одного критерия качества жизни населения.

К основным социально-экономическим факторам, влияющим на социальное обеспечение внутри страны, относятся уровень жизни населения, демография, занятость, образовательный и научный потенциал, здоровье [15, с. 6]. Эти социально-экономические факторы в значительной степени доминируют в стране. Однако эта концепция не определяет один из важнейших компонентов социального обеспечения, что считается индексом доверия, трактуемым как индикатор социального капитала.

Каждый из социально-экономических факторов можно охарактеризовать как отдельный показатель социального обеспечения. В частности, фактор Уровня жизни — уровень бедности; количество людей, зарабатывающих ниже прожиточного минимума (или уровня дохода); количество бедных граждан, получающих социальные пособия. Фактор Демографии — рождение, естественное размножение и смерть; количество смертей, вызванных основными типами смертей; ожидаемая продолжительность жизни при рождении; брак и развод; количество беженцев и вынужденных переселенцев. Фактор Занятости — уровень занятости; уровень безработицы; доля занятого населения, работающего неполный рабочий день; распределение занятого населения по профессиям, отраслям экономики; домашние дела, особенно связанные с воспитанием детей; трудоустройство инвалидов; количество занятых в научных учреждениях; занятость молодежи. Фактор образовательного или научного потенциала — количество учащихся в средних профессиональных учебных заведениях; количество студентов в высшем профессиональном образовании.

Фактор здоровья — количество медицинских учреждений; количество больничных коек; количество медицинского персонала; заболеваемость населения социально значимыми заболеваниями; заболеваемость населения алкогольным психозом и алкоголизмом; наркомания населения; распределение инвалидов впервые по причине их инвалидности; стационарные учреждения, предоставляющие социальные услуги инвалидам и пожилым гражданам [15, с. 7].

Социально-экономические факторы составляют основу перечисленных выше показателей социального обеспечения и способствуют социальной политике страны. По словам первого президента Узбекистана И. А. Каримова, «быстрое и

сбалансированное развитие нашей экономики обеспечивает прочную основу для неуклонного повышения уровня жизни и качества жизни населения; улучшение качества жизни является важным показателем роста реальных доходов и материального благосостояния населения. Кроме того, И. А. Каримов утверждает, что «особое внимание следует уделить повышению реальных доходов, уровня жизни и качества жизни населения. Именно по этим критериям мы оцениваем эффективность правительства и его нового руководства» [16]. Президент Ш. М. Мирзиёев, исходя из этого, указал, что критерием социального капитала является повышение реальных доходов, уровня и качества жизни как важного показателя повышения доверия среди населения [17, с. 21–22].

«Стратегия действий», принятая президентом страны, заключается в «обеспечении комплексного и эффективного использования природного, минерального, сырьевого, промышленного, сельскохозяйственного, туристического и трудового потенциала каждого региона для ускорения социально-экономического развития и повышения уровня жизни и доходов населения» [18]. Тем не менее социальные и экономические реформы в государстве требуют углубленного изучения с теоретической и методологической стороны вопросов, связанных с повышением уровня жизни населения, являющихся сегодня одной из наиболее острых проблем в Республике.

Важно отметить, что защита общества во многом зависит от социальной политики, проводимой государством, и от функционирования хорошо организованной системы социальной работы [19, с. 44]. Необходимо перейти к двухуровневой системе организации социального обслуживания, основанной на комбинации денег. При такой системе государство гарантирует каждому минимальный объем квалифицированных социальных услуг [20, с. 140].

Один из главных механизмов предоставления социальных услуг — социальная работа как предоставление социальной поддержки людям. Предоставление социальной помощи — это не просто финансовая поддержка граждан. Речь идет о сочетании принципов гуманизма, справедливости и заботы. Уместно вспомнить слова первого президента нашей страны И. А. Каримова: «Мы хотим построить суверенно-правовое демократическое общество, а не просто демократическое общество». В них отражена сущность справедливости как главного фактора человеческого интереса. Существуют теологические основы социальной поддержки, и многие ученые в этом отношении, особенно на Востоке, думают: «Тот, кто может вести слепого на сорок шагов, должен войти в Рай» (рассказано Ибн Маджой и Табариани), и «освободить тех, кто в рабстве» (Сообщено Имамом Бухари) [21, с. 30].

Из этого ясно, что предоставление социальной помощи — одна из характеристик восточных стран. По мнению Форобия, человеческая природа нуждается в других людях для организации, укрепления и улучшения их жизни. Исследователь пишет: «Человек — это существо, которое может удовлетворить только свои потребности в обществе и подняться на высший духовный уровень» [22].

Социальная помощь заложила основы для профессии в модернизирующемся обществе. Во всех развитых странах такая профессия известна как социальная работа. Социальная работа — это также социальный институт, вид профессиональной деятельности, социальная практика, синтез теоретических знаний и предмет изучения. В основе теории социальной работы лежит деятельность социального работника. Чтобы она была эффективной, социальному работнику необходимо хорошо знать человеческие проблемы и находить способы их решения. Социальный работник обладает основами теории социальной работы и может правильно отличать свой предмет от принципов и методов. Он характеризуется

особыми профессиональными и психологическими качествами, такими как сострадание, ответственность, человечность, гражданская и социальная справедливость [23, с. 40].

Социальный капитал способствует достижению высокого социально-экономического статуса, осведомленности, благополучия, карьерного роста, удовлетворенности жизнью, здоровья и продолжительности жизни [24, с. 72]. Теоретическая и практическая значимость социальной работы состоит в том, что ее общие принципы ориентированы на проблемы человека, поскольку человек состоит из набора биогенных, психогенных и социогенных элементов существования. В действительности социальная работа по своей природе не может реализовываться без учета законов природы, сущности и мировоззрения личности. Невозможно представить социальные услуги без методологического подхода [23, с. 40].

Справедливость как социальный критерий формирует социальную политику общества. При ее проведении важно, чтобы меры социальной защиты применялись не только к населению в целом, но и к тем, кто действительно нуждается в такой защите. Утверждается, что «социальная защита наиболее уязвимых групп населения всегда была и будет неотложной приоритетной задачей, основным правилом действий» [18]. Эти действия формируют систему адресной социальной защиты как механизм социальной защиты общества. Данная адресная социальная защита как главный механизм требует коренного изменения существующих методов социальной защиты, источников их финансирования. В итоге такая система гарантирует надежную и справедливую защиту, повышает уровень жизни населения.

Суммируя эти точки зрения, можно сделать следующие выводы. Исходя из мнений восточных мыслителей и ученых ясно, что предоставление социальной помощи генетически заложено в менталитете нашего народа. На основании исторических и религиозных ментальных особенностей можно резюмировать, что предоставление социальной помощи определяется как критерий социального капитала, как составляющая социальной политики, т. е. показатель социального обеспечения.

Человек — основа общества и нуждается в помощи других людей. Предоставление социальной помощи — это, в первую очередь, понимание человека, что развивает фундаментальные факторы помощи людям в познании и выборе правильного пути. В этом случае любой из нас сделает эти знания ценными. Всякое знание, которое стало ценностью, будет передаваться от человека к человеку генетически, способствовать дальнейшему прославлению человеческого существа. Везде, где прославляется общество, устанавливаются принципы социальной справедливости. В социуме, основанном на социальной справедливости, каждый чувствует себя в безопасности. Индекс социального капитала любой страны с высоким уровнем социального обеспечения будет высоким.

Литература

1. *Зинатуллина Г. Ф.* Конвертация социального капитала сельской семьи региона // Регионоведение. 2015. № 1 (90). С. 134–142.
2. *Найденова Л. И., Федотов Л. Н.* Внеэкономический капитал и его значение для развития регионального социума // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. Т. 12. № 2. С. 84–95.
3. *Фарфиев Б. А.* Ўзбекистон ижтимоий тараққиётда ислом рационализи омили [Матн]: монография. Тошкент: «Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти» нашрияти, 2019. 115 б.

4. *Латинова Н. М.* Социальная защита семей и детей в Узбекистане: монография / отв. ред. Н. С. Аликориев. Ташкент: Navro'z, 2018. 7 с.
5. *Вахабов А. В.* Аҳолини ижтимоий ҳимоя қилишнинг таркиби ва манзиллилигини қучайтириш муаммолари: халқаро тажриба ва миллий хусусиятлар // Ижтимоий соҳани модернизациялаш ва ривожлантиришнинг устувор йўналишлари. Республика микесидаги илмий-амалий конференцияси материаллари тўплами. Тошкент, 2018. 14 б.
6. *Вахабов А. В.* Аҳолини ижтимоий ҳимоя қилиш тизимининг манзиллилигини ошириш амалиётини модернизациялаш ижтимоий хизматлар рақобатбардошлигини оширишнинг устувор йўналишидир // “Рақобатбардош иқтисодиёт ва уни амалга ошириш йўналишлари”. Вазирлик микесидаги илмий-амалий конференцияси материаллари тўплами. Тошкент: ЎЗМУ, 2018. 16 б.
7. 2017 йил 7 февральдаги “Ўзбекистон Республикасини янада ривожлантириш бўйича ҳаракатлар стратегияси тўғрисида”ги Ўзбекистон Республикаси Президентининг ПФ-4947-сонли Фармони.
8. *Скифская А. Л.* Социальная безопасность личности и социальная защита // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 24 (353). С. 31–34.
9. *Зеркалов Д. В.* Социальная безопасность [Электронный ресурс]: монография. К.: Основа, 2012. 1 электрон. опт. диск 12 см (CD-ROM). 530 с.
10. *Побережная О. Е.* Социальная безопасность в контексте государственного суверенитета // Политико-правовые и философские проблемы суверенитета: тезисы докладов Респуб. науч. конф. В 2 ч. Ч. 2 / ред. А. В. Горелик и др. Мн: Иппокрена, 2012. С. 32–35.
11. Программа развития ООН (ПРООН) о развитии человеческого потенциала 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nca.kz/company/partners/proon-programma-razvitiya-organizatsii-obedinennykh-natsiy/> (дата обращения: 10.01.2019).
12. *Мирзиеев Ш.* Танкидий таҳлил, катъий тартиб-интизом ва шахсий жавобгарлик — ҳар бир раҳбар фаолиятининг кундалик қоидаси бўлиши керак. Мамлакатимизни 2016 йилда ижтимоий-иқтисодий ривожлантиришнинг асосий якунлари ва 2017 йилга мўлжалланган иқтисодий дастурнинг энг муҳим устувор йўналишларига бағишланган Вазирлар Маҳкамасининг кенгайтирилган мажлисидаги маъруза, 2017 йил 14 январ. Тошкент: Ўзбекистон, 2017. 7 б.
13. *Ломакин В. В., Асадуллаев Р. Г., Кисиленко А. В.* Методика оценки социальной безопасности с учетом техногенных факторов риска // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2016. № 2 (223). Вып. 37. С. 144–151.
14. *Пилипенко В.* Социум, безопасность, риски // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4. С. 211. С. 210–211.
15. *Зеленцова И. Ю.* Факторы и показатели социальной безопасности. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2012. № 2. С. 5–7.
16. *Каримов И. А.* 2015 йилда иқтисодиётимизда туб таркибий ўзгаришларни амалга ошириш, модернизация ва диверсификация жараёнларини изчил давом эттириш ҳисобидан хусусий тадбиркорликка кенг йўл очиб бериш — устувор вазифамиздир // Халқ сўзи. 2015 йил 17 январь.
17. *Мирзиеев Ш. М.* Эркин ва фаровон демократик Ўзбекистон давлатини биргаликда барпо этамиз. Ўзбекистон Республикаси Президенти лавозимида қиришиш тантанали маросимида бағишланган Олий Мажлис палаталарининг қўшма мажлисидаги нутқ. Тошкент: Ўзбекистон нашриети, 2016. 21–22 б.
18. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2017 йил 7 февралдаги ПФ-4947-сонли Фармонига 1-илова. 2017–2021 йилларда Ўзбекистон Республикасини ривожлантиришнинг бешта устувор йўналиши бўйича Ҳаракатлар стратегияси.
19. *Лыгина М. А.* Социальная работа в системе социальной безопасности общество // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 42–45.
20. *Каримов И. А.* Ўзбекистон буюк келажак сари. Тошкент: Ўзбекистон. 1998. 128–140 б.

21. *Комилов К., Мақсудов Д.* Ижтимоий ҳимояга оид куръони карим оятлари ва ҳадислардан намуналар. Тошкент: Тошкент ислом университети, 2007. С. 30–57.
22. *Абу Наср Форобий.* Фозил одамлар шаҳри. Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашрияти, 1993. 221 б.
23. *Тетерский С. В.* “Ижтимоий ишга кириш”. Ўқув қўлланма таржимаси. Маданий антропология жамияти. Тошкент, 2006. 44 б.
24. *Горячева К. Е.* Социальный капитал как фактор качества жизни современного российского населения // Научные записки молодых исследователей. 2017. № 1. С. 72–77.

А. А. Ахтырский, Н. В. Тюмасева

Особенности трудовой мотивации педагогических работников

A. A. Akhtyrskiy, N. V. Tyumaseva. Features of Labor Motivation of Pedagogical Workers

Авторами предпринята попытка научного осмысления роли социальных связей в профессиональной деятельности педагогических работников сиротских учреждений. В статье рассматриваются научные взгляды на концепцию трудовой мотивации педагогических работников, влияющие на их профессиональную практику. Сопоставляются результаты международных и всероссийских исследований понятия трудовой мотивации педагогических работников. На основе результатов социологического исследования описаны отличительные черты трудовой мотивации педагогов сиротских учреждений: склонность к таким позитивным и гедонистическим смыслам, как яркость жизни, альтруизм, нацеленность на дружеские отношения в коллективе, справедливость и честность, ориентация на гармонию с людьми в жизни и с детьми в профессиональной деятельности. В частности, на основе корреляционного анализа выявлена положительная связь между чувством справедливости педагогов и их удовлетворенностью отношениями с администрацией ($r = 0,76$). На удовлетворенность педагогов отношениями с коллегами и администрацией, их развитие влияет осознание сотрудниками сиротского учреждения его общей миссии ($r = 0,75$). На базе социальных оценок педагогических работников определены проблемные стороны применения мотивационных механизмов, основанных на стимулировании в Центрах содействия семейному воспитанию. Посредством анализа научных статей и социальных оценок молодых педагогов установлены факторы,

We accept an attempt to scientifically comprehend the role of social ties in the professional activities of teachers in orphanages. The article discusses the scientific views on the concept of labor motivation of teachers, affecting their professional practice. The results of international and all-Russian studies of the labor motivation of teachers are compared. Based on the results of a sociological study, the distinctive features of the labor motivation of teachers of orphanages are described: teachers of orphanages are prone to such positive and hedonistic meanings as the brightness of life, altruism, focus on friendly relations in a team, justice and honesty, orientation towards harmony with people through life and with children in professional activities. In particular, on the basis of correlation analysis, a positive relationship was determined between the sense of justice of teachers and their satisfaction with relations with the administration ($r = 0.76$). The satisfaction of teachers with relations with colleagues and the administration and their development will be affected by the awareness of the institution's overall mission ($r = 0.75$) by the employees of the orphanage. Based on social assessments of teachers, the problematic aspects of applying motivational mechanisms based on incentives in the centers for promoting family education have been identified. Based on the analysis of scientific articles and social assessments of young educators, factors are identified that affect their activity and commitment to the goals of a social institution. As shown by the results of a survey of teachers of orphanages,

Андрей Александрович Ахтырский — воспитатель первой квалификационной категории СПб ГБУ «Центр содействия семейному воспитанию № 12», аспирант кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Наталья Владимировна Тюмасева — воспитатель высшей квалификационной категории СПб ГБУ «Центр содействия семейному воспитанию № 12», почетный работник общего образования РФ.

© Ахтырский А. А., Тюмасева Н. В., 2020

влияющие на их активность и приверженность к целям социального учреждения. Как показали результаты опроса педагогов сиротских учреждений, 50 % респондентов в возрасте до 30 лет и педагогическим стажем до 10 лет задумываются о том, чтобы сменить работу. Статья будет полезна руководителям образовательных и социальных учреждений, а также исследователям, занимающимся изучением данной проблемы.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивация, педагоги, социальная защита, педагогическая мотивация, удовлетворенность работой.

Контактные данные: **А. А. Ахтырский:** 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21; (812) 602-23-22; e-mail: andrei_1893@mail.ru; **Н. В. Тюмaseва:** 191110, Санкт-Петербург, ул. Большая Зеленина, д. 30б; (812) 235-08-49; e-mail: barabachka71@gmail.com.

50 % of respondents under the age of 30 years and teaching experience of up to 10 years, think about how to change jobs. The article will be useful for the leaders of educational and social institutions, as well as researchers involved in this problem.

Keywords: labor motivation, motivation, teachers, social protection, pedagogical motivation, job satisfaction.

Contact Details: **Akhityrskiy A. A.:** Sadovaya Str. 21, St. Petersburg, Russian Federation, 191023; (812) 602-23-22; e-mail: andrei_1893@mail.ru; **Tyumaseva N. V.:** Bol'shaya Zelenina Str. 30b, St. Petersburg, Russian Federation, 191110; (812) 235-08-49; e-mail: barabachka71@gmail.com.

Трудовая мотивация педагогических работников относится к одному из ключевых условий успешности и эффективности любого социального и образовательного учреждения. Хорошо разработанная система мотивации труда педагогов позволяет соединить цели и потребности сотрудников со стратегическими задачами учреждения [1, с. 130].

На международном уровне множество исследований мотивации (Агезо, 2010; Когней, 2003; Долтон & Марсенаро-Гутеръез, 2011; Ламберт, 2004; Ребор, 2001; Саргет & Ханнум, 2005) обнаружили, что мотивация педагога связана с результатами обучения учеников. В международном анализе взаимосвязи между мотивацией педагогов и результатами обученности Долтон и Марсенаро-Гутеръез (2011) отмечают, что в странах, уделяющих недостаточное внимание мотивации педагогических работников, наблюдается низкая производительность этой профессиональной группы, что приводит к плохим результатам в образовании [2, с. 55]. Так, огромные различия в способах оплаты труда учителей разных стран отражаются на их образовательных результатах [2, с. 55].

В последнем рейтинге уровня образования в странах мира (Education Index 2019) — комбинированный показатель программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), рассчитываемый как индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной доли учащихся, получающих образование. Первые места занимают страны с высоким уровнем оплаты и социальной поддержки педагогов (Германия, Австралия, Норвегия, Финляндия, Нидерланды США, Швейцария). Российская Федерация находится на 33 месте, уступив Греции, Беларуси и Грузии [3].

В течение продолжительного времени научный анализ проблемы мотивации деятельности человека был в основном связан с исследованиями, осуществляемыми психологической наукой, практикой и теорией менеджмента, как и в социологии. Важный вклад в развитие социологической мысли по проблеме мотивации личности внесли в своих работах М. Вебер «О некоторых категориях понимающей социологии» [5], В. А. Ядов — в «диспозиционной концепции» [32], Е. П. Ильина в исследовании «Мотивация и мотивы» [7], В. К. Потемкина [8];

20; 22]. В трудах этих и других ученых рассматриваются важнейшие вопросы мотивации, ее механизмы формирования, проявления и развития. Раскрываются новые подходы в изучении природы мотива, его внутренней структуры и взаимосвязи с иными формами мотивации.

Однако большинство социологических исследований, объектом изучения которых являются педагогические работники, сфокусированы на проблемах мотивации либо учителей начальной и средней школы, либо преподавателей средних и высших профессиональных учреждений. Мотивационное поведение педагогов учреждений для детей-сирот в условиях современных общественных отношений до сих пор не стало предметом специального научного исследования.

С целью повышения эффективности труда проблемы трудовой мотивации различных профессиональных групп отражены в специальных социологических исследованиях отечественных и зарубежных авторов [13; 14; 29; 30]. В этой связи трудовая мотивация такой профессионально-квалификационной группы, как педагогические работники для детей-сирот, должна быть более детализирована, что позволит перейти на качественный уровень организации воспитательного процесса детей-сирот в России.

Метод анализа

Чтобы собрать и проанализировать наиболее актуальные подходы и исследования по трудовой мотивации педагогических работников, мы обращались к различным источникам баз данных, ограничившись обзором исследований, проведенных с 1990 по 2019 г. Среди них — “PsychInfo, Psychology and Behavioral Sciences, and Education Resources Information Center (ERIC) (EBSCOhost)”, “Web of Science (Web of Knowledge)”, “ScienceDirect”; “Elibrary”. Нами изучены концептуальные/теоретические работы, связанные с описанием и анализом теорий или концепций мотивации педагогов.

Эмпирической базой послужили результаты включенного наблюдения, проведенного авторами с 2016 по 2020 г., и социологического опроса педагогов Центров содействия семейному воспитанию с участием 175 респондентов — педагогических работников сиротских учреждений Санкт-Петербурга, отличающихся по демографическим и профессионально-квалификационным характеристикам. Опрос согласован с Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга, организован в виде электронной анкеты на платформе “google docs”. Анкетирование выполнено на основе авторской методики, в которой оцениваются по шестибалльной шкале 14 базисных мотивационных смыслов и степень удовлетворенности ими: экономические, социальные (отношения с коллегами, детьми, администрацией), причастность, развитие, а также 21 мотивирующий смысл мотивации педагогов (раскрывают цели, ориентации и предпочтения с точки зрения влияния каждого смысла на производительность труда). В анкету включена методика измерения психологического капитала личности (PSYCAP). *PsyCap* определяется как «позитивное состояние развития человека» [4] и измеряется по следующим шкалам HERO («герой»): Hope — «надежда», Efficacy — «эффективность», Resilience — «устойчивость», Optimism — «оптимизм».

Для математической обработки данных использовался пакет статистических программ *SPSS Statistics*, для проверки гипотезы о связях между переменными — коэффициенты Спирмана, Мана–Уитни, Крускала–Уоллеса.

Результаты анализа

Важный вклад в научное осмысление мотивационных аспектов, определяющих направленность действий человека, внес М. Вебер (1864–1920), предложивший

новое понимание категорий «действие», «поведение», «деятельность» и их роли в жизнедеятельности человека. По М. Веберу, понятие поведение — значит установить каузальную связь между смыслом, целью и средствами [5, с. 497]. Отечественными учеными определяется мотивация как процесс побуждения человека к деятельности во имя достижения определенных целей [6, с. 256]. В. К. Потемкин трактует мотивацию как «процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей и целей организации» [8]. По мнению Беннелла (2004), мотивация педагога — это все психологические процессы, которые влияют на их поведение в направлении достижения целей образования [9]. Изучая мотивацию европейских педагогов, Клэйс определяет *альтруистический фактор* как «желание работать с детьми и/или молодыми людьми, склонность служить обществу» [10]. Л. Н. Захарова, исследуя профессиональные мотивы отечественных педагогов, выделяет следующие: 1) материальное вознаграждение; 2) самоутверждение; 3) самореализация [11, с. 214].

Авторы поддерживают мнение ученых и считают, что мотивацию необходимо рассматривать с социологической стороны, учитывая воздействие не только внутренних психологических процессов, но и влияние социальной среды на сознание личности. Внешние факторы, воздействующие на мотивацию педагога, многочисленны и разнообразны, а именно: материальное вознаграждение, поведение детей, хорошие условия труда, благоприятная образовательная политика и др.

Материальное вознаграждение.

П. Долтон считает, что единственное условие, которое могло бы привлечь квалифицированных учителей к профессии, — это выплата привлекательного вознаграждения, поскольку, по его мнению, низкая оплата за труд не может гарантировать привлечение высококлассных профессионалов и обеспечить благоприятные результаты детей [12; 17].

При крупномасштабном исследовании, в котором приняло участие 48 израильских школ, В. Лави (2008) зарегистрировал, что оплата по результатам может приводить к появлению у учителей тех же интересов, что и у школьной системы в целом, не вызывая при этом искаженных форм поведения, таких как манипулирование баллами за тестирование или практика натаскивания учеников на тесты. Размер установленного влияния оплаты по результатам на успеваемость учеников и вывод о больших усилиях учителей, которые участвовали в программе, позволяют заключить, что стимулирование учителей можно рассматривать как многообещающий способ повышения качества школьного образования [13]. В. Лави сообщил и о появлении новых педагогических подходов и методов преподавания, а также о приложении больших усилий при внедрении в школе системы оплаты по результатам.

Однако к исследованию В. Лави в своем комментарии отечественный исследователь В. Сивак (2010) сообщил о необходимости проверки позитивного влияния оплаты по результатам на успеваемость учеников. При этом оно в ряду других исследований о влиянии оплаты по результатам на мотивацию учителей может дать очень хорошие инструменты и методологические приемы для изучения последствий новой системы оплаты труда в России, предоставив альтернативу экспертной оценке последствий социальных программ в образовании [13, с. 60]. В дополнение к этому А. Бакурадзе утверждает, что спрогнозировать, как изменится организационное поведение педагогов после их вознаграждения очень сложно. На практике возможны парадоксальные ситуации, когда после вознаграждения педагог ведет себя не так, как ожидает наградивший его руководитель [14].

В результате корреляционного анализа результатов приведенного исследования определены *проблемные стороны* применяемой системы мотивационных механизмов в сиротских учреждениях, основанной на *материальном стимулировании*. Низкая удовлетворенность педагогов распределением стимулирующих выплат среди сотрудников прямо отражается на их чувстве справедливости в организационном контексте, что в итоге приводит к неудовлетворенности чувства признания и оценки их труда со стороны администрации ($r = 0,86$). В итоге можно заключить, что сложившаяся система материального стимулирования в сиротских учреждениях деструктивно влияет на развитие хороших отношений педагогов с администрацией учреждения, так как педагоги чувствуют хорошее отношение с администрацией, когда их труд признают и оценивают руководители ($r = 0,87$), и наоборот. Сложившаяся проблемная ситуация в функционировании мотивационного механизма, основанного на материальном стимулировании, говорит о несовершенстве «эффективных контрактов», применяемых в социальных учреждениях.

Удовлетворенность работой.

С. Хонгинг выделяет факторы трудового процесса:

- хорошие межличностные отношения с руководителями и коллегами (положительный микроклимат);
- заработанная плата.

Из факторов, ведущих к неудовлетворению, выделяются:

- отсутствие возможности профессионального развития;
- условия работы;
- поведение учащихся;
- связанные с работой стрессоры (например, расширенное расписание и рабочая нагрузка) [15].

Т. Юдже и Д. Камей-Мюлер дополняют, что удовлетворенность работой является фундаментальной для организации и определяется как процесс оценки трудовой деятельности, условий труда и профессии [16]. Р. Далал, М. Байсинг, Б. Брумел и Д. Ле-Бретон (2012) подтвердили, что удовлетворенность работой — наиболее важный показатель положения индивида в трудовой деятельности и тесно связан с мотивацией.

Вследствие корреляционного анализа результатов исследования, проведенного авторами статьи, определена положительная связь между чувством справедливости педагогов и их удовлетворенностью отношениями с администрацией ($r = 0,76$). Педагоги чувствуют хорошее отношение с администрацией, когда их труд признают и оценивают руководители ($r = 0,87$). На удовлетворенность педагогов отношениями с коллегами и администрацией, их развитие влияет осознание сотрудниками сиротского учреждения общей миссии учреждения ($r = 0,75$).

В целом на основе полученных данных можно сделать вывод о большей активности педагогов, которые имеют хороших товарищей в своем отделе, высокую степень удовлетворенности чувством справедливости, внимательности к их труду, осознанием всем коллективом миссии учреждения. Сотрудники будут хорошо выполнять свою работу, когда они будут осознавать причастность к общему делу, а их высокий уровень мотивации для выполнения определенных задач и конкретные усилия не останутся незамеченными. Это позволило авторам настоящего исследования выдвинуть гипотезу о том, что только благодаря приверженности педагогов можно гарантировать успех реализации образовательных реформ.

Внутренние факторы

Помимо внешних факторов, определены альтруистические и внутренние факторы, влияющие на мотивацию учителя. Согласно позиции Л. Клейс (2011), альтруизм означает «любовь к детям, склонность служить обществу» [28]. Внутренние мотиваторы являются «внутренними желаниями личностного и профессионального развития и работы в образовательных учреждениях». Точно также и П. Беннел (2007) определяют внутреннюю мотивацию как то, что исходит от человека [29]. Подтверждая важность альтруистической и внутренней мотивации, Уильямс и Форгас (2009) пришли к выводу о том, что такие факторы, как желание работать с детьми, желание внести свой вклад в общество, вера в обладание атрибутом учителей, были более важными, чем внешние факторы в решении участников стать учителями [30].

Исследуя доминирующие ценности российских учителей, сравнивая их с европейскими коллегами, В. С. Магун (2011) зафиксировал, что первых характеризуют следующие ценности:

1. Безопасность — социальный порядок, безопасность семьи, стабильность работы, дохода.
2. Самоутверждение — забота о личной репутации, желание быть авторитетом, власти, богатства.
3. Конформность — Традиции (консерватизм) — уважение традиций, самодисциплина, почитание старших, скромность, сложное принятие инноваций.

Исследователь заключает, что, в отличие от европейских учителей, у отечественных наблюдается принижение по значимости ценностей гедонизма (получение удовольствия от жизни); самостоятельности (свобода, творчество, независимость, любознательность); заботы о людях и природе (равенство, мир на земле, мудрость, социальная справедливость, ответственность, честность, верность) [31]. Похожие выводы о наличии в структуре личности таких мотивов, как власть, признание, привлечение внимания, избегание неудач, сделала Н. В. Солнцева в диссертационном исследовании на тему «Динамика изменений мотивационной структуры педагога в процессе профессионализации» (1999). Исследователь пишет о том, что ведущие мотивы взаимосвязаны и изменяются в зависимости от увеличения профессионального стажа и возраста педагога. Необходимо отметить, что ранние исследования фокусировались на проблеме трудовой мотивации учителей школ, а мотивация педагогов сиротских учреждений до этого момента не была предметом специального социологического исследования.

Вместе с тем, как показали *результаты приведенного исследования*, среди педагогических работников сиротских учреждений намечается тенденция на альтруистический подход к труду. Педагогам сиротских учреждений свойственна склонность к таким позитивным и гедонистическим смыслам, как яркость жизни, альтруизм, нацеленность на дружеские отношения в коллективе, справедливость и честность, ориентации на гармонию с людьми в жизни и детьми в профессиональной деятельности. В своей жизни и профессиональной деятельности педагогические работники сиротских учреждений стремятся к независимости и свободе действий, хотят иметь высокий доход, совмещать личное хобби с профессиональной деятельностью, искать новые приключения и жить ярко. Педагогические работники в большей степени нацелены на свободу и жизнерадостность, чем на смыслы «власть» и «само-реализация» или «иметь льготы».

*Влияние социальной среды на профессиональное выгорание
и приверженность*

Воздействие социальной среды на поведение сотрудников изучалось на протяжении многочисленных эмпирических исследований под руководством В. С. Магуна, В. Г. Андрееенкова, В. К. Потемкина, Р. Инглхарта, М. К. Горшкова и др. [18–21]. Социальная, субкультурная среда включает в себя такие компоненты, как контактную среду (неформальные организации в структуре персонала; профессиональные объединения и клубы; родственные связи; коммуникативная среда территориальной общности и др.); систему образования, профессиональной подготовки и переподготовки; социально-культурную среду (сложившийся механизм социальных статусов, структура субкультурных групп, социальная стратификация населения, система обеспечения социальной защищенности трудоспособных категорий населения и т. п.); символическую реальность (социальные нормы и поведенческие стереотипы, степень приоритетности трудовых ориентаций в системе ценностных ориентаций населения); информационную среду (общественное мнение населения, средства массовой информации, реклама и др.) [22, с. 92].

Социальная среда, включающая в себя информационную, образовательную, профессиональную, иные составляющие, оказывает воздействие на формирование коллективных и индивидуальных смыслов, являющихся, по определению А. С. Ахиезера, «молекулами культуры» [23]. Полагаем, что основным препятствием для развития трудовой мотивации и приверженности сотрудников к целям организации является ситуация, когда сложившееся непонимание общей миссии коллективом сиротского учреждения формирует дисбаланс в понимании новых сотрудников и молодых специалистов, закрепляясь в их нормативном поведении. Так, статистический анализ социальных оценок молодых педагогов позволяет утверждать, что данная группа в меньшей степени удовлетворена осознанием миссии сиротского учреждения всем коллективом ($p = 0,05$) и не чувствует свою причастность к одному общему делу в организационном контексте. Так, высказыванию «Осознание всем коллективом миссии Центра, причастности к одному общему делу: научить детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, самостоятельно жить в нашем обществе, воспитать полноценного гражданина России» молодые специалисты придают высокое значение, оценивая его на 5,5 по шестибальной шкале. При этом степень удовлетворенности данным параметром составляет 2,9.

Джонсон, Берг и Дональдсон (2005) обнаружили, что молодые педагоги, особенно в возрасте до 30 лет, реже всего оставались в своих учреждениях [24]. Л. Ламберт и С. Маккарти (2006) установили, что в США большинство учителей отказались от своей профессии после первых пяти лет работы [25]. В исследовании С. Джесуса (2003) подчеркивается, что преподавание по сравнению с другими профессиями привело к более высоким уровням профессионального выгорания. С. Хостинг (2007) утверждал, что на удовлетворенность работы педагогов влияет поведение учащихся. Аделабу (2005) и Агезо (2010) изучили влияние недисциплинированности учащихся на мотивацию учителя и выразили мнение о том, что недисциплинированность детей влияет на энтузиазм, любовь и страсть к своей профессии, побуждая их задуматься о смене деятельности [26]. Метаанализ А. Алоэ, С. Шислера, Б. Норриса, А. Никерсона и Т. Ринкера (2014) продемонстрировал, что частота выгорания у педагогов высока и рассматривается как международная проблема [27]. Таким образом, представляется интересным и важным изучить мотивацию педагогических работников, работающих с детьми с диванным и делинквентным поведением.

По мнению авторов настоящего исследования, молодые специалисты оставляют педагогическую профессию в связи с характерной для них высокой социальной мобильностью, профессиональным становлением, отсутствием административной поддержки на первых этапах работы. На основе статистического анализа определено, что возрастная группа педагогических работников до 30 лет в меньшей степени чувствуют признание их труда со стороны администрации ($p = 0,05$), оценивая важность данного параметра на 5,9 и удовлетворенность им на 3,4 по шестибальной шкале.

Как показали результаты опроса педагогов сиротских учреждений, 50 % респондентов в возрасте до 30 лет и педагогическим стажем до 10 лет задумываются о том, чтобы сменить работу. Данная профессиональная группа характеризуется низким уровнем «устойчивости» по методике PsyCap, что говорит о том, что молодые педагоги не могут полностью восстановиться после неблагоприятных событий на работе и адаптироваться к ним для достижения высокой производительности. Так, высказывание «Я обычно преодолеваю стрессовые ситуации на работе без усилий» педагоги оценили на «3», т. е. «не совсем согласен».

Еще одним неблагоприятным показателем социального положения педагогов в возрасте до 30 лет в организационном контексте является их низкий уровень чувства «эффективности». Это свидетельствует о следующем. Респонденты испытывают такое чувство, что даже при направлении необходимых действий и мобилизации мотивационных ресурсов они смогут не выполнить конкретные задачи. В итоге такая убежденность будет порождать неуверенность в их способности участвовать в решении сложных проблем своих подопечных воспитанников. По мнению педагогов, они готовы сталкиваться и преодолевать такой профессиональный вызов, как плохое поведение детей, при условии, если будут знать, что администрация учреждения заботится о своих сотрудниках. Однако отсутствие административной поддержки педагога в сложной ситуации с подопечным приводит к демотивации и профессиональному истощению.

Из обобщенного эмпирического материала можно заключить, что в сложившихся условиях функционирования систем мотивации педагогических работников сиротских учреждений возникают проблемные ситуации, которые отражаются в организационном поведении сотрудников и оказывают влияние на их эффективность. Эмпирически определено, что предпочтение у педагогов работы в хорошем коллективе, наличие хобби на работе и альтруистический подход к труду с возрастом трансформируется в цель материального обогащения и окончательно закрепляется, снижается активность и инициативность педагогических работников. Данное положение отражает ситуация рангового распределения предпочтений «просто выполнять свою работу и не нагружать себя дополнительно», «избежать методической работы» «принять участие в управлении учреждением, при этом взять дополнительную ответственность» в возрастных группах 23–30, 31–40 лет и старше. Для педагогов преобладает второстепенная значимость таких мотивационных смыслов, как профессиональное обучение и повышение квалификации, познание, коллективный труд, обесценивание миссии сиротских учреждений.

Эти противоречия обуславливают необходимость исследования условий, влияющих на данный процесс. По мнению воспитателей, они бы смогли внести большой вклад там, где результаты материально стимулируются, оцениваются и практически применяются. Оценка труда воспитателя и его практическое приращение в контексте деятельности сиротских учреждений напрямую связана с чувством работы в «слаженном коллективе», что статистически подтверждается высоким уровнем корреляции ($r = 0.9$, $p = 0.01$) между двумя переменными.

Смысл «удовольствие от работы» сильно коррелирует со смыслом «справедливость и честность» ($r = 0.9$, $p = 0.01$) и смыслом «гармония с людьми и миром» ($r = 0.8$, $p = 0.01$). Чувство оценки труда воспитателя и его практическое применение связано с чувством работы в «слаженном коллективе» ($r = 0.9$, $p = 0.01$). Итак, можно сделать вывод о том, что на развитие трудовых отношений педагогических работников сиротских учреждений в организационном контексте может повлиять принцип справедливости и честности, взаимовыручки, административной поддержки, обратной связи о проделанной работе. При этом представляется необходимым исследовать степень удовлетворенности педагогов различными сторонами профессиональной деятельности, чтобы определить степень их социального благополучия, которая может отражаться на их трудовой активности.

По нашему мнению, ввиду слабой изученности особенностей трудовой мотивации рассматриваемой профессиональной группы исследование должно охватывать не только процессы, проходящие на организационном уровне, но и институциональные предпосылки их возникновения. Подобный анализ позволит наметить пути социального управления и разработать управленческие решения по регулированию процессов мотивации.

Заключение

Среди исследователей остается открытым вопрос о наиболее эффективных способах мотивации сотрудников. Большинство ученых (Ханушек, 1999; Осей-Менсах, 2005; Мюллер и др., 2009) определили, что системы мотивации побуждения, такие как выплата привлекательного вознаграждения, стимулирующие выплаты и предоставление социального пакета, — необходимые инструменты управления рабочей силой, которые должны применяться, чтобы активизировать, направлять или поддерживать необходимое трудовое поведение в организациях. Однако авторами настоящего исследования эмпирически определены проблемные стороны применения материального стимулирования в сиротских учреждениях, что говорит о необходимости детальной разработки данного управленческого инструмента. Сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что регулирование процессов материального стимулирования трудовой мотивации педагогических работников без сопровождения соответствующего социального механизма приводит к дестабилизации трудовых отношений.

В целом в ходе нашего исследования выявлены пробелы в совокупности знаний о трудовой мотивации педагогов сиротских учреждений. Определены факторы и причины снижения трудовой активности молодых педагогов в возрасте до 30 лет. Статистически определяется важная роль осознания сотрудниками сиротского учреждения общей миссии учреждения для развития трудовых отношений. При этом эмпирически установлена низкая степень удовлетворенности педагогами данным параметром. Эти различия говорят об отсутствии смыслового единства между сотрудниками сиротских учреждений и низкой приверженности к целям учреждения, что обуславливает необходимость детального анализа процесса трудовой мотивации данной профессиональной группы.

Литература

1. Панова Н. В. Влияние личностного потенциала педагога на профессиональную самореализацию // Актуальные психолого-педагогические проблемы подготовки специалиста: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Стерлитамак: Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зайнаб Биишевой, 2009. С. 130–138.

2. *Dolton P., Marcenaro-Gutierrez O. D.* If you pay peanuts do you get monkeys? A cross-country analysis of teacher pay and pupil performance // *Economic Policy*. 2011. Vol. 26. No. 55. P. 5–55.
3. Рейтинг стран мира по уровню образования [Электронный ресурс]. URL: <https://gt-market.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 10.06.2020).
4. *Luthans F., Avey J. B., Avolio B. J., Peterson S. J.* The development and resulting performance impact of positive psychological capital // *Human Resource Development Quarterly*. 2010. Vol. 21. No. 1. P. 41–67. DOI: [org/10.1002/hrdq.20034](https://doi.org/10.1002/hrdq.20034)
5. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // *Избранные произведения / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова*. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
6. Теория управления: учебник / под общ. ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. М.: Изд-во РАГС, 2008. 560 с.
7. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2011. 512 с.
8. Потемкин В. К. Управление персоналом: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2010. 432 с.
9. *Bennell P.* Teacher motivation and incentives in sub-saharan Africa and Asia. Brighton: Knowledge and skills for development, 2004.
10. *Claeys L.* Teacher motivation to teach and to remain teaching culturally and linguistically diverse students. Texas: The University of Teaxas at San Antonio, 2011.
11. Захарова Л. Н. Психологическая подготовка педагога: монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского у-та, 1993. 214 с.
12. *Lavy V.* Performance pay and teachers' effort, productivity and grading ethics. Hebrew Univ., Royal Holloway Univ. of London. August 2008.
13. Ахтырский А. А. Трудовая мотивация педагогического персонала: сравнительные исследования // *Социология и право*. 2019. № 1 (43). С. 55–64.
14. Бакурадзе А. Б. Мотивация труда педагогов. М.: Сентябрь, 2005. 192 с.
15. *Hongying S.* Literature review of teacher job satisfaction // *Chinese Education & Society*. 2007. Vol. 40. P. 11–16.
16. *Judge T., Kammeyer-Mueller J.* Job attitudes. *Annual Review of Psychology*. 2012. Vol. 63. P. 341–367.
17. *Dolton P. J., Van der Klaauw W.* The turnover of teachers: a competing risks explanation // *Review of Economics and Statistics*. 1999. Vol. 81. No. 3. P. 543–550.
18. Магун В. С. Динамика трудовых ценностей экономически активного населения России, 1991–2004. Препринт WP3/2006/09. М.: ИД Высшей школы экономики, 2006. 40 с.
19. Магун В. С., Руднев М. Г. Базовые ценности–2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринт WP6/2010/03. М.: ИД Высшей школы экономики, 2010. 52 с.
20. Потемкин В. К., Михайлов С. Г. Молодежь. Общественная среда. Православие: информационно-аналитический обзор. СПб.: Инфо-Да, 2011. 200 с.
21. Российская повседневность в условиях кризиса / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.
22. Потемкин В. К. Качество управленческого труда: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. 243 с.
23. Ахиезер А. С. Циклизм ценностных основ российской власти: от Ивана IV до конца советского этапа // *Россия и современный мир*. 2003. № 3. С. 30–43.
24. *Johnson S. M., Berg J. H., Donaldson M. L.* Who stays in teaching and why: A review of the literature on teacher retention. The Project on the next generation of teachers. Boston: Harvard Graduate School of Education, 2005.
25. *Lambert R., McCarthy C.* (eds.). Understanding teacher stress in an age of accountability. Greenwich, CT: Age Publishing, 2006.
26. *Agezo K. C.* Why teachers leave teaching: The case of pre-tertiary institutions in Ghana // *International journal of education reform*. 2010. Vol. 19. No. 1. P. 51–52.
27. *Aloe A., Shisler S., Norris B., Nickerson A., Rinker T.* A multivariate meta-analysis of student misbehavior and teacher burnout // *Educational Research Review*. 2014. Vol. 12. P. 30–44.

28. *Claeys L.* Teacher motivation to teach and to remain teaching culturally and linguistically diverse students. Texas: The University of Teaxas at San Antonio, 2010.
29. *Bennell P., Akyeampong K.* Teacher motivation in Sub-Saharan Africa and South Asia. Department For International Development, 2007.
30. *Williams J., Forgasz H.* The motivations of career change students in teacher education Asia-Pacific // *Journal of Teacher Education*. 2009. Vol. 37. No. 1. P. 95–108.
31. Грязнова О. С., Магун В. С. Базовые ценности российских и европейских учителей // *Социологический журнал*. 2011. № 1. С. 53–73.
32. *Ядов В. А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. 376 с.

П. А. Савченко

Понятие социального капитала у П. Бурдьё: трудности в интерпретации

***P. A. Savchenko. The Concept of Social Capital in the Works of P. Bourdieu:
Interpretation Issues***

В статье предпринимается попытка обозначить место работ П. Бурдьё в литературе по теории социального капитала. Автор приходит к выводу о том, что попытки встроить теорию П. Бурдьё в литературу по теории социального капитала, предпринимаемые в первую очередь в американской социологии, имеют неоднозначные теоретические основания. Рассмотрены причины, по которым рецепция трудов П. Бурдьё могла сложиться именно таким образом. Выделены три основных причины: 1) избирательное прочтение другими авторами; 2) запутанный порядок выхода работ на английском; 3) место выхода, а именно конкретные издания, в которых работы были изначально опубликованы.

Ключевые слова: социальный капитал, проблемы интерпретации, рецепция Бурдьё, теория социального капитала в американской социологии, мейнстрим социологической теории.

Контактные данные: 191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд; (911) 723-90-69; e-mail: st065251@student.spbu.ru.

This article is an attempt to indicate a place that works of P. Bourdieu occupy in the current literature on the social capital theory. The main conclusion is that attempts to integrate P. Bourdieu into the current social capital theory literature mostly initiated by American sociologists are questionable in terms of their theoretical grounds. Reasons for such a reception are analysed. Three main reasons listed are: 1) selective reading on the side other authors; 2) puzzling order of publications in English; 3) particular journals and/or edited volumes in which the works of Bourdieu were initially published in English.

Keywords: social capital, problems of interpretation, Bourdieu's reception, social capital theory in American sociology, mainstream sociological theory.

Contact Details: Smol'nogo Str. 1/3, the 9th entrance, St. Petersburg, Russian Federation, 191124; (911) 723-90-69; e-mail: st065251@student.spbu.ru.

Понятие социального капитала, получившее в последние два десятилетия широкое распространение в литературе, не было изобретено П. Бурдьё. Однако, благодаря ему, о социальном капитале узнали практически все (по крайней мере, в европейской социологии).

Тем не менее сегодняшнее использование категории социального капитала вышло далеко за пределы бурдианской социологии. В настоящее время социальный капитал активно задействуется вне связи с прочими формами капитала и иными важными для Бурдьё теоретическими положениями. Более того, в англоязычной литературе сформировалось устойчивое выражение “social capital theory”, т. е. социальный капитал теперь (особенно в США) претендует на то, чтобы вокруг него образовалась целая теория. Если так, то возникает ряд вопросов. В частности, на каком основании она будет строиться или уже построена? Какое

Павел Александрович Савченко — аспирант кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

© Савченко П. А., 2020

место в ней может занять Бурдьё, если его в принципе можно поместить в подобный контекст? В связи с этим отметим, что цель данной статьи — проанализировать, каким образом теоретическое наследие Бурдьё используется авторами работ о теории социального капитала сегодня.

Теория капиталов Бурдьё, кажется, хорошо известна большинству социологов, хотя бы в переводе на русский или английский, но без краткого изложения ключевых ее аспектов в статье не обойтись. Капитал (вернее, разные формы капиталов) не существуют у Бурдьё сами по себе в социальном «вакууме». Они интегрированы в общую теоретическую схему Бурдьё, которую он представлял в виде простого уравнения: (габитус $\times$ капитал) + поле = практики [1, р. 101]. Простота эта, очевидно, лишь кажущаяся, потому что искать строгий математический смысл не стоит. Капитал не умножается буквально на габитус.

В данном случае Бурдьё имеет в виду невозможность рассмотрения одного в отрыве от другого. Габитус служит порождающей логикой, но не определяет полностью позицию актора в поле. От габитуса во многом зависит первоначальное накопление капиталов, которое начинается еще до того, как актор вступает в «игру». Для этого Бурдьё делил габитус на первичный и вторичный [2, р. 13], поскольку место рождения, социальное положение родителей и множество других характеристик уже оказывают влияние на формирование капиталов задолго до того, как актор начинает предпринимать для этого какие-либо самостоятельные усилия. Таким образом, нет собственно габитуса и собственно капиталов. Вернее, в отрыве друг от друга их рассмотрение малоосмысленно.

Необходимо рассматривать составной элемент «габитус-капитал» как единое целое. Аналогично «произведение» капитала на габитус не суммируется с полем. В действительности речь идет о напряжении, существующем между полем и составным элементом «габитус-капитал». Поле оказывает свое структурирующее воздействие. Ставки, правила игры и интересы внутри поля предзаданы, они сложились в результате предыдущих взаимодействий. При этом акторы имеют определенную свободу действий внутри поля, что может привести к корректировке правил, ставок и тому подобного в результате изменившегося соотношения сил.

Поле — своеобразная площадка взаимодействия, которая, однако, имеет важные для происходящей внутри «игры» свойства. Невозможно действовать внутри поля, игнорируя его. Вернее, поле и не даст вам себя игнорировать. Подобно тому, как команды «Формулы-1» подбирают резину под погоду и состояние асфальта или техники в биатлоне подбирают смазку под условия на трассе, акторы внутри поля должны считаться с его основополагающими свойствами, правилами и установками. Наконец, производство практик не является сутью и смыслом всего происходящего, но практики — продукт напряжения, существующего между полем и габитусом-капиталом. Практика — не просто действие и не только социальное действие в веберовском смысле. Да, практика направлена вовне, на другого, но практика — импровизация актора, возможная внутри того или иного поля исходя из его позиции в нем, локализованная в пространстве и времени. Практика обусловлена одновременно балансом сил внутри поля, положением актора в поле и габитусом актора. Итак, практика берет в расчет не только текущую ситуацию, но и историю взаимодействий (что можно сделать здесь и сейчас, что можно сделать вообще и что я могу сделать здесь и сейчас).

Ранее нами упомянуто о разных формах капиталов. Бурдьё выделял три основные формы: экономический, социальный и культурный [3]. Если в определении экономического капитала Бурдьё мало отходит от традиций экономической науки, то две другие формы требуют пояснения. Культурный капитал наиболее

сложен для понимания, поскольку имеет три состояния: инкорпорированное, институционализированное и объективированное. Инкорпорированное состояние — культурный капитал индивида, его знания, компетенции, манеры. Это то, что примерно мы могли бы назвать общим культурным уровнем человека. Именно поэтому сюда входят не только собственно знания, но и манеры. Недостаточно знать много об искусстве, нужно еще и уметь говорить о нем, понимать, где и с кем такие разговоры уместны и имеют смысл. Объективированное состояние — это совокупность материальных объектов культуры и науки (книги, картины, фильмы и т. д.), т. е. именно объекты культуры, которые, впрочем, не существуют в качестве таковых отдельно от акторов, которые создают и оценивают эти объекты.

Следовательно, стоимость картины или ценность книги не равна сумме затраченных на ее производство материалов и времени автора. Наконец, институционализированное состояние представляет собой формально выраженное признание культурного капитала индивида со стороны определенной организации (диплом об образовании, грамота, сертификат). В этом состоянии культурный капитал принадлежит одновременно и обладателю официального подтверждения, и выдающему это подтверждение. Вместе с тем такое состояние капитала связано и с объективированным состоянием. Например, награды фильму на фестивале, с одной стороны, подчеркивают свойства фильма, которые оценило жюри, но также выделяют и его создателей. Обе стороны (жюри и награждаемые) взаимно усиливают свой культурный капитал. Для фильма почетно получить «берлинского медведя», а высокий уровень картины подчеркивает уровень профессионализма жюри.

Третья форма, которая более всего нас интересует в контексте темы исследования, — социальный капитал, который по Бурдье «представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью [durable networks] более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала [collectively-owned capital], «репутации» [credential], позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [3, с. 66]. Очевидно, что признание, как и членство в группе, связано с габитусом и объемом прочих форм капитала, т. е. накопление социального капитала связано с определенными вложениями (в том числе, возможно, денежными). Как и в целом у Бурдье, в данном случае понятно, что ни одна форма капитала не существует вне связи с другой, разные формы существуют в постоянном переплетении и взаимодействии друг с другом. Позднее Бурдье обозначил в качестве еще одной формы символический капитал, который не является самостоятельной формой капитала. Символический капитал служит, скорее, чем-то вроде инструмента обмена для трех прочих форм капитала. Объем символического капитала зависит от признания и одобрения обладания другими формами, т. е. любой капитал, включая финансовый, может функционировать как символический капитал, если он опознается и признается важным акторами внутри поля.

В развернутой форме Бурдье опубликовал статью о формах капитала в 1983 г. на немецком, в 1986 г. она появилась в английском переводе. Но первые идеи заявлены на французском еще в 1980 г., и при этом Бурдье использовал термин «социальный капитал» [4; 5; 6]. Можно утверждать, что со второй половины 1980-х гг. у концепции социального капитала началась самостоятельная жизнь. Связана она была, однако, не только и не столько с именем Бурдье. Во всяком случае, так обстоят дела в американской социологии, где статус отца-основателя

теории социального капитала прочно закрепился за Дж. Коулманом, известным социологом образования и апологетом теории рационального выбора в социологии.

В своих работах по социальному капиталу [7; 8] Коулман не цитирует Бурдьё. Не известно, был ли он знаком с работами последнего, посвященными социальному капиталу, до того, как написать свою статью. С уверенностью можно говорить о том, что они встречались позднее, поскольку есть как минимум пример их совместной работы [9].

Коулман идет от американской традиции, как экономической, так и социологической, отталкиваясь во многом от идеи «укорененности» экономических действий М. Грановеттера. Коулман не дает точного определения социального капитала. Вместо этого он трактует социальный капитал как набор сущностей, являющихся частью социальной структуры, некий набор ресурсов, доступных, но не принадлежащих индивиду, которым он может воспользоваться для достижения какой-либо цели [8]. Помимо функции упрощения разного рода взаимодействий, Коулман отмечал и нормативно-санкционную роль социального капитала, его важность при обмене информацией, а также его важность в структурах взаимных обязательств, реципрокности и доверия. Эти функции социального капитала и должны прояснить суть понятия, «подобно тому, как концепция «стула» определяет некую совокупность физических объектов по их применению».

Вероятно, такое широкое толкование дало последующим авторам возможность вольготно обращаться с понятием социального капитала. От Коулмана логически идут две ветви литературы по социальному капиталу — исключительно социологическая, которую представляют, в частности, А. Портес и Н. Лин, и политологическая, которая известна нам по именам Р. Патнэма и Ф. Фукуямы. Если представители первой ветви признают важность теории Бурдьё, многократно ссылаясь на него в публикациях и давая обстоятельный разбор [10; 11], то политологическое крыло, если и упоминает Бурдьё, то лишь вскользь, в ряду прочих авторов, таких как Дж. Джейкобс или Г. Лури. Фукуяма, например, многократно обращается к социальному капиталу в известной работе о доверии [12], однако, не упоминает в ней Бурдьё. Даже в его специальном труде, посвященном социальному капиталу [13], нет ни одного упоминания о французском классике. Между тем даже ветвь, условно обозначенная нами как социологическая, провоцирует с построениями Бурдьё хитрый трюк. Представители этой ветви не просто помещают его в один ряд с другими авторами, писавшими о социальном капитале, а превращают его теорию о формах капиталов в вариант *теории* социального капитала. Если у Бурдьё социальный капитал — одна из форм, плотно переплетенных с прочими формами капиталов, и составляющая часть большого механизма социального воспроизводства, то у его англоязычных интерпретаторов теория лишается своего широкого контекста и встраивается (не сама по себе, а стараниями авторов) в американскую волну «социальных капиталистов». Тем самым Бурдьё стал частью некой генеалогии, следующей от де Токвиля к Патнэму через Дж. Джейкобс.

На вопрос о причинах такого рода рецепции анализируемой части наследия Бурдьё в американской социологии однозначных ответов нет, но можно выдвинуть несколько предположений. Конечно, не стоит демонизировать американских авторов. Бурдьё, что показано во многих современных исследованиях, не придумал самостоятельно понятие «социальный капитал». Оно известно как минимум с начала XX в., а идея возможности использования социальных связей для получения разного рода выгод не нова не то что для социологии, но даже и для здравого смысла. Тем не менее именно Бурдьё глубоко разработал и содержание понятия «социальный капитал», и целую теорию с несколькими взаимосвязанными

формами капиталов, которые не существуют сами по себе в неопределенном пространстве, а встроены в более общую социальную схему.

Вместе с тем американская традиция начала складываться еще до Бурдье. Можно, конечно, утверждать, что Бурдье начал разрабатывать идеи о роли разных капиталов уже в «Набросках теории практик» [14], где он свободно пользуется понятиями «культурный» и «символический» капитал, и даже периодически упоминает и собственно социальный, хоть и не дает в отношении него дополнительных объяснений. Впрочем, четкое определение и не обязательно, поскольку ход мысли Бурдье ясен: «Вот почему все [рыночные] стратегии крестьян направлены на минимизацию риска, который предполагается в силу непредсказуемости исхода, за счет трансформации обезличенных отношений коммерческих транзакций, у которых нет ни прошлого, ни будущего, в длящиеся отношения реципрокности: прибегая к услугам свидетелей, поручителей и посредников, они могут вновь и вновь устанавливать функциональный эквивалент традиционных отношений между сторонами сделки» [14, р. 186].

Может быть, эта очевидность не реальна, а проецируются нами, исходя из знания о том, что писал поздний Бурдье. Взглянуть на данную ситуацию глазами человека, не читавшего Бурдье, уже вряд ли получится. Англоязычный перевод «Набросков» вышел в 1977 г. (по ироничному совпадению в том же году, что и книга Лури), так что время для ознакомления у англоязычного читателя было, хотя бы в теории. Тем не менее мгновенного встраивания Бурдье в американскую социологию не случилось. Возможно, причиной послужило то, что у американцев уже существовала своя традиция. Полноценная теория отсутствовала, это были разрозненные куски разных сочинений, которые еще только предстояло связать в теорию. Сделать это, однако, на основе американских авторов было, вероятно, все же проще, чем пытаться подладить «неудобного» Бурдье, у которого за одним понятием тянулся еще целый концептуальный ворох.

Наверное, поэтому идеи Бурдье оказались в парадоксальной ситуации: не признать его влияние невозможно (если только речь не идет о работах Ф. Фукуямы, который успешно справился с задачей). Но и пытаться впрячь в одну телегу «коня и трепетную лань» через синтез теории Бурдье и работ о социальном капитале других авторов также было затруднительно. Полагаем, что могучее письмо Бурдье подмяло бы под себя все прочие построения. Не следует забывать о том, что Коулман, говоря о социальном капитале, в первую очередь, не отрицая возможности более широкого применения, интересовался его влиянием на образовательные успехи подростков. Грановеттер, ставший источником вдохновения для Коулмана, интересовался силой слабых связей преимущественно в контексте экономического взаимодействия. Проще говоря, никто из них не имел прицела на большую теорию или универсальное объяснение. Американские авторы взяли то, что ложилось в общую канву литературы по социальному капиталу и отбросили «ненужное».

Фрагментарное прочтение и избирательное применение находок Бурдье может быть связано и с тем, как Бурдье выходил по-английски. Л. Вакан [15] отмечает это в своем эссе о восприятии публикаций Бурдье в Америке. Англоязычные переводы выходили отдельными изданиями в разное время, часто с нарушением хронологического порядка выхода оригиналов, что периодически приводило к тому, что отдельные авторы заново «изобретали» Бурдье или пытались спорить с утверждениями, которые Бурдье давно отверг или оспорил в других книгах, не вышедших на английском. Если добавить к этому еще и витиеватость авторского стиля самого по себе, то картина выходит не самая радостная.

Помимо того, как и когда выходили работы Бурдьё по-английски, я бы еще обратил внимание на то, где они выходили. Изначальная короткая, на две страницы, публикация из *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, посвященная социальному капиталу, на английский переведена не была. Работа о формах капитала вышла изначально по-немецки, а на английском впервые появилась в справочнике по теории и исследованиям по социологии образования. Факт может показаться малозначительным, если не посмотреть на то, в каких работах эта статья цитировалась в первые пять–шесть лет (по данным *Google Scholar*). Несложно заметить, что, за вычетом работ Бурдьё и Л. Вакана (его ученика), на 80–90 % представлены статьи и монографии именно по социологии образования. Факт удивителен, но от этого не перестает быть правдивым.

Безусловно, позднее работу заметили (сегодня у нее почти 40 тыс. цитирований), но есть ощущение, что момент был упущен. Работу Коулмана с момента выхода по 1995 г. процитировали более 350 раз. Бурдьё же за период с 1986 по 1995 г. процитировали только 124 раза. Бросается в глаза и разнообразие тем и дисциплин, которые пожелали позаимствовать идею Коулмана. В частности, представлена экономика, криминалистика, демография, психология, менеджмент. Социальные ученые применяли его концепцию к изучению семьи, мигрантов, фирм. Возможно, американцы больше любят Коулмана или предпочитают читать авторов, чьим родным языком является английский. Предположение простое, но не очень изящное.

Важно вновь обратить внимание на место публикации, т. е. престижный до сих пор *American Journal of Sociology*. Даже не у самой выдающейся публикации средней известности автора в таком журнале шансов быть увиденной и прочитанной больше, чем у работы, опубликованной в каком-то сборнике, пусть и за авторством именитого академика. Понятно, однако, что Коулман по состоянию на 1988 г. был для американской социологии известным и уважаемым социальным исследователем, имеющим за плечами более 30 лет опыта академической работы. Не стоит утверждать, что у статьи Бурдьё не было шансов быть прочитанной, но силы явно были не равны: известный американский академик в ведущем общесоциологическом журнале против пусть и важного, но все же еще не имеющего однозначной репутации в американской литературе француза в узкопрофильной книге справочного характера.

Таким образом, Бурдьё, будучи помещенным в один ряд с прочими, оказался в американской традиции, скорее, одним из плеяды авторов, нежели важной фигурой. С уверенностью можно утверждать, что несмотря на неиссякающий поток цитирований, американскую литературу по социальному капиталу невозможно считать логическим развитием идей французского классика. Для авторов вроде Фукуямы [12] или Патнэма [16] социальный капитал — аналог клея или смазки для процессов в обществе. Да и Коулман во главу угла ставил те функции социального капитала, которые упрощали взаимодействие, улучшали ток информации, усиливали сплоченность. Капиталы у Бурдьё — это не клей, не лубрикант и не волшебная палочка. В его теории акторы используют наличный объем капиталов в процессе борьбы за переопределение позиции в поле, в конкурентном противостоянии лидеров и претендентов. У мейнстримных американских авторов социальный капитал сплачивает индивидов, организации, сообщества, а у Бурдьё он если и не разобщает, то точно способствует неослабевающему противостоянию.

Не станем утверждать, что авторы, сравнивающие определение социального капитала у Бурдьё и находящие сходства и различия между ним и другими авторами, писавшими о социальном капитале, от начала и до конца не правы. Разумеется, определение социального капитала у Бурдьё таково, что точки со-

прикосновения с кем-то из многочисленных авторов найдутся. Бурдьё выделяет социальный капитал как отдельную форму капитала. Но один этот факт не дает возможности отделить его не только от теории социального воспроизводства Бурдьё вообще, но даже и от теории капиталов в отдельности. Для Бурдьё нет отдельно существующего социального капитала, как и нет отдельно существующих, висящих «в воздухе» капиталов. Всякий актор располагает некой суммой капиталов, привязанной к габитусу. Можно взять и оторвать от всего этого социальный капитал, но в таком случае мы разбираем уже не теорию Бурдьё, а какие-то собственные соображения о его теории, имеющие к первоисточнику лишь опосредованное отношение.

В данной статье нами не поставлена цель показать принципиальную невозможность использования теоретического наследия П. Бурдьё в исследованиях (практических и теоретических) по социальному капиталу. Однако важным было обозначить проблемные точки, делающие механическое включение Бурдьё в общий ряд теоретиков социального капитала затруднительным, несмотря на такой соблазн, отчасти обусловленный общностью терминологии. Хочется надеяться, что прояснение этих проблемных точек позволит авторам в будущем избежать затруднений и противоречий в собственных работах.

Литература

1. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge & Kegan Paul, 1984. 613 p.
2. *Walther M.* Repatriation to France and Germany: A Comparative Study Based on Bourdieu's Theory of Practice. Wiesbaden: Springer Gabler, 2014. 328 p.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
4. *Bourdieu P.* Le capital social // Actes de la Recherche en Sciences Sociales. 1980. Vol. 31. No. 1. P. 2–3.
5. *Bourdieu P.* Ökonomisches Kapital, Kulturelles Kapital, Soziales Kapital // In Soziale Ungleichheiten / R. Kreckel (ed.). Goettingen: Otto Schartz & Co, 1983. P. 183–198.
6. *Bourdieu P.* The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. Richardson (ed.). New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
7. *Coleman J. S.* The Creation and Destruction of Social Capital: Implications for the Law // Notre Dame Journal of Ethics & Public Policy. 1987. Vol. 3. No. 3. P. 375–404.
8. *Coleman J. S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95–S120.
9. Social Theory for a Changing Society / S. Coleman, P. Bourdieu (eds.). Boulder, Oxford: Westview Press, 1991. 389 p.
10. *Lin N.* Social Capital: A theory of Social Structure and Action Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2001. 281 p.
11. *Portes A.* The two Meanings of Social Capital // Sociological forum. 2000. Vol. 15. No. 1. P. 1–12.
12. *Fukuyama F.* Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity. London: Penguin Books Ltd, 1995. 457 p.
13. *Fukuyama F.* Social Capital (The Tanner Lectures on Human Values). Salt Lake City: University of Utah Press, 1997. 484 p.
14. *Bourdieu P.* Outline of a Theory of Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 248 p.
15. *Wacquant L. J.* Bourdieu in America: Notes on the Transatlantic Importation of Social Theory // Bourdieu: Critical Perspectives / C. Calhoun, E. LiPuma, M. Postone (eds.). Cambridge: Polity Press, 1993. P. 235–262.
16. *Putnam R. D.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon and Schuster, 2001. 541 p.

Д. А. Ильичев, М. С. Кармановский, Е. В. Косьяненко

Преступное сообщество (преступная организация): теория и практика применения статьи 210 Уголовного кодекса РФ

*D. A. Il'ichev, M. S. Karmanovskiy, E. V. Kos'yanenko. Criminal Association
(Criminal Organization): Theory and Practice of Application*

В статье дан анализ понятия преступного сообщества (преступной организации), представленного в ч. 4. ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), а также в практике применения ст. 210 УК РФ. Неблагоприятные тенденции в динамике привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества и участие в нем на всех ее этапах (от регистрации преступления до назначения наказания) обусловлены недостатками юридической техники при конструировании законодателем данной формы соучастия. Согласно уголовному закону преступное сообщество может быть в форме структурированной организованной группы. Между тем этимология понятий «организованная группа» и «структурированная организованная группа» свидетельствует об их тождественности. Противоречия в формулировке цели преступного сообщества вызывают обоснованную критику теоретиков и существенно сужают допустимые законом виды преступной деятельности.

The article is devoted to the analysis of the concept of criminal association (criminal organization) set out in part 4 article 35 of the Criminal Code, as well as the practice of applying article 210 of the Criminal Code. Adverse trends in the pattern of criminal prosecution for the organization of a criminal association and participation in it at all stages (from the registration of a crime to the imposition of a penalty) are due to shortcomings in the legal technique when the legislator designs this form of complicity. Under criminal law, a criminal association may be in the form of a structured organized group. Meanwhile, the etymology of the concepts of organized group and structured organized group attests to their identity. Contradictions in the formulation of the purpose of a criminal association cause reasonable criticism of theorists and significantly narrow the types of criminal activities permitted by law.

Дмитрий Анатольевич Ильичев — начальник Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Хабаровскому краю, генерал-майор полиции.

Михаил Сергеевич Кармановский — доцент кафедры правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Алтайского института экономики — филиала Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук.

Елена Валерьевна Косьяненко — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

© Ильичев Д. А., Кармановский М. С., Косьяненко Е. В., 2020

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, структурированная организованная группа, объединение организованных групп, тяжкие и особо тяжкие преступления, финансовая и иная материальная выгода.

Контактные данные: Д. А. Ильичев: 680000, г. Хабаровск, Уссурийский бульвар, д. 2; (4212) 38-10-06; e-mail: mvd27@mvd.gov.ru | М. С. Кармановский: 656011, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 106е; (3852) 36-10-20; e-mail: karmanovskys@yandex.ru | Е. В. Косьяненко: 656008, Алтайский край, г. Барнаул, Партизанская ул., д. 187; (3852) 50-42-59; e-mail: gertelev@yandex.ru.

Keywords: criminal association, criminal organization, structured organized group, association of organized groups, commission of serious or particularly serious crimes, obtaining directly or indirectly financial or other material benefit.

Contact Details: D. A. Il'ichev: Ussuriyskiy Blv 2, Khabarovsk, 680000, Russian Federation; (4212) 38-10-06; e-mail: mvd27@mvd.gov.ru | M. S. Karmanovskiy: Lenin Ave 106e, Barnaul, Altai Krai, Russian Federation, 656011; (3852) 36-10-20; e-mail: karmanovskys@yandex.ru | E. V. Kos'yanenko: Partizanskaya Str. 187; Barnaul, Altai Krai, Russian Federation, 656008; (3852) 50-42-59; e-mail: gertelev@yandex.ru.

Преступное сообщество как форма организованной преступности имеет многовековую историю [1, с. 5]. Прообразом современного понятия данной преступной деятельности можно назвать шайку [2, с. 751]. Являясь самым сложным с точки зрения закона объединением лиц, оно имеет максимальную общественную вредность и представляет собой одну из существенных угроз государственной и общественной безопасности нашей страны.

Современное понимание преступного сообщества законодателем сформулировано лишь в 2009 г. [3]. Между тем анализ применения нормы правоохранительными и судебными органами позволяет выявить некоторые тенденции. Так, за прошедшие 10 лет количество регистрируемых преступлений по ст. 210 УК РФ возросло, о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 1, указывающие на рост с 2012 по 2015 г. и в 2018 г. Удельный вес дел, направленных в суд, составил в среднем лишь 64,3 %. Среди выявленных лиц осужден только каждый четвертый (в 2010 г. — каждый третий, в 2018 г. — каждый седьмой). Большая часть дел на предварительном следствии прекращена за отсутствием события или состава преступления. В 2019 г. по данному основанию прекращено 29 уголовных дел. Всего пятеро оправданы по ст. 210 УК РФ в первом полугодии 2019 г.

Представленные для подтверждения неблагоприятной тенденции данные, а также не отраженные нами в таблице 1 ввиду отсутствия в этом необходимости говорят о том, что практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества и участие в нем на всех ее этапах (от регистрации преступления до назначения наказания) не утешительна. Причин тому много. Остановимся лишь на недостатках юридической техники при конструировании законодателем данной формы соучастия.

Согласно формулировке, изложенной в ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступное сообщество (преступная организация) представлено в двух формах: а) структурированная организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений; б) объединение организованных групп, созданных в этих же целях. В обеих формах центральным понятием является организованная группа. Граница же между организованной группой и преступным сообществом проходит в зависимости от специфичных признаков: а) структурированности (речь идет о первой его форме) или объединения организованных групп (при второй форме); б) наличия специальной цели — совместного совершения одного или нескольких

Таблица 1

Динамика статистических показателей по ст. 210 УК РФ с 2010 по 2019 г. [4; 5]

Год	Зареги- ровано пре- ступлений	Уголовные дела, направленные в суд с обвинительным заключением	Удельный вес из числа заре- гистрирован- ных престу- плений, %	Кол-во выяв- ленных лиц, совершив- ших престу- пление	Кол-во осуж- денных	Удельный вес из числа выявленных лиц, %
2010	172	147	85,46	613	190	30,99
2011	172	110	63,95	534	232	43,45
2012	202	114	56,44	482	203	42,11
2013	251	135	53,78	637	98	15,38
2014	255	180	70,59	789	165	20,91
2015	285	155	54,39	901	219	24,3
2016	252	171	67,86	909	166	18,26
2017	198	149	75,25	919	156	16,97
2018	274	159	58,03	1 070	149	13,92
2019	269	178	66,17	1 069	–	–
Итого:	2 330	1 498	64,3	7 923	–	–

тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

В качестве примера первой формы преступной организации можно привести приговор Алтайского краевого суда г. Барнаула от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-1/2017. В нем отмечается, что М. А. Чкадуа, являясь «вором в законе» и находясь в ИК-3 УФСИН России по Алтайскому краю, решил создать преступное сообщество. Для этого в качестве непосредственного руководителя он назначил Ш. К. Хатамова, который должен был действовать в роли организатора от имени М. А. Чкадуа. Они договорились, что Ш. К. Хатамов по собственному усмотрению и с одобрения М. А. Чкадуа определит руководителей двух структурных подразделений в составе создаваемой преступной организации, а также подберет в состав двух организованных преступных групп членов, исходя из личностных качеств и способностей каждого из них.

Осуществляя задуманное, Ш. К. Хатамов предложил А. П. Масникову и Н. Ю. Аргунову стать членами создаваемой преступной организации в качестве руководителей, входивших в ее состав двух структурных подразделений. Члены одного подразделения, т. е. группы, организованной под руководством А. П. Масникова, должны были заниматься совершением тяжких и особо тяжких преступлений против собственности и, таким образом, ориентироваться на прямое получение финансовой и иной материальной выгоды. Члены другого подразделения под руководством Н. Ю. Аргунова должны были осуществлять физическое прикрытие членов преступного сообщества, обеспечивать их безопасность, в том числе и от иных лиц уголовно-криминальной направленности, состоящих в противоборствующих преступных группировках, а также оказывать силовую поддержку в необходимых случаях при совершении членами организации тяжких и особо тяжких преступлений против собственности. Далее каждый из них, реализуя план на создание преступного сообщества, собрал в свои структурные объединения лиц. Всего в состав преступного сообщества вместе с его руководителем вошли 16 человек.

Членами созданного М. А. Чкадуа и Ш. К. Хатамовым преступного сообщества (преступной организации) с 26 февраля 2013 г. по май 2014 г. совершено девять вымогательств и покушение на убийство. После исполнения очередного преступления корыстной или корыстно-насильственной направленности, как было условлено между руководителями преступной организации, а также руководителями входивших в ее состав двух преступных групп, Ш. К. Хатамов, а также А. П. Масников с ведома и согласия последнего осуществляли распределение полученных денежных средств между членами группы по собственному усмотрению, в том числе направляя часть из них на повседневные нужды преступной организации [6].

Как отмечает, Е. С. Воронина, исследуя признак структурированности в контексте минимального количества членов преступных подразделений, исходим из наличия не менее четырех человек (поскольку каждое из структурных подразделений должно состоять не менее чем из двух человек с учетом того, что руководитель (организатор) одного из этих подразделений является одновременно и организатором (руководителем) всего объединения). В то же время численность состава преступной организации с учетом того, что руководство указанным объединением осуществляет лицо, не входящее ни в одну из самостоятельно действующих организованных групп, не может составлять менее пяти человек [7, с. 51]. В приведенном нами примере в два подразделения структурированной организованной группы входили 14 человек, которыми руководили два лица — М. А. Чкадуа и Ш. К. Хатамов.

Другим примером преступной организации с наличием структурных подразделений может послужить приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 17 мая 2019 г. по делу № 1-252/2018. В нем отмечается, что неизвестные лица организовали внутри преступного сообщества (преступной организации) три структурных функционально обособленных подразделения (подгруппы), имеющих четкую структуру и стабильный состав, а также руководителей, действующих согласованно между собой и с руководителем сообщества в целом. Каждому структурному подразделению преступного сообщества отводилась конкретная роль в преступной деятельности.

Так, на руководителей и участников структурных подразделений преступного сообщества (преступной организации) Р. А. Гогичаева, З. В. Елошвили, Г. Т. Абросимова, а также неустановленных лиц возлагались преступные обязанности по осуществлению контроля за деятельностью рабочих при производстве немаркированной алкогольной продукции, по розливу алкогольной продукции из бочек в бутылки, наклейке этикеток, акцизных марок, закрытию крышек, упаковке продукции по коробкам и ее складированию, осуществлению контроля за качеством производимой продукции, подготовке фиктивных документов на поставку немаркированной алкогольной продукции, подысканию работников на производство, организации их приезда, проживания и питания в месте производства продукции, осуществлению поставки тары, крышек, этикеток, коробок на производство, осуществлению отгрузки готовой продукции и оказанию сопровождения автомобилей при перевозке немаркированной алкогольной продукции, координации перевозки, решению проблем, возникающих при перевозке немаркированной алкогольной продукции, продаже немаркированной алкогольной продукции.

Второе структурное подразделение преступного сообщества отвечало за сбыт изготовленной алкогольной продукции. Третье структурное подразделение обеспечивало охрану и безопасность работников на объектах незаконного производства алкогольной продукции, а также занималось передачей должностным лицам

правоохранительных органов от имени руководителей и участников сообщества денежных средств (взяток) за незаконное бездействие и невыявление факта совершаемого преступления.

Каждое из указанных структурных подразделений являлось обособленной организованной группой, возглавляемой членами преступного сообщества, устойчивым преступным образованием, объединенным общей целью существования. При этом участники организованной группы осознавали, что являются одним из структурных подразделений преступного сообщества (преступной организации), созданного и руководимого неустановленными лицами, имели общее понимание целей и задач функционирования преступного сообщества (преступной организации) и свою принадлежность к нему.

В приговоре указано, что каждое подразделение состояло более чем из двух лиц, имело руководителя (руководителей). Члены первого структурного подразделения преступного сообщества Р. А. Гогичаев, З. В. Елошвили, Г. Т. Абросимов признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210 УК РФ, п.п. «а, б» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ, ч. 5 ст. 291 УК РФ, ч. 4 ст. 327.1 УК РФ, а также в совершении семи преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 180 УК РФ [8].

Итак, по мнению законодателя, структурированная организованная группа как форма преступного сообщества отличается от организованной группы наличием не менее двух структурных подразделений в своем составе, которые имеют разную специализацию: одни совершают преступления (вымогательства, производство немаркированной алкогольной продукции, торговлю оружием, наркотическими средствами и др.), их деятельность направлена на прямое получение финансовой и иной материальной выгоды, другие выполняют обеспечивающие функции (физическое прикрытие, охрану и безопасность, в том числе объектов, где осуществлялась незаконная деятельность).

Вместе с тем комитет по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству в заключении к проекту Федерального закона № 250820-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» указал, что одним из признаков преступного сообщества (преступной организации) является то, что это — структурированная организованная группа. Однако организованная группа как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений, также может представлять собой какую-либо структуру [9]. Аналогичную мысль высказал Л. М. Прокументов, утверждая, что структурная определенность группы — один из важнейших признаков понятия «устойчивость», которое является конституирующим признаком организованной группы [10, с. 140–141].

Действительно, под структурой в словаре Т. Ф. Ефремовой понимается взаиморасположение и связь составных частей, элементов чего-либо, строение, устройство, организация. Под устойчивостью понимается не поддающийся, не подверженный изменениям и колебаниям, способный противостоять и вернуться в исходное положение [11]. Следовательно, эти два понятия одного порядка, только устойчивость характеризует внешнее состояние, а структурированность — внутреннюю связь.

В связи с изложенным констатируем, что организованная группа и структурированная организованная группа — тождественные понятия. Об этом же свидетельствует и судебная практика. Так, действия А. А. Азина, Е. С. Стрюковой, Е. С. Кузнецова наряду со сбытом наркотических средств были квалифицированы по ч. 2 ст. 210 УК РФ. Суд в мотивировочной части отметил, что само по

себе распределение функциональных обязанностей не свидетельствует с бесспорной достоверностью о создании соответствующих структурных подразделений и указывает лишь на распределение ролей между участниками организованной группы... Поскольку описание признаков преступного сообщества в части совпадает с признаками организованной группы, в составе которой подсудимые совершили инкриминируемые им преступления по сбыту наркотиков, суд исключает у А. А. Азина, Е. С. Стрюковой и Е. С. Кузнецова из объема обвинения преступление, описанное по ч. 2 ст. 210 УК РФ, как излишне вмененное.

Вместе с тем в судебном заседании установлено, что данная группа лиц действовала в соответствии с заранее определенной схемой совершения преступлений, направленной на извлечение преступного дохода, в течение длительного времени, группа имела правила безопасности, дисциплины и меры ответственности низовых участников данной группы перед вышестоящими. Участники организованной группы использовали средства мобильной связи, компьютерной и иной электронной техники как средства совершения преступления (функционирование программы-бота, использование фотохостингов, т. е. сервисов для размещения фотографий в сети Интернет и т. д.). Избранный неустановленными лицами способ организации преступной деятельности гарантировал высокую степень конспирации ее участников — общение посредством переписки в сети Интернет с использованием неперсонифицированных учетных записей либо содержащих недостоверные сведения об их пользователях, гарантировал постоянство участников преступной группы и их взаимозаменяемость. Между участниками группы имели место распределение ролей («оператор», «закладчик» и других), возможность продвижения в иерархии организованной группы по мере роста доверия неустановленных лиц к низовому звену «закладчиков». В этой связи суд считает доказанным наличие квалифицирующего признака совершения преступлений «организованной группой» [12].

Вторую разновидность преступного сообщества (преступной организации) законодатель называет объединением организованных групп. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» отмечается, что объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, совместное выполнение иных действий, связанных с функционированием такого объединения [13].

Анализ первой и второй форм преступного сообщества показывает, что их разница кроется в способе образования. Если структурированная организованная группа создается такой изначально или становится в процессе осуществления совместной преступной деятельности, то объединение организованных групп предполагает существование до определенного периода времени разрозненных между собой организованных групп, но затем слившихся в одно целое, с целью совместного совершения преступлений [10, с. 141]. Причем их сращивание обусловлено не просто намерением совершить одно-два преступления вместе, а соединением в одну преступную организацию под единым руководством, что свидетельствует о качественно ином образовании.

Примером объединения организованных групп может служить приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 24 февраля 2015 г. по делу № 1-72/2015 в отношении М. А. Андреевой, осужденной наряду со сбытом наркотических средств за участие в преступном сообществе. Отмечается, что лицо 1, в отношении

которого уголовное дело выделено в отдельное производство, создало устойчивую организованную группу, в состав которой вошла проживающая с ним в гражданском браке М. А. Андреева. Деятельность организованной группы была связана со сбытом наркотических средств и их аналогов. М. А. Андреева незаконно хранила наркотические средства и их аналоги, занималась их фасовкой, а также непосредственным сбытом покупателям с использованием глобальной сети Интернет. В этот же период создана и другая организованная группа под руководством лица 2, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство. Данная группа также занималась сбытом наркотических средств и их аналогов.

Как указано в приговоре, в ходе осуществления преступной деятельности лицом 1 стало известно о существовании действующей на территории г. Саратова другой организованной группы, также распространяющей наркотические средства, руководителем которой было лицо 2. Осознавая масштабность возможной преступной деятельности и финансовой выгоды, лицо 1 предложило руководителю другой организованной группы объединиться под его руководством, пообещав регулярно выдавать крупные денежные вознаграждения. Руководитель второй организованной группы, не имея на момент середины декабря 2013 г. источников поступления наркотических средств и их аналогов, на предложение лица 1, ответил согласием. После объединения двух организованных групп в преступное сообщество первая организованная группа стала заниматься приобретением наркотических средств и их аналогов, осуществлением межрегиональных транспортных перевозок этих средств, обеспечением и контролем безопасности перевозимых наркотических средств и их аналогов, и лиц, их перевозивших, а также их дальнейшим незаконным хранением в помещениях квартир, которые в целях конспирации арендовались по договору найма. Вторая организованная группа под руководством лица 2 осуществляла незаконные сбыты наркотических средств и их аналогов. Руководителем двух организованных групп выступило первое лицо [14].

Согласно закону и организованная структурированная группа, и объединение организованных групп действуют под единым руководством, образуются в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Именно специальная цель, по мнению законодателя, отличает преступное сообщество от иных форм соучастия, в частности от организованной группы, целью которой является совершение одного или нескольких преступлений. Чтобы признать лиц членами преступного сообщества, члены структурированной организованной группы или объединения организованных групп должны сплотиться не просто в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (цель № 1), но и для получения в результате совершения этих преступлений прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (цель № 2).

На парадоксы данной формулировки указывали многие авторы [7, с. 63; 15, с. 36]. Так, В. С. Комиссаров, А. П. Кузнецов, Ю. И. Сучков утверждали, что в случае прерванности подготовки некоторых особо тяжких преступлений (ст. 281, 317 УК РФ) ответственность по ст. 210 УК РФ наступает со ссылкой на ст. 30 УК РФ, поскольку корыстная цель не является содержанием многих опасных преступлений, что противоречит ч. 5 ст. 35 УК РФ, где сам факт организации и руководства преступной деятельностью уже признается оконченным преступлением [16, с. 196]. Л. М. Прокументов в связи с этим пишет: «Введение признака направленности на совершение тяжких или особо тяжких преступлений не может являться серьезным отличием от организованной группы, поскольку последняя

также может создаваться для совершения таких преступлений... А как быть в случаях совершения организованной сплоченной группой преступлений, не относимых Уголовным кодексом РФ к категории тяжких или особо тяжких? Можно ли привлекать в таких случаях участников преступного сообщества к ответственности вообще? Очевидно, что нельзя. Но это же полный абсурд» [10, с. 139].

В связи с отмеченными противоречиями в законодательной формулировке цели преступного сообщества (преступной организации) считаем, что указание на характер и степень опасности преступлений, а также их корыстную направленность является лишним и нуждается в исключении.

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что понятие преступного сообщества требует корректировки ввиду законодательного дефекта, допущенного при формулировании нормы, в частности путем исключения признаков структурированности организованной группы и цели совершения тяжкого и особо тяжкого преступления для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Под преступным сообществом (преступной организацией) следует понимать объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений.

Литература

1. *Виденькина Ж. В.* Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Кадников. М.: Юриспруденция, 2014. 136 с.
2. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. СПб.: Гос. тип., 1902. 823 с.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 5263.
4. Статистика и аналитика. Состояние преступности (архивные данные) [Электронный документ] // Министерство внутренних дел РФ: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 16.03.2020).
5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2010–2019 гг.: форма 10-а Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 16.03.2020).
6. Приговор Алтайского краевого суда от 26 апреля 2017 г. по делу № 2-1/2017 [Электронный ресурс] // Алтайский краевой суд: офиц. сайт. URL: <http://kraevoy.alt.sudrf.ru/> (дата обращения: 16.03.2020).
7. *Воронин С. Э., Воронина Е. С., Железняков А. М.* Организация преступного сообщества: уголовно-правовые и криминалистические аспекты: монография. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2015. 333 с.
8. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 17 мая 2019 г. по делу № 1-252/2018 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/po5IUzvmBtU1/> (дата обращения: 16.03.2020).
9. Заключение по проекту Федерального закона № 250820-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
10. *Прозументов Л. М.* Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 138–142.
11. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. М.: Русский язык, 2000. 2310 с.

12. Приговор Первомайского районного суда г. Кирова от 4 сентября 2019 г. по делу № 1-142/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Mh4NhKmVw3mn/> (дата обращения: 16.03.2020).
13. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.
14. Приговор Ленинского районного суда г. Саратова от 24 февраля 2015 г. по делу № 1-72/2015 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mxFgMt1NefUt/> (дата обращения: 16.03.2020).
15. Гапеев Д. Е. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты: монография. М.: ИИУ Московского государственного областного университета, 2018. 120 с.
16. Комиссаров В. С., Кузнецов А. П., Сучков Ю. И. Ответственность за деяния, совершаемые преступным сообществом (преступной организацией): проблемы и пути разрешения // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 194–200.

М. В. Рыбкина

Риски предпринимательской деятельности и их влияние на развитие трудовых отношений

M. V. Rybkina. Risks of Entrepreneurial Activity and Their Impact on the Development of Labor Relations

В статье анализируется понятие «риск» как экономическая, социальная и правовая категория. Автор определяет правовые границы данного понятия с точки зрения предпринимательской деятельности и выявляет их особенности. Рассмотрены правовые инструменты, позволяющие предпринимателям в условиях экономических кризисов особое внимание уделять рискам, связанным с заключением трудовых договоров с работниками. Сделан вывод о необходимости совершенствования системы внутреннего локального правового регулирования, прогнозирования ситуаций, при которых риск невыхода на работу по объективным обстоятельствам может привести к значительным убыткам. Определены границы социальной защиты работника и защиты различными средствами, которые доступны работодателю, в частности правовыми, экономическими и организационными.

Ключевые слова: риск, предпринимательский риск, трудовые отношения, работник, работодатель.

Контактные данные: 190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., д. 6/8; (812) 458-97-23; e-mail: marina-rybkina@mail.ru.

The article analyzes the concept of “risk” as an economic, social and legal category. The author defines the legal boundaries of this concept from the point of view of entrepreneurial activity and reveals their features. Legal instruments are also considered that allow entrepreneurs, in the conditions of economic crises, to pay special attention to the risks associated with the conclusion of employment contracts with employees. At the same time, a conclusion is drawn on the need to improve the system of internal local legal regulation, forecasting situations in which the risk of absenteeism due to objective circumstances can lead to significant losses. The boundaries of employee social protection and protection are determined by various means that are available to the employer, in particular legal, economic and organizational.

Keywords: risk, entrepreneurial risk, labor relations, employee, employer.

Contact Details: 7-Krasnoarmeyskaya Str. 6/8, St. Petersburg, 190005, Russian Federation; (812) 458-97-23; e-mail: marina-rybkina@mail.ru.

Понятие «риск» вошло в широкий оборот в России в связи с развитием системы страхования. Будучи в большей степени понятием, определяющим экономические механизмы, оно позволяет всем сторонам возникших, в частности, страховых правоотношений регулировать свои интересы.

С развитием страхования и формированием разных страховых продуктов перечень рисков, от которых возможно застраховаться, преумножался. Нельзя с исторической достоверностью и точностью установить, какие риски в страховании возникли первыми. Однако имущественная составляющая дает возможность

Марина Владимировна Рыбкина — профессор кафедры гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор юридических наук, профессор.

© Рыбкина М. В., 2020

определить их как часть страхового механизма, направленную на защиту экономических интересов прав собственников.

Наиболее интересным представляется определить сущностные характеристики понятия «риск», способные оказывать влияние не только на экономические инструменты, но и на право, общество и человека. Неразрывная связь экономической деятельности общества с правовой традицией и обычаем указывает на то, что только имущественные стимулы способны влиять на формирование правомерного поведения собственников и предпринимателей. Поэтому страхование является правовым механизмом, способным в большей степени надежно защитить и дать реальные гарантии на возможность получения такой защиты при возникновении негативных последствий, которые и принято называть рисками. Неслучайно одним из способов социальной защиты населения был выбран способ социального страхования, включающий в себя медицинское и пенсионное страхование.

Несмотря на имеющуюся социальную функцию указанного механизма в виде обязательного страхования в нем присутствует еще и добровольный элемент, который вбирает в себя все признаки страхования, основанного на гражданско-правовом регулировании. Крайне важно понять, что именно экономическая модель, включающая в себя сложные математические расчеты, позволяет «рisku» прогнозировать не только возможность наступления конкретных неблагоприятных обстоятельств, но и определить факторы и процессы, влияющие на возникновение таких обстоятельств, определить действия субъектов по минимизации возникновения таких факторов или процессов, что дает возможность минимизировать риски, а главное, имущественные потери при наступлении неблагоприятных ситуаций. Тем самым очевидна сущность понятия «риск» как экономической, правовой и социальной категории.

В экономике используется метод, названный как «управление рисками». В нем реализуются математические методы, определяются составляющие их социальные, экономические и организационные параметры, которые в дальнейшем влияют на возможность регулирования экономики без возникновения рисков либо их уменьшения. Собственно, этот процесс включен в прогнозирование, мониторинг или аудит. В частности, Федеральный закон «Об организации страхового дела в Российской Федерации» определяет страховой риск как предполагаемое событие, от которого производится страхование. М. И. Брагинский предлагает следующую формулировку страхового риска: «Событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками случайности и вероятности его наступления. Вероятность означает, прежде всего, возможность наступления соответствующего события. По этой причине за пределами риска находится случай, наступление которого абсолютно исключено. Например, страхование от пожара здания, которое к моменту заключения договора его страхования уже сгорело» [1, с. 511].

Термины «случайность» и «вероятность» взаимосвязаны. В частности, К. Г. Воблый полагает, что под «случайным» риском можно считать такое событие, «относительно которого мы не имеем достаточно полного знания, потому что некоторые сопутствующие ему обстоятельства неизвестны, или потому, что эти обстоятельства так сложны, что не поддаются нашему учету» [2, с. 15].

Относя «риск» к правовой категории, нельзя не обратиться к ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), где в третьем абзаце части 1 определено данное понятие предпринимательской деятельности: «Предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом,

продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке». Данная категория находит правовую регламентацию в некоторых статьях ГК РФ. В частности, понятие «риск» находит отражение в контексте ряда статей в следующих случаях:

- возникновения убытков, связанных с деятельностью юридического лица (ст. 82, 87, 96), или вследствие несоблюдения установленной процедуры (п. 2 ст. 19, ст. 20, п. 3 ст. 54, ст. 312, 1055);
- случайной гибели имущества (ст. 211, 344, 459, 595, 669, 705, 929) или предмета сделки (п. 4 ст. 179);
- существенного снижения стоимости предмета залога;
- существенного изменения обстоятельств, влияющих на изменение или расторжение договора, в том числе с участием предпринимателей;
- ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, и некоторые иные.

Таким образом, можно определить, что понятие «риск» не нашло легального определения в российском законодательстве.

Экономическая энциклопедия предлагает следующее определение понятия «риск»: «Опасность потери запланированной доходности проекта как за счет увеличения затрат проекта, так и за счет нереализации на практике прогноза получения выручки». При этом предлагается рассмотрение таких видов риска, как валютный, внутрифирменный, отраслевой, финансовый [3, с. 144].

Исходя из позиции автора О. А. Малютиной, «риск в предпринимательском праве — неотъемлемое свойство предпринимательских отношений, являющихся составными элементами предмета правового регулирования предпринимательского права ... совокупность событий и действий субъектов предпринимательского права в числе которых, наряду с достижением положительного результата, существуют возможности наступления неблагоприятных имущественных последствий» [3, с. 146].

Однако реалии нашего времени показывают, что на благоприятные и неблагоприятные имущественные последствия могут воздействовать такие события, которые порождают необходимость обратить внимание на работников хозяйствующего субъекта предпринимательской деятельности. В условиях пандемии как особого режима, схожего с режимом чрезвычайной ситуации, осуществление значительного количества видов предпринимательской деятельности в привычном ритме не представляется возможным. И для существования в будущем необходимо определить возможности дальнейшей деятельности, а также установить новые формы работы сотрудников.

Междисциплинарные научные работы об исследовании проблем предпринимательства и предпринимательского права, в которых в качестве рисков рассматривалась бы не только экономическая деятельность, но и обеспечительная деятельность сотрудников, работников по формированию устойчивой экономики предприятия, отсутствуют сегодня. Работы различных авторов посвящены в основном узкому изучению проблематики деятельности организаций, предприятий, таких как договорные, логистические, кадровые, экономические, налоговые. Но именно сложившаяся ситуация в мире показала первостепенное значение труда. При этом, на наш взгляд, высказанное выше замечание по поводу отсутствия межатраслевых исследований свидетельствует об узости научных взглядов, позиций и сложившейся объективной реальности. За исключением предприятий, где руководители позволили себе уйти от устоев, традиционно сложившихся в российской экономике, в частности, в менеджменте предприятия. Ошибочно считать, что внимательное отношение предпринимателя к труду своих работников не приводит к росту экономики предприятия.

Особенно важно помнить о том, что именно локальное правовое регулирование способно нормативно установить механизмы труда, позволяющие гибко реагировать на возможные негативные ситуации.

Тенденция, приводящая к возможности установления работодателем-предпринимателем различных форм труда, появилась недавно. Многие, что изменилось в Трудовом кодексе РФ, продиктовано стремительным ростом цифровизации экономики и глобальных процессов, которые позволяют России выходить на мировой трудовой рынок. Необходимо понять, насколько в настоящее время значим процесс принятия труда как социально-экономической категории, установленной законом и регламентируемой различными уровнями норм. Кроме того, стороны трудовых отношений должны учитывать свои интересы и риски наступления возможных негативных последствий от событий, не относящихся к жизни и здоровью работника, а сопряженных с некоторыми жизненными обстоятельствами, изменяющими форму труда.

Возникает вопрос о том, что включает в себя понятие «форма труда». Безусловно, это — компоненты, позволяющие работнику осуществлять трудовую функцию в том режиме, в котором он максимально может добиться необходимого результата. Форма труда порождает необходимость ее локального закрепления, а соответственно, должна быть обеспечена системой прав и гарантий. Основоплагающие гарантии устанавливаются государством, определяются сторонами договора и контролируются как сторонами, так и государством. Однако необходимо понимать, что в значительной степени государство не может гарантировать работнику что-то большее, чем определить стандарты труда, а также медицинское и пенсионное обеспечение. Последнее, относясь к социальному страхованию, устанавливается только в рамках допустимого финансирования и обязательного выполнения обязанности работодателя обеспечить выплатами в определенные фонды необходимых средств. Гарантии прав работников также нашли отражение в механизме защиты прав в случае их нарушения. Они являются определенными ограничениями, установленными государством и не допускающими незаконного поведения работодателя. Но зачастую работники соглашались на незаконные условия труда, что в дальнейшем приводит к невозможности их защиты.

Международный опыт регламентации трудовых отношений значительно раньше российского права указывает на возможность использования различных моделей форм занятости населения, т. е. форм труда. Понятие «занятость населения» включено в понятие «труд», поскольку является ее составной частью. Некоторая путаница возникает и при понимании сущности труда, статуса работника и понятия «работа». Если обратиться к известным источникам, в основном представляющим собой учебную литературу, то можно обратить внимание, что, рассматривая историю становления трудовых отношений, некоторые авторы не совсем корректно обращаются с понятием «работник», подменяя им иные понятия, такие как «рабочий», «служащий» и другие. Возникает вопрос о том, когда возникло с точки зрения историко-правового развития понятие «трудовой договор», а также субъекты трудового договора — работник и работодатель.

Безусловно, отвечая на него необходимо ориентироваться прежде всего на легальное, т. е. законное определение данных понятий. Значит, они возникли с момента закрепления в законе вместе со стандартами труда, к которым относятся в первую очередь принципы труда. В России это произошло после 1917 г., да и в развитом мировом экономическом сообществе движение за легальное закрепление стандартов труда стало происходить только после смены формаций в России. До этого времени складывались научные подходы, в дальнейшем сформулированные в нормах права.

Таким образом, можно сделать несколько очень важных выводов. Во-первых, чтобы мировое экономическое сообщество изменило взгляды на участие человека в труде, необходимы исторические события мирового масштаба, которые изменили бы не только геополитическую картину, но и повлияли на пересмотр различных стандартов, в том числе и в области труда. Во-вторых, трудовой договор в основе своей строится на интересе и волеизъявлении, что роднит его с гражданско-правовым договором. Однако выполнение установленных принципов и стандартов не дает возможности сторонам договариваться по своей воле обо всех составляющих трудовых отношений. В-третьих, трудовые отношения воспринимаются предпринимателями зачастую как некоторая правовая и экономическая обуза. Проще договориться на уровне гражданско-правовых отношений с сомнительным набором социальных гарантий, но выгодными условиями выплат, чем принимать работника по трудовому договору. Почему на данное обстоятельство необходимо обратить внимание? Поскольку оно напрямую связано с рисками.

Стороны трудовых отношений субъективно оценивают свои риски при формировании трудовых отношений, не ориентируясь стратегически и практически не обращая внимание на право и закон. Обратимся, например, к понятию «дистанционная работа». В соответствии со ст. 312.1 Трудового кодекса РФ «дистанционной работой» является выполнение определенных трудовым договором обязанностей вне местонахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стандартного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя. Но только при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе интернета». Дальнейшими нормами главы 49.1 Трудового кодекса РФ устанавливаются и вводятся нюансы, связанные с оформлением трудового договора и его особенностями, условиями трудового договора о дистанционной работе, режиме рабочего времени и времени отдыха, оформлением отдельных документов и особенностями расторжения трудового договора. Однако они не полной мере регламентируют правовое положение работника, выполняющего работу в такой форме, что указывает не только на необходимость скорейшего установления данных норм, но и беспорядочной правоприменительной практике. Вместе с тем закон дает возможность, используя локальное нормативное правовое регулирование, уменьшить ряд проблем и избавить от затяжных споров с участием и работника, и работодателя.

Итак, полагаем, что существующее законодательство и локальное нормативное правовое регулирование вполне может обеспечить сокращение рисков предпринимательской деятельности, связанных с трудовыми отношениями. Но необходимо принять их, учитывая индивидуальные особенности как работника, так и трудовой функции, которую он выполняет с учетом возможных ситуаций.

Литература

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 3. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. М.: Статут, 2003. 1053 с.
2. Воблый Г. К. Основы экономики страхования. М.: Изд. центр СО «Анkil», 1993. 227 с.
3. Малютина О. А. К вопросу об определении понятия «риск» в предпринимательском праве России // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 143–147.

Д. В. Бобров, А. А. Шурус, Ф. Ф. Фарисов

О междисциплинарном функционально-динамическом подходе к анализу политической системы современного общества

D. V. Bobrov, A. A. Shulus, F. F. Farisov. The Interdisciplinary Functional-Dynamic Approach to the Analysis of the Political System of Modern Society

В статье проанализированы подходы к исследованию политической системы общества (ПСО) в различных общественных науках. Обоснована перспективность междисциплинарного изучения ПСО на основе выделения нескольких подсистем с различными функциями. Дана характеристика основных функциональных подсистем ПСО: институциональной, нормативно-правовой, культурно-идеологической, функционально-технологической, информационно-коммуникативной.

Ключевые слова: политическая система общества (ПСО), междисциплинарный подход, функционально-динамический подход, институциональная подсистема ПСО, нормативно-правовая подсистема ПСО, культурно-идеологическая подсистема ПСО, функционально-технологическая подсистема ПСО, информационно-коммуникативная подсистема ПСО.

Контактные данные: Д. В. Бобров: 119606, Москва, Вернадского пр., д. 84; (916) 778-50-16, e-mail: soks361@gmail.ru | А. А. Шурус: 119330, Москва, Мосфильмовская ул., д. 35; (915) 087-40-98; e-mail: shulusalexey@gmail.com | Ф. Ф. Фарисов: 119192, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4; (926) 911-46-78; e-mail: farisov@mail.ru.

The authors analyze different approaches to the study of the political system of society (PSO) in various social sciences. The prospects of an interdisciplinary study of PSO based on the allocation of several subsystems with various functions are substantiated. The characteristic of various functional subsystems of the PSO is given, among them: institutional, regulatory, ideological, technological, communication subsystems.

Keywords: political system of society (PSS), interdisciplinary approach, functional-dynamic approach, institutional subsystem of the PSS, regulatory subsystem of the PSS, ideological subsystem of the PSS, technological subsystem of the PSS, communication subsystem of the PSS.

Contact Details: D. V. Bobrov: Vernadskogo Ave 84, Moscow, Russian Federation, 119606; (916) 778-50-16, e-mail: soks361@gmail.ru | A. A. Shulus: Mosfil'movskaya Str. 35, Moscow, Russian Federation, 119330; (915) 087-40-98; e-mail: shulusalexey@gmail.com | F. F. Farisov: Lomonosovskiy Ave 27/1, Moscow, Russian Federation, 119192; (926) 911-46-78; e-mail: farisov@mail.ru.

Дмитрий Викторович Бобров — доцент кафедры труда и социальной политики Института государственной службы и управления РАНХиГС, доцент кафедры менеджмента Института международных экономических связей (ИМЭС), кандидат экономических наук, доцент.

Алексей Алексеевич Шурус — доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Института международных экономических связей (ИМЭС), кандидат юридических наук.

Фарит Фарисович Фарисов — соискатель факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

© Бобров Д. В., Шурус А. А., Фарисов Ф. Ф., 2020

Научная категория «политическая система» используется в понятийном аппарате целого ряда общественных наук, прежде всего в политологии, социологии, юриспруденции и философии. Анализ различных подходов к ее определению целесообразно начать с представителей первой области знаний.

В различных отраслях политологии вопросы политической системы исследуются в конкретных ракурсах, что зафиксировано, в частности, в таком важном документе, как паспорт научных специальностей ВАК. К примеру, в специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» пункт 2 охватывает следующие вопросы: «Политическая система, ее структура. Функции политической системы. Типология политических систем». В смежной специальности 23.00.03 «Политическая культура и идеологии» в пункте 5 выделяется проблематика политической идеологии и политических систем (режимов).

В одном из источников, относящихся к фундаментальным изданиям, рассматриваемая категория трактуется как «система институтов (государственных учреждений, политических партий, общественных объединений) и норм, в рамках которой происходит политическая жизнь общества и осуществляется государственная власть. Характер политической системы общества зависит от его социально-экономических основ» [1, с. 254]. Согласно другому источнику, политическая система общества (ПСО) есть «система социальных институтов государственно-организованного общества, осуществляющих определенные политические функции; включает государство, партии, профсоюзы, организации и движения, преследующие политические цели» [2, с. 384].

В соответствии с еще одной позицией ПСО определяется как «сложная совокупность институциональных структур государства и общества, форм взаимодействия между ними, направленных на осуществление политической власти, управления, руководства, регулирования общественно-политических процессов. Основная функция демократической политической системы заключается в поддержании стабильности и порядка, имеющихся в обществе и государстве связей и отношений, базирующихся на законах, высокой политической и правовой культуре людей» [3, с. 329]. Обобщая все разнообразие политологических подходов, следует указать на следующие фундаментальные характеристики исследуемой категории в рамках данной науки: ПСО — это совокупность институтов, норм, принципов, функций, технологий в сфере организации и осуществления власти.

В социологии проблемы политической системы общества чаще всего исследуются в рамках научной специальности 22.00.05 «Политическая социология». В пункте 4 соответствующего паспорта ВАК отражено направление, посвященное сравнительным и историческим исследованиям политических систем в увязке с процессами формирования наций. Относительно определений искомой категории важно отметить, что во втором томе «Социологической энциклопедии» ПСО рассматривается как «конкретно-историческая форма взаимодействия субъектов политики и организации отношений между ними, властно упорядочивающая, оформляющая и заключающая в определенные границы политическую деятельность в обществе; аппарат управления и общие механизмы принятия политических решений; подсистема социальной системы» [4, с. 410–411].

Коллектив ученых под руководством академика РАН Г. В. Осипова определяет ПСО как систему отношений институтов и организаций, обеспечивающую поддержание власти и управление обществом [5, с. 249–250]. В свете вышеизложенного представляется, что специфика социологического подхода к политической системе общества заключается в трактовке этой категории как совокупности (подсистемы) общественных отношений между различными субъектами по поводу власти и управления общественной жизнедеятельностью.

Рассматриваемые вопросы исследуются и в рамках юриспруденции. Так, в специальности 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» содержание пункта 1.20 образуют вопросы места и роли государства в политической системе общества. В «Большом юридическом словаре» под редакцией профессора А. Я. Сухарева политическая система общества рассматривается в двух ракурсах — формальном и материальном. В первом случае ПСО есть «совокупность норм, устанавливающих конституционно-правовой статус государства как особого политического образования, политических партий, общественных и религиозных организаций и регулирующих взаимоотношения вышеперечисленных субъектов». Во втором случае ПСО трактуется как «совокупность государственных и общественных органов и организаций, с помощью которых осуществляется государственная (политическая) власть» [6, с. 542].

В «Юридической энциклопедии» под редакцией профессора Р. Л. Хачатурова политическая система определяется как «упорядоченная на основе права и иных социальных норм совокупность институтов (государственных органов, а также политических партий, движений, общественных организаций и т. п.), в рамках которой проходит политическая жизнь общества и осуществляется политическая власть» [7, с. 512].

В данном контексте можно сделать вывод о том, что особенности юридического подхода к исследованию ПСО заключаются в ее рассмотрении через призму правовых отношений и регулирующих их норм применительно к сфере осуществления государственной власти и связанного с этим взаимодействия государственного аппарата с партиями, движениями, объединениями граждан.

Относительно философии следует отметить, что в соответствующем классификаторе ВАК не содержится прямого упоминания о политической системе общества. Несмотря на это, представители данной науки также принимают участие в исследовании проблем ПСО, в частности, в рамках научной специальности 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки». Последняя специальность формально относится к политологии, вместе с тем она содержит масштабные формулировки заявленных исследовательских направлений. Очевидно, что это требует адекватного методологического инструментария, в том числе и из научного аппарата философской науки, как и происходит на практике. Философы разрабатывают соответствующую проблематику, о чем свидетельствуют, к примеру, выдержки из философских словарей. В соответствии с одним из определений, политическая система общества представляет собой «совокупность учреждений и организаций, деятельность которых носит политический характер. Она направлена на осуществление политических интересов классов, других социальных групп, а также национальных общностей» [8, с. 302].

В другом философском словаре ПСО фактически отождествляется с системой политических институтов государственно-организованного общества и включает в себя государственный аппарат, партии, профсоюзы, организации и движения, преследующие политические цели [9, с. 237].

С учетом вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Самобытность философского подхода к исследованию политической системы обусловлена характером философии как науки о наиболее общих законах окружающего мира, общества и познания. Очевидно, что в таком случае речь должна идти о выявлении наиболее фундаментальных закономерностей становления, функционирования и трансформации политических институтов, процессов, отношений.

Таковы принципиальные контуры специфического видения ПСО в различных общественных науках, обусловленные особенностями предмета и метода каждой

из них. Наряду с этим в современных условиях все более востребованы междисциплинарные подходы к ключевым вопросам современности, что находит отражение как в теоретических исследованиях, так и в рамках реализации практических проектов. Последнее является особенно важным в плане комплексного учета всех аспектов проблемы, пусть формально и относящихся к различным наукам.

Кратко характеризуя *междисциплинарность* как новую парадигму научного мышления и практического действия, необходимо отметить, что она получила распространение во второй половине XX — начале XXI в. Несмотря на широкое применение данного подхода, до сих пор продолжаются дискуссии по уточнению понимания его содержания. Так, в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» междисциплинарность определяется как «термин, выражающий интегративный характер современного этапа научного познания». По мнению Х. Якобса и Дж. Борланда, междисциплинарность — это «вид знания, включающий методологию и терминологию более чем одной научной дисциплины для рассмотрения определенной темы, проблемы или явления» [10].

Как следует из вышеизложенного, проблема междисциплинарности очень обширна и является предметом специальных исследований. С учетом небольшого объема настоящей статьи целесообразно ограничиться несколькими тезисами для обоснования необходимости использования этого метода, а именно: 1) в принципиальном плане вся совокупность накопленной научной информации может быть разделена на два больших класса — частичные (специализированные) и общие (совокупные) знания; 2) каждому из этих классов соответствует определенный исследовательский инструментарий — узкоспециализированный либо комплексный; 3) в современных условиях набирает силу междисциплинарный подход, имеющий своим результатом стирание барьеров между областями знаний, получение нового комплексного знания, интеграцию науки и практики.

В данном контексте представляется справедливой позиция профессора И. Д. Афанасенко, отмечающего, что рассматриваемый метод позволяет «использовать знания о предмете, накопленные разными науками; выйти на внутреннюю связь различных наук; более глубоко и полно понять изучаемые проблемы; увеличить широту научного кругозора и глубину познания; обнаружить новые рубежи процесса познания, которые с прежних позиций невидимы и недоступны изучению» [11, с. 173].

В контексте всего вышесказанного представляется вполне оправданным использование междисциплинарного подхода к изучению и практическому совершенствованию политической системы общества. Рассматриваемая методология, являясь по своей сути комплексным, системным подходом, применительно к проблеме ПСО предполагает, во-первых, выделение в ее рамках соответствующих подсистем/составляющих. В научной литературе зафиксированы подобные позиции. Так, П. А. Морозова указывает на такие компоненты (подсистемы) политической системы, как организационный (институциональный), регулятивный (нормативный), функциональный, идеологический [12, с. 128]. Иной подход к структурированию политической системы представлен в статье Н. Н. Бондаря, который констатирует: «В научной литературе, отечественной и зарубежной, нередко указываются четыре главные группы элементов политической системы: 1) политические институты (организации, учреждения); 2) политические отношения; 3) политические принципы и нормы; 4) политическое сознание и политическая культура» [13, с. 60].

Во-вторых, при междисциплинарном подходе политическая система общества рассматривается в динамике, процессе ее функционирования. К приме-

ру, И. А. Зосименко и И. И. Ахмедова подчеркивают, что «политическая система является социальной системой действия, потому что выполняет определенные функции... Таким образом, политическую систему целесообразно анализировать посредством деятельностного аспекта составляющих ее элементов» [14, с. 22].

Данную позицию развивает М. Ю. Зеленков, который обосновывает необходимость структурно-функционального подхода к анализу ПСО. В его трактовке последняя вбирает в себя следующие подсистемы: институциональную, коммуникативную, нормативную, идеологическую и культурную [15, с. 66]. Для указанного автора значимой является прежде всего институциональная составляющая, обеспечивающая целостность и стабильность политической системы общества в целом, определяя контуры остальных подсистем. При этом рассматриваемая подсистема охватывает комплекс институтов (учреждений, организаций), связанных с функционированием политической власти, которые делятся на три вида: собственно политические (государство, партии), несобственно политические (профсоюзы, молодежные, ветеранские, экологические и прочие движения) и неполитические (с незначительным политическим аспектом).

Идеологическая подсистема, по мнению цитируемого автора, охватывает совокупность идей, взглядов, представлений политических субъектов. Данная подсистема функционирует на теоретическом и эмпирическом уровнях. Третья — нормативная — подсистема представляет собой совокупность различных политико-правовых норм и других средств регулирования отношений политических субъектов. Ее образуют: правовые нормы (конституция, законы); нормы деятельности общественных организаций; устоявшиеся обычаи и традиции; этико-моральные нормы. Коммуникативная подсистема включает в себя комплекс отношений и форм взаимодействия между различными социальными группами (нациями, классами). Наконец, в рамках культурной подсистемы отражены существующие в обществе политические представления, совокупность ценностных ориентаций, стереотипы политического поведения [15, с. 67–68].

В порядке обобщения и развития охарактеризованных выше позиций необходимо прежде всего подчеркнуть правильность трактовки ПСО как сложной совокупности нескольких составляющих, которые находятся в сложном динамическом взаимодействии в процессе реализации их общественных задач. При подобном подходе рельефно проявляется различное функциональное предназначение образующих ПСО подсистем (к примеру, если государственные институты исследуемой системы нацелены на осуществление властных полномочий, то политическая культура призвана регулировать морально-нравственные вопросы политических отношений). Думается, что предложенный междисциплинарный подход к исследованию ПСО может быть назван *функционально-динамическим*.

Авторское видение структуры политической системы общества с краткой характеристикой каждой составляющей отражено на рисунке 1.

Итак, представляется возможным сделать вывод о плодотворности исследования и совершенствования политической системы общества на принципах междисциплинарности. С точки зрения обоснованного в статье функционально-динамического подхода ПСО может быть определена как совокупность пяти подсистем, каждая из которых реализует специфический набор социально-политических функций в контексте осуществления власти в обществе и отношений как внутри политической системы, так и во взаимодействии последней с другими сферами общественной жизнедеятельности.

Рис. 1. Функционально-динамический подход к анализу политической системы общества

Литература

1. Краткий политический словарь / сост. и общ. ред. Л. А. О니кова, Н. В. Шишлина. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1983. 367 с.
2. Санжаревский И. И. Политическая наука. Словарь-справочник. М., 2010. 462 с.
3. Коновалов В. Н. Политология. Словарь. М.: РГУ, 2010. 392 с.
4. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 2 / науч. ред. В. Н. Иванов. М.: Мысль, 2003. 863 с.
5. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. М.: ИНФРА М — НОРМА, 1998. 488 с.
6. Большой юридический энциклопедический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А. Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2008. 858 с.
7. Энциклопедия юридическая в 15 т. Т. 10 (О-П) / под ред. Р. Л. Хачатурова. М.: ЛитРес, 2018. 741 с.
8. Лавриненко В. Н. Философия (словарь терминов). М.: Перспектива, 2007. 424 с.
9. Краткий философский словарь / сост. И. Н. Шкуратов. СПб.: Импульс, 2012. 360 с.
10. Лысак И. В. Междисциплинарность: преимущества и проблемы применения [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25376> (дата обращения: 25.03.2020).

11. Афанасенко И. Д. Междисциплинарность: способы и практика использования совокупного знания // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 1. С. 172–182.
12. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2010. 510 с.
13. Бондарь Н. Н. Политическая система: понятие, сущность, структура, функции // Общество и право. 2012. № 5 (42). С. 59–61.
14. Зосименко И. А., Ахмедова И. И. Структура политической системы современной России // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. № 4. С. 22–26.
15. Зеленков М. Ю. Политология (базовый курс). М.: Юридический институт МИИТа, 2009. 302 с.

Ж. П. Гунзынов

Сущность информационных Telegram-каналов как средства массовой информации (на примере Республики Бурятия)

***Zh. P. Gunzynov. The Essence of Information Telegram Channels as a Media
(for Example, the Republic of Buryatia)***

Telegram-каналы стали новым явлением в российском медиапространстве. Несмотря на запрет, мессенджер Telegram — один из самых популярных среди абонентов сотовых сетей в России. При этом он используется не только как средство общения, но и как источник новостей и другой информации. В статье рассматривается вопрос о возможности признания Telegram-каналов новой формой средств массовой информации (СМИ) в правовом и философском аспектах. В основе исследования лежит анализ действующего законодательства Российской Федерации (РФ) и научно-философских подходов к изучению средств массовой информации.

Ключевые слова: средства массовой информации, Telegram, подходы к изучению средств массовой информации, мобильные мессенджеры.

Контактные данные: 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а; (3012) 297-170; e-mail: gzzrl@yandex.ru.

Telegram channels have become a new phenomenon in the Russian mass media space. Despite the ban, Telegram messenger is one of the most popular cellular networks among subscribers in Russia. Moreover, it is used not only as a means of communication, but also as a source of news and other information. This article discusses the possibility of recognizing Telegram channels as a new form of media in legal and philosophical aspects. The research is based on an analysis of the current legislation of the Russian Federation and scientific and philosophical approaches to the researching of the media.

Keywords: mass media, Telegram, approaches to the study of the media, mobile messengers.

Contact Details: 24a Smolin Str., Ulan-Ude, The Republic of Buryatia, Russian Federation, 670000; (3012) 297-170; e-mail: gzzrl@yandex.ru.

К числу кардинальных изменений в медиапространстве последних лет по праву относится появление информационных каналов в мобильных мессенджерах. Наиболее популярные из них — WhatsApp, Viber, Telegram — позволяют распространять информацию среди широкого круга абонентов. Такие обстоятельства способствуют рассмотрению вопроса о возможности приравнивания некоторых информационных групп мобильных мессенджеров к средствам массовой информации. В рамках настоящей статьи особое внимание будет уделено информационным каналам в мессенджере Telegram. Это связано с рядом причин.

Во-первых, информационные каналы в Telegram являются одними из самых популярных источников новостей. Так, согласно данным Агентства социальных исследований Brand Analytics, на долю Telegram-каналов за 2019 г. приходится 56 % новостных цитирований [1]. Во-вторых, Telegram-каналы отличаются по

Жаргал Паламович Гунзынов — преподаватель кафедры теории истории права и государства Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова.

© Гунзынов Ж. П., 2020

своему функционалу от аналогичных каналов других мессенджеров. В частности, в них отсутствует система обратной связи, т. е. пользователи не могут оставлять свои сообщения в группах; новости могут публиковать только администраторы групп; администраторы групп и участники остаются анонимными, открытой является только информация об общем количестве абонентов, состоящих в группах. В-третьих, уникальная правовая ситуация, связанная с Telegram. С одной стороны, этот мессенджер запрещен на территории России на основании судебного решения, обусловленного поправками в Федеральный закон «О противодействии терроризму». Согласно этим поправкам, все операторы мобильных сетей должны хранить информацию о звонках и переписках своих абонентов. Администрация же Telegram заявила, что на их ресурсе это невозможно по техническим причинам из-за особенностей шифрования такой информации. Поэтому Роскомнадзор в судебном порядке добился блокировки мессенджера на территории РФ [2], что реализовать на практике оказалось невозможным.

Сегодня Telegram фактически доступен для скачивания и использования абонентами всех мобильных сетей России. Более того, он входит в тройку самых популярных мессенджеров в нашей стране, а ежедневное количество пользователей его информационных каналов превышает 4 млн человек [3].

Не является исключением и Республика Бурятия, где Telegram-каналы обретают популярность среди абонентов, достигая показателей аудитории популярных в регионе интернет-СМИ. В Республике Бурятия, по данным различных статистических агентств, лидерами среди информационных каналов, на которых публикуются общественно-политические новости в Telegram, являются «Степной дозор» и «Ньюбур». Так, согласно данным агентства «Telegram Analytics», у канала «Степной дозор» по состоянию на 13 января 2020 г. насчитывается 7 256 подписчиков, у «Ньюбур» — 3 936 подписчиков [4]. Остальные региональные Telegram-каналы обладают количеством подписчиков, не превышающим 500 абонентов.

Помимо количества подписчиков, особый интерес для исследования представляет и количество просмотров контента информационных Telegram-каналов. По нашему мнению, именно этот критерий отражает массовость публикуемой информации. Данные агентства «Telegram Analytics» показывают, что среднее количество просмотров в день на канале «Степной дозор» составляет 42,7 тыс., на канале «Ньюбур» — 15,2 тыс.

Указанные статистические данные свидетельствуют о том, что количество просмотров информационных Telegram-каналов может значительно превышать количество подписчиков на них. По ним же можно сделать и первый вывод о том, что Telegram-каналы обладают признаками средств массовой информации с точки зрения законодательства РФ ввиду следующих положений.

Согласно ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы [5]. Очевидно, что функционал мессенджера Telegram позволяет распространять информацию среди неограниченного круга лиц. В частности, в указанные выше Telegram-каналы «Степной дозор» и «Ньюбур» доступ не ограничен. Их можно найти через поиск в мессенджере и свободно читать ленту новостей. Таким образом, можно сделать вывод о том, что информация, публикуемая в Telegram-каналах, носит массовый характер.

Однако в остальном действующее законодательство слабо регулирует деятельность мобильных мессенджеров, оставляя открытым вопрос о приравнивании их информационных каналов, в том числе к средствам массовой информации.

Вместе с тем определение понятия «средство массовой информации», содержащееся в ст. 2 Закона о СМИ, указывает, что под ним понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием [5]. Конечная формулировка «...иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием» оставляет список видов СМИ открытым. Следовательно, остается возможность для признания средством массовой информации и Telegram-каналов.

Так, возникает вопрос о том, можно ли признать, что информационные Telegram-каналы являются новым видом средств массовой информации. Ответить на него можно, обратившись не только к законодательству, но и к концепциям медиакommunikаций, которые сложились в общественных науках.

Рассматривая социальный аспект природы Telegram-каналов, стоит вспомнить классическую модель социальной коммуникации, разработанную Г. Лассуэлом в 1930-е гг. Он выделял пять наиболее значимых элементов коммуникации:

- а) источник («Кто говорит?»);
- б) содержание информации («Что говорит?»);
- в) получатель («Кому говорит?»);
- г) с помощью чего сообщается информация («По какому каналу?»);
- д) последствия («С каким эффектом?») [6]. Ответы на поставленные вопросы позволяют получить представление о конкретном процессе коммуникации.

Не подвергается сомнению, что одним из способов социальной коммуникации считаются и средства массовой информации. В частности, рассматривая модель Г. Лассуэла, СМИ можно отнести к способу распространения информации. Подобного мнения придерживался и французский ученый Роже-Жерар Шварценберг, который выделял три основных канала передачи информации:

- а) СМИ;
- б) организации (политические партии, группы давления);
- в) неформальные контакты в примитивных обществах [7].

Приведенные выше сведения говорят о том, что как минимум для нескольких десятков тысяч пользователей мессенджера Telegram в Республике Бурятия информационные каналы внутри мессенджера являются одним из источников новостей, в первую очередь общественно-политической тематики. Рост популярности можно объяснить подачей информации в мессенджерах в виде короткого текста, зачастую с провокационным и даже скандальным заголовком. Стоит признать, что Telegram-каналы вносят свой вклад в формирование повестки дня в медиапространстве, нередко первыми сообщая аудитории новости. Следовательно, по нашему мнению, можно выявить и отдельные функции, которые Telegram-каналы начинают выполнять в медиапространстве региона.

Первая функция — информационная. В отличие от традиционных СМИ, в которых информация зачастую подается от третьего лица, в информационных каналах наблюдается смешение стандартных журналистских публикаций с обретшим большую популярность форматом блогов, когда высказывается субъективная оценка событиям от лица автора публикации.

Вторая функция — манипулятивная. Популярность Telegram-каналов, вкупе с анонимностью публикаций, позволяет затрагивать злободневные темы, при этом далеко не всегда имея доказательства достоверности таких публикаций. В частности, на каналах «Степной дозор» и «Ньюбур» к одной из самых популярных тем относится выявление фактов коррупции среди руководителей органов власти региона. Нередко такие публикации не имеют объективных подтверждений,

но способны в значительной степени сформировать негативный образ чиновников в глазах аудитории Telegram-каналов. В частности, мишенью для критики стали первый заместитель председателя Правительства Республики Бурятия Игорь Зураев, экс-мэр г. Улан-Удэ Александр Голков, главный военный прокурор России, ранее занимавший пост прокурора Республики Бурятия, Валерий Петров и другие.

Третья функция — лоббирование интересов отдельных групп. Например, во многих СМИ в ноябре 2019 г. передавалось сообщение о грядущих массовых протестах таксистов против агрегаторов такси, которые работают, по большей части, нелегально, а также против неофициальной поддержки таких агрегаторов со стороны ряда должностных лиц. При этом источником новостей были корпоративные Telegram-каналы таксистов [8]. Не остались в стороне и сентябрьские протестные акции 2019 года в г. Улан-Удэ, которые стихийно организовывались без предварительного уведомления органов местного самоуправления. О месте и времени проведения акций люди узнавали из социальных сетей, а также из Telegram-каналов [9].

На основе выявленных функций представляется возможным применить для определения сущности Telegram-каналов теорию «полей» Пьера Бурдьё. Французский ученый применял этот термин для характеристики сложносоставных социальных явлений. Особое внимание в своих трудах он уделял и средствам массовой информации. В представлении Бурдьё поле — это социальное пространство, которое конструируется специфическими социальными силами — капиталом. В качестве последнего могут выступать власть, финансы, общие цели и задачи. Непосредственных участников социальных пространств он именовал агентами. Говоря о средствах массовой информации, можно выделить в качестве таких агентов редакторов, владельцев массмедиа, среди институциональных агентов — редакции СМИ, издательства и т. д. Деятельность этих агентов посвящена производству «символической продукции», т. е. распространению массовой информации [10].

Возникает вопрос о том, можно ли назвать социальное пространство, в котором существуют Telegram-каналы, полем СМИ. На наш взгляд, ответ утвердительный. В частности, капиталом в Telegram-каналах выступают, по нашему мнению, следующие элементы:

1. Особый способ распространения информации (через смартфоны в форме сообщений в мессенджерах).
2. Особая форма связи между источником, посредником и получателем информации (кто фактически является источником и посредником, зачастую остается неизвестным для аудитории ввиду анонимности, которая обеспечивается функционалом мессенджеров).

При этом агентами, в отличие от традиционных СМИ, будут администраторы Telegram-каналов, спонсоры и, конечно, аудитория. Таким образом, можно заключить, что концепция полей П. Бурдьё позволяет раскрыть сущность Telegram-каналов как нового вида средств массовой информации, обладающего одновременно и спецификой. Специфика проявляется, во-первых, в отсутствии редакций в том виде, в каком они существуют у традиционных СМИ: с постоянным адресом местонахождения, внутренней организационной структурой (наличие главного редактора, журналистов и других специалистов), регистрацией в качестве СМИ и т. д.

Во-вторых, анонимность публикаций не позволяет установить их авторство. Что может негативно проявиться, в частности, в вопросах привлечения к ответственности авторов за распространение заведомо недостоверной информации,

порочающей честь и достоинство, деловую репутацию; за злоупотребление правами журналистов и свободой слова, за оскорбления в публичной среде и т. д.

В-третьих, деятельность Telegram-каналов как хозяйствующих субъектов также остается скрытой и не поддается какому-либо регулированию. В ленте каналов встречаются рекламные материалы, материалы, которые с большей долей вероятности публикуются на платной основе. При этом можно предположить, что такие оплаты проходят без заключения договоров, проведения банковских операций с учетом анонимности создателей Telegram-каналов. Следовательно, финансовые операции не поддаются налогообложению и относятся к теневому сектору экономики.

В заключение можно сделать вывод о том, что Telegram-каналы стали совершенно новым феноменом в российском медиапространстве. Их специфика требует дополнительного изучения, в том числе для разработки эффективного механизма правового регулирования, технических способов контроля их деятельности, наиболее эффективных методов использования популярности Telegram-каналов в целях реализации социально полезных проектов и различных направлений государственной политики.

Литература

1. Топ-платформы и 100 виральных русскоязычных медиаресурсов [Электронный ресурс] // Brand Analytics. 2019. 6 сентября. URL: <https://br-analytics.ru/blog/top-100-august-2019/> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Верховный суд отклонил жалобу Telegram по делу о блокировке [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2019. 1 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3872889> (дата обращения: 10.01.2020).
3. Исследование аудитории Телеграм [Электронный ресурс] // Telegram Analytics. URL: <https://tgstat.ru/research> (дата обращения: 10.01.2020).
4. Телеграм-каналы. Россия [Электронный ресурс] // Telegram Analytics. URL: <https://tgstat.ru/research> (дата обращения: 14.01.2020).
5. О средствах массовой информации: закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124. Справ.-правовая система «Консультант Плюс».
6. *Lasswell H. D.* The Structure and Function of Communication in Society // The communication of Ideas / in L. Bryson (ed.). New York: Harper and Row, 1948. P. 37–51.
7. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология. М.: Российская академия управления, 1992. 175 с.
8. Хотят порулить страной [Электронный ресурс] // Коллективный блог grb. URL: <https://blogrb.ru/news/236980> (дата обращения: 24.01.2020).
9. *Светлов А.* Протест в Улан-Удэ: главное [Электронный ресурс] // Babr24.com. 2019. 16 сентября. URL: <https://www.babr24.com/bur/?IDE=192932> (дата обращения: 24.01.2020).
10. *Бурдые П.* О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.

Р. Г. Калустов

Общественный порядок: понятие и содержание категории

R. G. Kalustov. Public Order: Concept and Category Content

В статье рассмотрен вопрос о возникновении и развитии понятия «общественный порядок», а также о существующих подходах к его толкованию. Исследуется история образования данной категории путем анализа нормативно-правовых актов. Данный метод позволяет проследить, как изменялось значение понятия общественного порядка, определить, как правильно понимать «общественный порядок» сегодня. При раскрытии сущности рассматриваемого понятия автором статьи обнаружена двусмысленность в понимании данной категории, в связи с чем определяется наиболее применимый в настоящее время подход для использования его на практике правоохранительными органами.

Ключевые слова: общество, право, общественный порядок, правопорядок, общественные отношения, общественная безопасность, общественное место.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-10; e-mail: r.kalustov@bk.ru.

The article discusses the emergence and development, as well as existing approaches to understanding the concept of “public order”. The history of the formation of this category is examined by analyzing regulatory legal acts. This method allows you to track the change in value and determine how to correctly understand the “public order” today. Revealing the concept, ambiguity arises in understanding this category, in connection with which the most applicable approach is currently determined for use in practice by law enforcement agencies.

Keywords: society, law, public order, law and order, public relations, public safety, public place.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 451-19-10; e-mail: r.kalustov@bk.ru.

Право, являясь универсальным регулятором поведения людей в обществе, представляющее собой единую совокупность норм поведения, должно быть организовано надлежащим образом без каких-либо внутренних противоречий [1]. Исследование вопросов, связанных с определением понятия, значения правовых норм в науке теории государства и права, всегда актуально. Кроме того, толкование понятия — важнейший элемент правоприменительной деятельности.

Правовая система Российской Федерации (РФ) в состоянии четко определить представления граждан о нормах поведения. Однако проблема должного восприятия нормативно-правовых актов заключается, прежде всего, в понимании права. Толкование юридических понятий и терминов — это самый сложный процесс, который не всегда имеет однозначный подход в понимании. Вместе с тем данный факт не свидетельствует о том, что у понятия не может быть определенного недвусмысленного значения.

Рафаэль Грантович Калустов — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Калустов Р. Г., 2020

«Общественный порядок» — одно из базовых, до конца не раскрытых понятий, которое неоднократно используется в Конституции РФ (п. «е» ч. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 132) [2]. В административном и уголовном законодательстве отражает норму поведения, за нарушения которой предусмотрены соответствующие санкции. Об охране общественного порядка речь идет и в ряде других нормативно-правовых актов, таких как Федеральный закон «О полиции». Согласно ст. 12 указанного закона прямой обязанностью, возложенной на полицию, является охрана общественного порядка [3]. Помимо полиции обеспечением охраны общественного порядка занимаются еще и такие структуры, как ведомственная охрана, судебные исполнители, пожарные, органы государственной безопасности и ряд других.

Кроме того, еще и в законодательстве СССР были отражены подобные нормы. Однако понятие «общественный порядок» не имеет четко обозначенных «границ», отсутствует единство в понимании дефиниции. Вследствие этого нормативно-правовые акты, содержащие данный термин, могут восприниматься в ненадлежащей форме. Конкретного ответа на вопрос о том, что же такое общественный порядок, от законодателя не поступает. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть динамику изменения смысловой нагрузки в историческом контексте и проанализировать нормы действующего законодательства.

В России продолжительное время до обозначения состояния «общественного порядка» фигурировало сходное по значению понятие «благочиние». Данное понятие вошло в обиход с XVII в. и обозначало состояние безопасности и порядка. Свое первое отражение оно нашло в «Наказе о градском благочинии» от 1649 г. [4, с. 164]. Основной задачей данного наказа являлось оберегание города «от пожаров и всякого воровства» путем дневных и ночных дежурств. Адресован же он был объезжим головам, решеточным приказчикам (уличная стража, отвечающая за порядок и за пожарную безопасность) и десятникам (воинская командирская должность).

Следует отметить, что до петровских реформ не существовало специализированных полицейских учреждений. Однако прослеживается некий аналог сегодняшней «патрульно-постовой службы», предназначенной для охраны общественного порядка и «пожарной охраны» в одном лице. При учреждении «полиции» Петром I в 1718 г. понятие «благочиние» продолжало употребляться. Более того, оно стало обозначать основную полицейскую функцию. При Екатерине II появился нормативно-правовой акт, который назывался «Устав благочиния» от 1782 г. [5, с. 342], регулировавший основные направления деятельности полиции. В него входили такие нарушения общественного порядка, как азартные игры, брань, пьянство, действия, направленные против богослужения, взяточничество и т. д.

Впервые понятие «общественный порядок» в российском законодательстве упоминается в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений», первое издание которого напечатано при Николае I в 1832 г. Общественному порядку в данном уставе посвящен целый раздел, состоящий из семи глав, под названием «О предупреждении и пресечении преступлений против общественного порядка и учреждений правительства».

Основная «идея» в тексте заключается в недопущении преступлений против государственного управления. Немало статей отведено цензуре. Глава четвертая частично соответствовала настоящему пониманию общественного порядка, то есть был конкретно установленный, закрепленный порядок поведения в общественных местах (данное понятие не употреблялось, но подразумевалось), за нарушение которого следовали определенные санкции. Но такой установленный «порядок поведения» отличался от настоящего. В указанной главе говорилось о запрещен-

ных «сходбищах» различного рода, например, для совещания, или если они нарушали общественную тишину и спокойствие, если их сочтут «подозрительными». Судя по данному разделу, понятие «общественный порядок» намного шире охватывало аспекты общественной жизни, в отличие от его современной смысловой нагрузки. Об этом свидетельствуют положения, закрепленные в главе шестой: «Полиция имеет попечение, чтобы молодые и младшие почитали старших и старых, чтоб дети повиновались родителям», а также ввиду того, что в данное время еще действовало крепостное право, порядок в обществе подразумевал подчинение «...слуги своим господам и хозяевам» [6, с. 320].

В 1881 г. «общественный порядок» как норма поведения упомянут в «Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» [7, с. 261]. Данные положения предназначались для расширения границ полномочий государственной власти при чрезвычайных ситуациях и гражданских волнениях. Положение принято вскоре после убийства Александра II, при этом оно носило временный характер, но действовало до Февральской революции 1917 г.

Основным законом государства с 1937 г. за Советом министров закреплена обязанность по охране общественного порядка. Впоследствии в Конституции 1977 г. появилась норма (ст. 65), обязывающая граждан «всемерно содействовать охране общественного порядка», но непосредственную работу в этом направлении осуществляла милиция, являясь частью аппарата советского государственного управления [8]. В советское и постсоветское время милиция претерпела большое количество реорганизаций. Тем не менее неизменными остались ее функции по охране общественного порядка и общественной безопасности и после реформы 2011 г.

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «общественный» понимается как «принадлежащий обществу, нечастный, коллективный», а «порядок» — «правильное, налаженное состояние», «правила, по которым совершается что-либо», «чтобы было, так как полагается». В толковании его значения присутствует вариант «в порядке вещей (так как должно быть)» [9]. Так или иначе из данных определений становится понятно, что «общественный порядок» — это некое налаженное, правильное и устоявшееся состояние, в котором пребывает общество.

Теория позитивного права подсказывает нам, что немаловажную роль в установлении значения понятия «общественный порядок» играет государство. Именно государство устанавливает допустимые модели поведения в обществе и имеет меры принудительного воздействия для их поддержания. Подобной точки зрения придерживался В. И. Ленин, который в своих сочинениях упоминал «порядок» эксплуататорского общества как «прием борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих», призванный укрепить власть господствующего класса [10, с. 321]. Таким образом, порядок в обществе будет изменяться в зависимости не столько от ориентиров населения, сколько от целей действующей власти.

«Общественный порядок» в современной юриспруденции, а именно в науке административного права, принято различать в широком и в узком смысле понимания (как обозначение определенного состояния). Под общественным порядком в широком смысле понимаются социальные отношения и связи, которые складываются при воздействии на них общественных норм поведения. Положения общей теории права включают в этот смысл всю систему общественных отношений, существующую в обществе [11, с. 6].

Важно не отождествлять понятие «общественный порядок» (в широком смысле его понимания) и «правопорядок», поскольку в первом случае понятие на-

много шире, и данное «состояние» появилось совместно с возникновением общества, оно включает в себя, помимо норм права, иные социальные нормы, такие как мораль, традиции, обычаи. «Правопорядок» является одной из составных частей общественного порядка, возникает с момента появления в общественной жизни прав, законов, публичной власти и выступает как результат реализации права [12, с. 532]. Еще одна отличительная черта — это мера обеспечения, которая при соблюдении «правопорядка» будет осуществляться при помощи государственного аппарата принуждения, в то время как общественный порядок может опираться на силу общественного мнения.

Рассматривая нормативно-правовые акты РФ под призмой понимания общественного порядка в широком смысле слова, можно выдвинуть тезис о том, что каждое правонарушение является нарушением общественного порядка, то есть «общественный порядок» может рассматриваться как объект любого правонарушения. Вместе с тем возникает множество противоречий. Если понимать «общественный порядок» в данном контексте (в широком смысле), то становится очевидным тот факт, что любой правонарушитель «автоматически» станет нарушителем общественного порядка, соответственно, исходя уже из особенностей состава правонарушения, данное лицо может быть привлечено к ответственности по одной из статей действующего законодательства, предусматривающих наказание за нарушение общественного порядка. На практике этого не происходит, так как существует еще понимание общественного порядка в узком смысле, которое подразумевается в нормативно-правовых актах, в уголовном или административном законодательстве.

Для «общественного порядка» в узком смысле слова будет характерно, как и в случае с «правопорядком», исключительно правовое регулирование, что делает эти понятия совпадающими по значению. Отличительная черта понимания в узком смысле наблюдается в наличии мест общественного значения, таких как улицы, парки, скверы, торговые центры, магазины, объекты транспорта и т. д. Общественное место не имеет и законодательной регламентации, но подразумевает фактическое или потенциальное нахождение людей на определенной территории. Такого мнения придерживался М. И. Еропкин, который относил общественные отношения к данной категории, если они возникали главным образом в общественных местах [13, с. 10].

В нормативно-правовых актах «общественный порядок» чаще всего встречается наряду с таким понятием, как «общественная безопасность», отличительная черта которого заключается в том, что «общественная безопасность» [14] как юридически закрепленная категория определяется состоянием защищенности жизненно важных интересов, как личных, общественных, так и государственных. Именно закон является основным источником правового регулирования отношений в области общественной безопасности. Однако оба понятия служат конкретизации сфер деятельности правоохранительных органов. Общественное спокойствие в большей степени будет зависеть от безопасности. Соблюдение норм поведения, закрепленных как в нормах права, так и в нормах морали, гарантирует «общественную безопасность» и представляет собой «общественный порядок», как его понимал П. Ф. Гришаев [15].

В российском законодательстве, кроме скупых норм о возможности административного задержания лиц, нарушивших общественный порядок, отсутствует законодательное регулирование основания и порядка задержания, а также условий содержания задержанных лиц и соблюдения при этом их конституционных прав. Ввиду данного обстоятельства умаление прав и свобод человека и гражданина может быть ограничено только на основании имеющегося федерального закона. Несмотря на это, до сих пор отсутствует федеральный закон об охране

общественного порядка, без законодательного регулирования остаются многие ситуации, в которые попадают российские граждане.

Необходим федеральный закон, который будет регулировать общественные отношения, возникающие при обеспечении общественного порядка. Важно понимать, что общественный порядок, как и любая другая закреплённая в законе норма, в первую очередь будет направлена на ограничение абсолютных свобод человека, поскольку абсолютная свобода предполагает отсутствие норм, правил и каких-либо ограничений. Известнейший английский мыслитель XVI в. Томас Гоббс под социальным благом понимал не что иное как общественный порядок. В его представлении ограничение абсолютных свобод человека является необходимым средством для достижения общественного мира, а абсолютная свобода человека, по Гоббсу, — это стремление к беспорядку и анархии [16].

Таким образом, смысловая нагрузка на данный термин в разных странах и в разное время будет отличаться, поскольку напрямую зависит от норм поведения, установленных в конкретном обществе и в конкретный промежуток времени. Применять абстрактные, устоявшиеся представления о значении понятия «общественный порядок» в широком смысле слова, конечно, допустимо. Однако прочные, длительные и устойчивые взаимоотношения людей в обществе может обеспечить только правовая норма.

Литература

1. Червонюк В. И. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2007. 704 с.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.
3. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 г.). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. I. 1649–1675 гг. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1074 с.
5. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. 3-е изд., М.: Юрист, 2004. 797 с.
6. Свод законов Российской империи. В 16 т. Т. 14. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1857. 909 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. I. СПб.: тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1885. 614 с.
8. Еропкин М. И. Сущность административной деятельности советской милиции // Труды Высшей школы МВД РСФСР. Вып. 5. 1961. С. 165–195.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М.: ООО «Издательство “Мир и Образование”»; ООО «Издательство Оникс», 2012. 1376 с.
10. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Полное собрание сочинений. Т. 25. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1969. 646 с.
11. Нечевина Н. Д. Милиция общественной безопасности и гражданское общество: организационный аспект: монография. М.: ВНИИ МВД России, 2003. 100 с.
12. Общая теория государства и права: академический курс. В 2 т. Т. 2. Теория права / отв. ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 2000. 640 с.
13. Еропкин М. И. Управление в области охраны общественного порядка. М.: Юрид. литература, 1965. 215 с.
14. О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.
15. Гришаев П. Ф. Преступления против общественной безопасности. М., 1959. 40 с.
16. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1964. 747 с.

Н. Е. Краснова

**Особенности процедуры привлечения
несовершеннолетних к административной
ответственности**

***N. E. Krasnova. Features of the Procedure for Bringing Minors
to Administrative Responsibility***

Статья посвящена актуальной теме привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. Сегодня проводится планомерная работа, направленная на снижение роста правонарушений и преступлений с участием несовершеннолетних, а также повышение эффективности предупреждения и профилактики их совершения. Проблемы, вытекающие из правонарушений несовершеннолетних, вызывают озабоченность у общества и государства. Обострилась и проблема привлечения к административной ответственности несовершеннолетних. Причина данной ситуации отражена в реформе действующего в стране законодательства, регламентирующего политику определения границ ответственности несовершеннолетних. Определенную роль играет и увеличение числа правонарушений, совершенных несовершеннолетними. В статье на основе формально-логического, технико-юридического методов, а также метода сравнительного анализа исследованы особенности привлечения несовершеннолетних к административной ответственности. Автором сделан вывод о том, что целесообразность применения административного наказания возникает, если лица признаны соответствующим органом виновными в совершении правонарушения и виновно совершают правонарушение. Личность и возраст выступают при этом в качестве самостоятельного основания применения мер административного наказания.

The topic discussed in the article is extremely relevant, since today systematic work is being carried out to reduce the growth of offenses and crimes of minors, as well as to increase the effectiveness of prevention and prevention of offenses committed by minors. The problems arising from juvenile delinquency are of particular concern to both society and the state, and the problem of administrative responsibility of minors has also worsened. The reason for this lies in the reform of the country's current legislation governing the policy of determining the boundaries of responsibility of minors, also plays a certain role and the real increase in offenses committed by minors. The aim of the work is to investigate the peculiarities of bringing minors to administrative responsibility. In the process of writing the work, the formal-logical method, the method of comparative analysis, as well as the technical-legal method were used. In the process of consideration of the above-mentioned topic, the author revealed the content of bringing minors to administrative responsibility, as well as the concept and conditions of bringing minors to administrative responsibility, investigated the age of a minor, determining his administrative and legal status, and also gave a characteristic of administrative responsibility applied to juvenile offenders. It was concluded that the expediency of administrative punishment arises when the persons recognized by the relevant authority guilty of committing an offense and guilty of committing an offense. The person and age enter thus as the independent basis of application of measures of administrative punishment.

Наталья Евгеньевна Краснова — аспирант кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Краснова Н. Е., 2020

Ключевые слова: несовершеннолетние, правонарушения, административная ответственность, возраст, административно-правовой статус.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-15; e-mail: krasnova-natasha@mail.ru.

Keywords: minors, offenses, administrative responsibility, age, administrative and legal status.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 451-19-15; e-mail: krasnova-natasha@mail.ru.

Административной ответственности несовершеннолетних присущи все признаки юридической ответственности. Специалисты-правоведы широко рассматривают проблемы административной ответственности. Действующее законодательство не включает в себя определение административной ответственности, но в ст. 3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — Кодекса) отмечено, что в качестве меры административной ответственности выступает административное наказание [1].

Согласно законодательству административная ответственность служит мерой реагирования на правонарушение с применением ряда соответствующих санкций [2]. Однако вопрос об опасности административных правонарушений сегодня представляется спорным. В частности, существуют мнения о том, что административные правонарушения характеризуются как общественно опасные. С точки зрения других исследователей, административный проступок к таковым не относится. Но общественной вредности и опасности административных правонарушений ученые не отрицают [3].

Еще одна позиция ученых основана на том, что административное правонарушение, несомненно, следует считать общественно опасным деянием, но имеющим меньшую, чем у преступления, степень общественной опасности. Однако прямого выражения вредности данных деяний в данном правонарушении нет, хотя оно и может повлечь наступление вредных последствий. Соответственно, вредность рассматриваемых противоправных деяний не будет при этом иметь прямого выражения.

Применительно к несовершеннолетним административная ответственность, с одной стороны, включает в себя ряд мер принуждения, с другой — процедура такой ответственности может быть инициирована только с учетом ряда факторов. Одним из них является возраст правонарушителя [4].

Административная ответственность несовершеннолетних структурно входит в общий институт административной ответственности и характеризуется наличием субъекта, объекта, субъективной стороны, объективной стороны, содержанием правового регулирования и процедурой производства. Все указанное подтверждено законодательно. Так, регулирование административной ответственности несовершеннолетних осуществляется посредством не только Кодекса РФ об административных правонарушениях, но и соответствующим федеральным законодательством [5; 6]. Многообразие нормативных актов в данной сфере порождает коллизийность рассматриваемой проблемы. Следовательно, для упорядочивания вопросов, связанных с административной ответственностью несовершеннолетних, основным нормативным актом в этой области целесообразно считать Кодекс РФ об административных правонарушениях.

Рассмотрим специфические особенности административной ответственности несовершеннолетних:

- ей свойствен меньший объем и уровень лишения или ограничения в правах и свободах;

- в ее рамках нельзя применять, например, административный арест;
- за ряд правонарушений несовершеннолетние к ответственности не привлекаются.

Процедура привлечения несовершеннолетних к административной ответственности следующая. В ст. 23.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях указано, что рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных лицами от шестнадцати до восемнадцати лет (в том числе дела, перечисленные в частях 1 и 2 ст. 23.1 Кодекса), комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КПДН и ЗП). Исключение составляют дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 11.18 Кодекса РФ об административных правонарушениях, и дела о правонарушениях в области дорожного движения. Такие дела КПДН и ЗП рассматривает, если дело передано на ее рассмотрение уполномоченным органом (должностным лицом) [7].

Сегодня существует ряд правовых сложностей, связанных с регламентацией деятельности КПДН и ЗП. В частности, до сих пор отсутствует специальный закон, регламентирующий ее деятельность. Действующий же Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» способствовал тому, что система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних утратила свою целостность, поскольку в указанном выше законе представлено большое количество субъектов профилактики, обязанных выполнять его требования.

В настоящее время существуют и проблемы, связанные с защищенностью несовершеннолетних, совершивших административное правонарушение, по причине пробелов в законодательстве. Так, отменено Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июня 1967 г. по причине принятия постановления Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995, которым утверждено Примерное положение о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав [8].

Указанный выше нормативный акт значительно сократил объем полномочий КПДН и ЗП, вследствие чего в ряде муниципальных органов власти при организации работы с несовершеннолетними правонарушителями используют только Кодекс РФ об административных правонарушениях. При этом механизм защиты прав детей отводится на второй план.

Рассмотрение дел КПДН и ЗП об административных правонарушениях несовершеннолетних ведется по месту жительства последних (ч. 3 ст. 29.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Административный арест к несовершеннолетним не применяется, соответственно, суду каждый раз необходимо осуществлять проверку наличия обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 3.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях, если рассматривается административное дело, санкцией статьи которого предусмотрено применение административного ареста [9].

На стадии возбуждения дела и фиксации совершения административного правонарушения, если его субъектами выступают несовершеннолетние, существуют свои особенности. Так, на первом этапе несовершеннолетний доставляется для составления протокола об административном правонарушении в специальные помещения органов государственной власти. Доставка оформляется отдельным протоколом. Этот факт также может быть указан после, в протоколе о совершении административного правонарушения или протоколе об административном задержании, если таковой составляется.

В обязательном порядке с момента, когда произошло административное задержание, к несовершеннолетнему правонарушителю в рамках ч. 4 ст. 25.5

Кодекса РФ об административных правонарушениях допускается защитник, услуги которого будут бесплатны. Несовершеннолетний имеет право на звонок родителям или законным представителям.

Несовершеннолетние правонарушители должны содержаться отдельно от взрослых. Возникают и ситуации, когда лицо, совершившее административное правонарушение, находится в возрасте менее 16 лет, соответственно, не может являться субъектом такого правонарушения. Кроме того, у виновного лица могут отсутствовать документы, при помощи которых возможна идентификация его личности и возраста, и другими способами получить данную информацию не представляется возможным. В этой связи несовершеннолетний может быть помещен в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ОВД на срок до 48 часов.

Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних состоят в следующем. Рассматривая дело в соответствии с гл. 29 Кодекса РФ об административных правонарушениях, КПДН и ЗП может своим решением удалить несовершеннолетнего на время обсуждения его дела, если посчитает, что обсуждение определенных аспектов дела может отрицательно сказаться на состоянии несовершеннолетнего (ч. 4 ст. 25.1 Кодекса) [10].

В ч. 5 ст. 25.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусмотрено, что при рассмотрении дела обязательно присутствие законного представителя несовершеннолетнего правонарушителя. В рамках Приказа МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» несовершеннолетние правонарушители подлежат постановке на профилактический учет, если они совершили правонарушение или принято решение применить к ним административное наказание. На несовершеннолетних, в отношении которых КПДН и ЗП вынесено постановление о привлечении к административной ответственности, заводят учетно-профилактические карточки.

Привлекая несовершеннолетних к административной ответственности, важно учитывать их психологию и физиологию, которая определена возрастными особенностями. Закрепляя возраст привлечения к административной ответственности, законодатель учитывал возрастное развитие подростков, так как именно возраст является критерием, предоставляющим возможность лицу выступить в качестве участника административных правоотношений, а также позволяет выявить его личностные характеристики.

В соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях определен возраст физических лиц, по достижении которого возможно наступление административной ответственности. Ввиду соответствующей правовой нормы к ответственности может быть привлечено лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста шестнадцати лет. Если лицо не достигло указанного возраста, то производство по делу об административном правонарушении исключается (п. 2 ч. 1 ст. 24.5 Кодекса). В данной ситуации будет формально признана ответственность родителей (законных представителей) за общественно вредные действия (бездействие), совершенные несовершеннолетним, основанием будет выступать именно факт отсутствия состава административного правонарушения [11].

Однако согласиться с этим сложно. В частности, если гражданин, не достигший 16 лет, появляется в общественном месте в состоянии опьянения, то ответственность его родителей (законных представителей) по ст. 20.22

Кодекса РФ об административных правонарушениях не наступает, поскольку он такого правонарушения не совершал. Однако ввиду указанных деяний, совершенных несовершеннолетним, они будут косвенно виновны в том, что не исполняют обязанности по содержанию и воспитанию такого несовершеннолетнего. И это может получить квалификацию по ст. 5.35 Кодекса РФ об административных правонарушениях как самостоятельно совершенное административное правонарушение.

Соответственно, целесообразным будет привлечение к административной ответственности лиц, которых соответствующий орган признает виновными в совершении административного правонарушения и которые виновно совершают административные проступки. Личность и возраст выступают в данном случае как самостоятельное основание для применения мер административного наказания (ч. 2 ст. 2.3 и ст. 4.1 настоящего Кодекса).

На современном этапе, чтобы привлечь несовершеннолетних к административной ответственности, необходимо наличие в его действиях признака общественной опасности, т. е. чтобы посредством противоправного деяния был бы нанесен вред или ущерб, нарушена какая-либо административно-правовая норма и присутствовала виновность в совершенных им противоправных деяниях. Все правонарушения совершаются умышленно или по неосторожности. Законодателем определено, что все лица, достигшие возраста 16 лет, в полном объеме должны осознавать, что совершенные ими деяния виновны и противоправны. Наказуемость деяния, выступающая ответной мерой за совершенное правонарушение, является признаком любого правонарушения. При привлечении несовершеннолетнего к административной ответственности необходимо учесть, что юридически состав административного правонарушения должен быть представлен четырьмя элементами административного правонарушения, такими как объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Соответственно, административная ответственность несовершеннолетних характеризуется целым рядом особенностей, обуславливающих необходимость их учета в правоприменении. Целесообразность применения административного наказания возникает, если лица признаны соответствующим органом виновными в совершении правонарушения и виновно совершают правонарушение. Личность и возраст выступают при этом в качестве самостоятельного основания применения мер административного наказания.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2019 г.) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
2. Обиденова Т. В. Правовое регулирование административной ответственности несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. 2012. № 6. С. 67–69.
3. Беженцев А. А. Административная ответственность несовершеннолетних: проблемы интерпретации и применения // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 1. С. 23–24.
4. Обиденов В. В. К вопросу о содержании обстоятельств, смягчающих административную ответственность, и их соотношение с обстоятельствами, связанными с освобождением от административной ответственности // Административное и муниципальное право. 2013. № 10. С. 965–975.
5. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД

- России от 15 октября 2013 г. № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2014. № 11.
7. Ратова А. А. Проблемы административной ответственности несовершеннолетних // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 2. С. 59–61.
 8. Максимов И. В. Административные наказания. М.: Норма, 2009. 464 с.
 9. Таибова О. Ю. Правовой статус комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав: проблемы и перспективы развития // Lex russica. 2015. № 1. С. 59–66.
 10. Студеникина М. С. Органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях: виды, критерии определения подведомственности // Административное право и процесс. 2015. № 6. С. 40–43.
 11. Ткачев В. Н. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и восстановительное правосудие: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 197 с.

В. В. Левин

Судебная система России: понятие и правовые особенности

***V. V. Levin. The Judicial System of the Russia:
Concept and Legal Features***

Статья посвящена описанию понятия «судебная система», связанного с государственной судебной ветвью власти. Кроме того, рассмотрены особенности практической реализации принципа разделения властей и независимости судебной власти. На основе анализа автор приходит к выводу о том, что правозащитники и юристы не могут оказать влияние на сложившуюся ситуацию в рамках деятельности судебной власти и что в настоящее время назрела острая необходимость реформирования судебной системы.

Ключевые слова: судебная система, государственная судебная власть, суд, судья, Конституция РФ.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (965) 009-15-08; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

The article is devoted to the description of the concept of the “Judicial System”, which is associated with the state judicial branch of government. In addition, the article discusses the features of the practical implementation of the principle of separation of powers and the independence of the judiciary. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that human rights defenders and lawyers cannot influence the situation within the framework of the judiciary and that there is an urgent need for reforming the judicial system.

Keywords: judicial system, state judicial power, court, judge, constitution.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44a, St. Petersburg, Russian Federation, 190103; (965) 009-15-08; e-mail: zxy.2014@mail.ru.

Рассматривая судебную систему и особенности данного института, исходя из анализа исследований, посвященных проблематике организации и деятельности судебного сообщества как основы судебной системы в Российской Федерации (РФ) [2], можно утверждать, что отечественную судебную систему целесообразно анализировать с точки зрения нескольких аспектов. В общепринятом толковании система обеспечивающая правосудие напрямую связана государственной судебной властью, которая учреждается в первую очередь Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» и в основе своей организации опирается на демократические принципы [30, с. 31; 31, с. 21]. В различных интерпретациях судебная система получает различные толкования. По одному определению — это совокупность судов, которые существуют в государстве [3]. В другом значении — это осуществляющие правосудие органы, которые в совокупной своей численности и составляют единую судебную систему [32, с. 68; 33]. Такое толкование судебной системы встречается в исследованиях на временном отрезке с периода дореволюционного ее развития и до этапа существования советского государства.

Исходя из понятий судебной системы, сложившихся в вышеуказанный исторически-временной период, современные исследователи-правоведы смогли обо-

Владимир Владимирович Левин — аспирант кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.
© Левин В. В., 2020

снова и выделить функциональные особенности, принципы и признаки судебной системы, подвиды судов, ее образующих, которые представляются как судебные органы объединенные совокупностью общих задач, схожих в основах строения и организационной деятельности, в зависимости от федеративного и административно-территориального устройства субъектов РФ, наделенные полномочиями государственной судебной власти в соответствии с порядком, который определяется и регламентируется Конституцией РФ и федеральным законодательством [2, с. 30–33; 14, с. 46; 19, с. 58–59]. Следовательно, только исключительно в соответствии с законодательством определенные государственные органы, имеют полномочия на специфическую государственно-властную деятельность — правосудие. Исходя из этого становится очевидным тот факт, что в России именно законом определяются суды, которые и образуют судебную систему нашей страны [13, с. 20–21]. В соответствии с ч. 2 ст. 4 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» ими являются федеральные суды, конституционные (уставные) суды и мировые судьи субъектов РФ, как показано на рисунке 1.

Совокупность судов, имеющих в сравнении друг с другом определенные функционально-организационные и исполнительно-процедурные отличия, дает основание утверждать, что разнообразие судов в России определяет ее судебную систему как сложно организованную и состоящую из судебно-структурных подсистем [20, с. 57].

Несмотря на устоявшиеся понятия судебной системы в России, в правовом исследовательском сообществе встречаются и иные толкования данного института власти [4]. Трактовки российской судебной системы в более широком диапазоне формируют данное определение иначе, не только как систему утвержденных законодательством судов [20, с. 57]. Если исходить из функциональных особенностей судов, которые осуществляют деятельность, направленную на сферу социально-правовых конфликтов, то прослеживается определенное разнообразие правовой природы судов, а именно: государственных, негосударственных (третьих, общественных) и межгосударственных [21, с. 319]. В контексте признаков функционально-целевых особенностей судебной системы в России в структуру ее организационной характеристики будут входить следующие подсистемы:

- во-первых, подсистемы, осуществляющие правосудие, т. е. суды конституционной, общей и арбитражной юрисдикции, с управлением под началом Верховного Суда РФ, а кроме того, судьи и присяжные заседатели;
- во-вторых, подсистемы обеспечительного плана, в которые можно включить сообщества судей, осуществляющих судейское самоуправление, административные госорганы (Судебный департамент при Верховном Суде РФ с его территориальными учреждениями и органами), следящих за деятельностью судов в рамках правового поля, образовательные организации, которые учреждаются Верховным Судом РФ (Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет правосудия») [4, с. 37–38].

Несмотря на определенные расхождения в понимании института судебной системы, в ней четко прослеживается определенное единство. Единство судебной системы обеспечивается:

- 1) правовой регламентацией существования и функционирования судебной системы в РФ Конституцией и общими для всех судов федеральными конституционными законами;
- 2) соблюдением всеми федеральными судами и мировыми судьями установленных федеральными законами правил судопроизводства;

- 3) применением всеми судами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, а также конституций (уставов) и других законов субъектов РФ;
- 4) признанием обязательности исполнения на всей территории России судебных постановлений, вступивших в законную силу;
- 5) законодательным закреплением единства статуса судей;
- 6) финансированием всех федеральных судов и мировых судей из федерального бюджета [17, с. 118–119].

Рис. 1. Структура судов в Российской Федерации

Кроме того, системное единство определяется широким кругом взаимоотношений в судебной системе, которые предопределяются связями организационного и функционального плана. Функциональные отношения регламентируются нормами права в сфере судопроизводства, а организационные в сфере судоустройства.

Продолжая анализировать судебную систему и вопрос о понимании в обществе данного института власти, необходимо заметить, что в настоящее время прослеживается тенденция воспринимать и представлять данную систему не только как совокупность судов в России, но и как процесс, заключающийся в строго определенном порядке формирования судов и их составов. Кроме того, в понимание судебной системы вошел и порядок формирования судебных коллегий, арбитражных и присяжных заседателей, порядок назначения председателей судов и их заместителей, организация деятельности судейского сообщества вообще и, наконец, особенности правового регулирования организационно-правового регламентирования условий и правил фи-

нансирования судов [4, с. 37–38]. В данном случае речь идет об объемном толковании понятия судебной системы, которое начинает отождествляться с понятием «судоустройство» и его организационными особенностями, которое регулируется сферой государственно-организационной системы судебной власти, в ведение которой включен широкий спектр вопросов, входящих в исключительное ведение РФ [16] (п. «о» ст. 71 Конституции РФ).

Эволюция понятия судебной системы связана с периодами развития и становления судебной власти в формате ветви государственной власти и формирования знания о ней. Поэтому в настоящее время институт судебной власти находится в неразрывной связи с понятием «судебная система», в какой-то мере объективно соотносим с ним, поскольку судебная система подразумевает обладание государственно-властными полномочиями.

В историческом аспекте понимание судебной власти в научном сообществе с середины XIX в. варьируется в двух направленностях: функциональной и организационной. В первом случае судебная власть рассматривается с точки зрения наличия властных полномочий и их реализации через систему «власте-отношений» [6, с. 79; 7; 8, с. 42–43; 9, с. 78; 18, с. 87–89; 22, с. 2]. Судебные органы представляются в качестве «государственно-властных отношений, которые складываются в процессе деятельности судов, направленной в сферу разрешения правовых конфликтов» [11, с. 28], где государство имеет возможности и способности защищать нарушенные или оспоренные права и свободы физических и юридических лиц, на основе существующих норм права. Такое представительство государства осуществляется судами в определенной процессуальной регламентной форме и обеспечивается принудительным исполнением [23, с. 28]. Во втором случае речь идет об определении судебной власти как системы судов, осуществляющих правосудие в фактическом отождествлении судебной власти и совокупности судов. В своих исследованиях И. Я. Фойницкий указывает на то, что судебная власть «образует систему подчиненных закону органов, призванных к применению закона в порядке судебного производства» [28].

Исходя из анализа исследований Б. М. Магомедова и Б. Б. Сулейманова, «судебная власть — это в основном система органов государственной власти, которые в соответствии с законом наделены широкими юрисдикционными полномочиями» [26]. При рассмотрении судебной системы с точки зрения организационной интерпретации в некоторых исследованиях происходит идентификация понятий судебной власти с системой судебных органов, а понятие судебной системы трактуется как система судов. Между тем организационный подход к определению судебной власти при внешнем удобстве использования и соответствии его обыденным представлениям о власти справедливо критикуется многими авторами [5, с. 50; 8, с. 43; 15, с. 20–21]. Однако механизм формирования судебной власти как отдельной ветви в соотношении с иными властными структурами не ограничивается организационно-правовыми особенностями и показателями.

Нормативно закреплённая независимость судов приводит к сложностям в судебной организации при процессе обеспечения судов надлежащим образом и обеспечении гарантий независимости судей. Все суды представляются с этой позиции лишь как часть судебной организационной системы. В аспекте системности судебная власть выступает в качестве сложного образования, в котором заключены многоплановые элементы с межсистемными связями [1; 10, с. 4; 12, с. 23; 24; 25, с. 14; 27, с. 155], характеризующиеся многоаспектной природой и социальной, организационно-функциональной, административной идентичностью

[4, с. 37–40]. Поэтому судебную систему как явление правового плана важно исследовать с точки зрения совокупности признаков, таких как:

- целевые показатели ее образования;
- функциональное предназначение, не сводящееся только к процессу отправления правосудия;
- элементы, которые в своей общности и составляют судебную систему как носителя государственно-властных полномочий и которые не толкуются лишь как подсистема судов разностной предметной компетентностью. Значит, в данном случае судебная система являет собой понятие, включающее не только совокупность судов и судей как представителей ветви судебной власти, но и еще и все элементы, которые деятельность судов и судей обеспечивают [4, с. 37–40].

Но представленная выше краткая характеристика судебной системы как независимой ветви власти в соответствии с Конституцией РФ закладывает определенные основы для анализа ряда правовых несоответствий, которые, на наш субъективный взгляд, вносят сомнения в конституционные принципы разделения властей и являются предметом дискуссии. Политико-правовая теория и практика в своих основополагающих началах опирается на принципиальный факт о существовании размежевания между носителями государственной власти и их полной независимости друг от друга. Данные начала находят отражение в конституционном принципе разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную [29]. Однако необходимо оговориться: речь идет не о разделении абсолютно независимых ветвей власти, а о принципе разделения единой государственной власти [29], являющемся основополагающим, ориентирующим, но не безусловным.

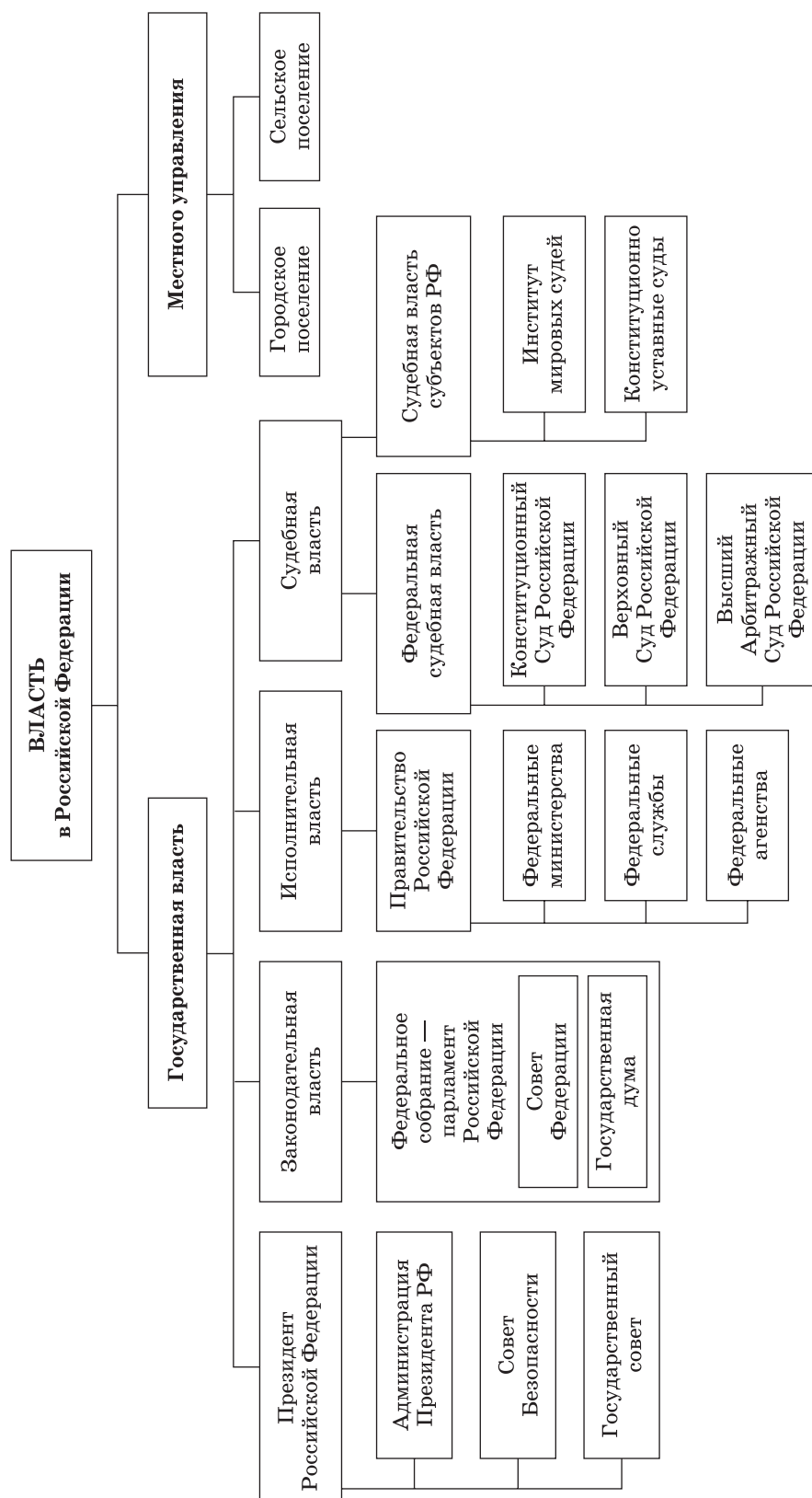
Исходя из особенностей порядка разделения власти в России, как видно на рисунке 2, можно обнаружить разграниченную независимость всех ветвей власти.

Президент представляется гарантом конституционных начал в Российской Федерации, является главой нашего государства. В обязанности Президента РФ входит обеспечение согласованности функционирования и взаимодействия всех органов государственной власти. Он — вектор основ внешней и внутренней политики.

Совет Федерации и Государственная дума в России представляют законодательную власть и являются представительным органом. Правительство РФ — орган, возглавляющий систему исполнительной власти в стране. Функция осуществления судебной власти возложена на суды. При таком подходе логично утверждать о правовых принципах разделения и независимости ветвей власти, в том числе судебной. При более скрупулезном рассмотрении особенностей организации судебной системы нельзя не заметить, что право, некоторые его нормы, не всегда следуют конституционным началам принципа разделения властей.

Исходя из требований Основного закона РФ, президентская власть не относится ни к одной из ветвей существующей власти. Вместе с тем из практики видно, что Президент РФ принимает непосредственное участие в назначении представителей всех ветвей власти, включая судебную. Данную практику возможно наблюдать при выборе субъектов исполнительной и судебной власти, где Президент России играет ключевую роль при назначении должностных лиц.

Кроме того, в нашей стране существуют иные органы государственной власти. К таким органам можно отнести должностных лиц администрации Президента РФ, избирательные комиссии, органы прокуратуры. Данные органы напрямую не относятся ни к одной из ветвей власти, однако, имеют влияние на все ветви государственной власти, включая судебную. Такая си-

*Высший Арбитражный Суд РФ существовал с 1992 по 2014 г.

Рис. 2. Власть в Российской Федерации

туация начинает нарушать принцип сдержек и противовесов. Соответственно, сложно утверждать, что судебная система является независимой и самостоятельной ветвью власти. При таком подходе к организации власти в Российской Федерации начинает возникать большая вероятность к возникновению коррупционных связей в судебной власти. Суд как независимая инстанция власти не может быть самостоятельным, пока судья назначается Президентом РФ, финансируется из федерального бюджета. Кроме того, рассмотрение ошибок и случаев нарушения законности судьями осуществляется комиссией, создаваемой внутри судебной системы, что порождает в определенной мере социально-психологическое явление группового фаворитизма, при котором представители одной ветви власти не желают наказывать коллег, которые нарушили нормы права, хотя могут быть и исключения, если дело является чрезвычайно резонансным либо оказывается давление свыше. Полная независимость судей, согласно Закону РФ «О статусе судей в Российской Федерации», способна породить явление полной безнаказанности судей и судебной системы в целом, что напрямую повлияет на общественное мнение, зарождающееся в социуме.

Таким образом, правозащитники и юристы не могут оказать влияние на сложившуюся ситуацию в рамках деятельности судебной власти. Возникает актуализированное правовыми коллизиями судебной системы мнение о том, что в настоящее время назревает острая необходимость реформирования судебной системы. Анализ деятельности современной судебной системы РФ требует ответа на вопрос о том, целесообразно ли проводить в России реформу судебной системы как самостоятельной, независимой и отдельной ветви власти, если существуют такие правовые коллизии.

Литература

1. Безнасюк А. С., Рустамов Х. У. Судебная власть: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2002. 455 с.
2. Бозров В. М. Судебная деятельность как форма реализации судебной власти // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. К. Рябинина. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2013. С. 30–33.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2004. 599 с.
4. Бурдина Е. В. Правовая природа, организация и деятельность органов судебного сообщества в судебной системе России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 537 с.
5. Бурдина Е. В. Судебная власть в Российской Федерации. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2006. 248 с.
6. Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти: монография. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. 160 с.
7. Воскобитова Л. А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 29 с.
8. Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы. М.: Зерцало, 2000. 400 с.
9. Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007. 364 с.
10. Ершов В. В. Судебная власть в правовом государстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1992. 47 с.
11. Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. 389 с.
12. Изварина А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования: монография. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. 331 с.

13. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О судебной системе Российской Федерации» / отв. ред. В. И. Радченко. М.: Норма-Инфра-М, 1998. 326 с.
14. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В. П. Кашепов. М.: Юриспруденция, 2011. 296 с.
15. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2017. 448 с.
16. Никитина А. В. Единство судебной системы (конституционно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2006. 202 с.
17. Павликов С. Г. Системы судов субъектов Российской Федерации. М.: Юркомпани, 2012. 516 с.
18. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Тип. Г. А. Лемана, 1913. 337 с.
19. Правоохранительные органы России: учебник / под ред. В. П. Божьева. М.: Высшее образование, 2007. 335 с.
20. Правоохранительные органы: учебник / под ред. О. А. Галустяна, А. П. Кизлыка. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. 383 с.
21. Правосудие в современном мире / под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 704 с.
22. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. 603 с.
23. Сангаджиев Б. В. Институциональные характеристики судебной власти в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 41 с.
24. Скитович В. В. Судебная власть как системное образование // Правоведение. 1997. № 1. С. 147–155.
25. Судебная власть и правосудие в Российской Федерации: курс лекций / под ред. В. В. Ершова. М.: Российская акад. правосудия, 2011. 900 с.
26. Сулейманов Б. Б., Магомедов Б. М. К вопросу о понятии и особенностях судебной власти и правосудия // Российское правосудие. 2010. № 3 (47). С. 16–17.
27. Терехин В. А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 252 с.
28. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
29. Конституция Российской Федерации: принята всенародным референдумом 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ; от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1691.
30. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник / под ред. В. М. Семёнова, В. А. Байдукова. М.: Норма, 2008. 320 с.
31. Фахрашуди Т. И. Судебная система Российской Федерации: современное состояние и некоторые направления совершенствования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 1998. 21 с.
32. Судостроительство СССР и организация работы судов, органов юстиции и прокуратуры. М.: Юрид. лит., 1983. 223 с.
33. Правоохранительные органы: учебник / под общ. ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. М.: Дашков и Ко, 2005. 576 с.

И. А. Чужин

Отчет об оценке рыночной стоимости объекта недвижимости как главное доказательство в судебных делах об оспаривании кадастровой стоимости

I. A. Chuzhinov. The Report on the Assessment of the Market Value of the Property, as the Main Evidence in Court Cases on Contesting the Cadastral Value

Автором установлено, что кадастровая стоимость объектов недвижимости, определяемая на основе массовой оценки по итогам осуществления государственной кадастровой оценки, на практике часто не совпадает с рыночной стоимостью, вычисленной по итогам проведения специальной оценки в части определенного объекта недвижимости. В статье показана роль отчета об оценке и судебной экспертизы в судебных делах об оспаривании кадастровой стоимости в рамках административного судопроизводства. Ввиду перемен в судебной практике поднимаются актуальные проблемы, на которые необходимо сделать акцент при подаче административного искового заявления в суд. Предмет исследования — законодательная база в сфере оспаривания результатов кадастровой стоимости жилых зданий, нежилых помещений, земельных участков. Объект исследования — общественные отношения в части оспаривания результатов кадастровой стоимости жилых зданий, нежилых помещений, земельных участков. По итогам исследования сделаны выводы о неизбежности внесения изменений в федеральные законы, регламентирующие процедуру утверждения отчета об оценке и судебной экспертизы в делах об оспаривании кадастровой стоимости. Представлен ряд альтернатив решения проблемы по делам об оспаривании кадастровой стоимости в рамках административного судопроизводства.

Ключевые слова: оспаривание кадастровой стоимости, административное судопроизводство, отчет об оценке, недвижимое имущество, оценочная деятельность, объекты

The cadastral value of real estate, determined on the basis of mass valuation based on the results of the state cadastral valuation, quite often in practice does not coincide with the market value calculated on the basis of a special valuation in respect of a particular real estate. The publication talks about the role of the assessment report and forensic examination in court cases on contesting the cadastral value in administrative proceedings due to changes in judicial practice, urgent problems are raised that need to be emphasized when filing an administrative statement of claim in court. The subject of the study is the legislative framework in the field of contesting the results of the cadastral valuation of real estate. Object of study - public relations, in part to challenge the results of the cadastral valuation of real estate. The main conclusions of the study are the inevitability of amendments to federal laws governing the procedure for approving an assessment report and forensic examination in cases of contesting cadastral value. A number of alternatives to solving the problem in cases of contesting the cadastral value in the framework of administrative proceedings are presented.

Keywords: contest of cadastral value, administrative proceedings, assessment report, real estate, appraisal activities, capital construction projects, the supreme

Илья Анатольевич Чужин — аспирант кафедры административного права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики.

© Чужин И. А., 2020

капитального строительства, Верховный суд РФ, суды общей юрисдикции, правовая определенность.

Контактные данные: 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а; (812) 451-19-15; e-mail: ilya.chuzhinov@mail.ru.

court, courts of general jurisdiction, legal certainty.

Contact Details: Lermontovskiy Ave 44, St. Petersburg, 190103, Russian Federation; (812) 451-19-15; e-mail: ilya.chuzhinov@mail.ru

В последние годы кадастровая стоимость стала использоваться для расчета налоговой базы по таким налогам, как налог на имущество юридических лиц и физических лиц и другие. Сфера ее применения и важность для физических лиц и юридических лиц, а также субъектов РФ и муниципальных образований растет в геометрической прогрессии. Система оспаривания результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости в рамках административного судопроизводства находится на стадии становления, совершенствования и развития, что подтверждается значительными преобразованиями законодательства в этой сфере, а именно принятием такого федерального закона, как Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (далее — КАС РФ).

Проблема оспаривания результатов определения кадастровой стоимости вследствие ее различия с рыночной в рамках административного судопроизводства остается одной из главных для налогоплательщиков [1, с. 2]. Действующее законодательство устанавливает использование в ходе государственной кадастровой оценки, как правило, методы массовой оценки. Массовая оценка не принимает в расчет несколько индивидуальных показателей объекта недвижимости. В итоге утвержденная кадастровая стоимость чаще всего отличается от рыночной стоимости объекта оценки. Если кадастровая стоимость завышена, у юридических и физических лиц появляется необходимость в ее снижении до размера рыночной для снижения оплаты налогов.

В ст. 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ) установлена процедура рассмотрения споров о результатах определения кадастровой стоимости. Согласно ч. 1 ст. 24.18 этого закона результаты определения кадастровой стоимости могут быть оспорены юридическими лицами в ситуации, если результаты определения кадастровой стоимости затрагивают права и обязанности этих лиц [2, с. 2]. Статья 248 КАС РФ предлагает основания для пересмотра результатов определения кадастровой стоимости. Первое основание — это недостоверность сведений об объекте недвижимости, использованных при определении его кадастровой стоимости. Вторым основанием является установление в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости на дату, по состоянию на которую установлена его кадастровая стоимость.

Собственник, желающий оспорить размер кадастровой стоимости своего объекта недвижимости, вправе обратиться в суд общей юрисдикции с административным иском с заявлением об установлении рыночной стоимости для своего объекта. В качестве главного доказательства в подобных делах выступает отчет об оценке рыночной стоимости, выполненный специалистами-оценщиками.

Что представляет собой рыночная стоимость и какую роль в системе доказательств в административном судопроизводстве выполняет отчет об оценке рыночной стоимости? Рыночная стоимость — это всегда условная величина, поскольку является суждением оценщика относительно стоимости объекта оценки.

В юридической практике автором настоящей статьи применены отчеты об оценке в качестве доказательств. В частности, приходилось представлять инте-

рессы юридического лица в Московском городском суде. Административный истец владел и пользовался земельным участком площадью 87 149 кв. м, расположенным в Москве, на условиях договора аренды. Указанная кадастровая стоимость земельного участка значительно превышала его рыночную стоимость. Данное обстоятельство нарушало права и законные интересы Общества, поскольку влекло увеличение размера арендной платы, исчисляемой на основании кадастровой стоимости земельного участка.

Отчет об оценке рыночной стоимости земельных участков свидетельствовал о том, что кадастровая стоимость земельного участка по состоянию на 1 января 2016 г. в значительной степени превышает рыночную стоимость земельного участка. После 2016 г. государственная кадастровая оценка земель населенных пунктов не проводилась. Ответчики в лице Правительства Москвы и ФГБУ «Федеральная кадастровая палата Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии» в лице филиала по Москве выразили несогласие с отчетом об оценке и обратили внимание суда на то, что отчет об оценке рыночной стоимости земельного участка изготовлен с нарушением требований законодательства Российской Федерации об оценочной деятельности.

В данной ситуации для подтверждения того, что отчет об оценке является надлежащим доказательством, автором статьи подано ходатайство о назначении экспертизы в целях определения рыночной стоимости земельного участка. Производство по делу было приостановлено до изготовления полного текста экспертизы и получения экспертного заключения. По результатам судебной экспертизы установлено, что отчет об оценке не соответствует требованиям законодательства об оценочной деятельности, включая федеральные стандарты оценки и другие акты уполномоченного федерального органа, осуществляющего функции по правовому регулированию оценочной деятельности, и (или) требованиям стандартов и правил оценочной деятельности. Суд пришел к выводам о том, что судебная экспертиза отвечает требованиям относимости, допустимости, не вызывает сомнений в достоверности, и согласился с выводами о размере рыночной стоимости земельного участка, по поводу которого возник спор.

Для полного описания проблемы (в том числе в регионах нашей страны) в своей судебной работе автор статьи также использовал отчет об оценке как доказательство в Ленинградском областном суде. 28 ноября 2016 г. Обществом подано заявление о пересмотре кадастровой стоимости земельного участка в коллегию по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости при Управлении Росреестра по Ленинградской области. В письме от 29 ноября 2016 г. комиссия сообщила о возможности оспаривания стоимости земельного участка только в судебном порядке. Административный истец владел и пользовался земельным участком площадью 18 234 кв. м, расположенным в Ленинградской области (Киришском муниципальном районе, Киришском городском поселении, г. Кириши), на праве собственности. Указанная кадастровая стоимость земельного участка значительно превышала его рыночную стоимость. Установлено, что данное обстоятельство нарушает права и законные интересы административного истца, поскольку влечет увеличение его налоговых обязательств, в частности по уплате земельного налога (в данной ситуации уже налога на имущество), исчисляемого на основании кадастровой стоимости земельного участка.

Частью 1 ст. 245 КАС РФ закреплено право юридического лица на обращение в суд с административным иском с заявлением об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости в случае, если результатами определения кадастровой стоимости затронуты их права и обязанности [3, с. 2]. В п. 2 по-

становления Пленума Верховного суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» разъяснено, что результаты определения кадастровой стоимости объекта недвижимости могут быть оспорены административным истцом в судебном порядке посредством представления, в том числе требования об установлении в отношении объекта недвижимости его рыночной стоимости [4, с. 3]. Отчет об оценке рыночной стоимости земельного участка № 25-04-16/01 от 30 августа 2016 г. свидетельствовал о том, что кадастровая стоимость земельного участка по состоянию на 29 июня 2010 г. значительно превышала рыночную стоимость земельного участка. После 2010 г. государственная кадастровая оценка земель населенных пунктов не проводилась.

Ответчик в лице Правительства Ленинградской области выразил несогласие с отчетом об оценке и обратил внимание суда на то, что отчет об оценке рыночной стоимости земельного участка составлен с нарушением требований законодательства Российской Федерации об оценочной деятельности. В рассматриваемой ситуации ходатайство о назначении экспертизы было подано государственным органом для подтверждения того, что отчет об оценке является ненадлежащим доказательством в целях определения рыночной стоимости земельного участка. Производство по делу приостановлено до истечения срока проведения экспертизы и получения экспертного заключения. По результатам судебной экспертизы установлено, что отчет об оценке соответствует требованиям законодательства об оценочной деятельности. Однако экспертами предложена другая стоимость земельного участка. Суд пришел к выводам о том, что судебная экспертиза отвечает требованиям относимости, допустимости, не вызывает сомнений в достоверности, и согласился с выводами о размере рыночной стоимости земельного участка, по поводу которого возник спор.

В описанной выше ситуации поднимается вопрос о том, может ли установление другим независимым оценщиком рыночной стоимости определенного объекта недвижимости, отличной от стоимости, указанной в отчете, свидетельствовать о недостоверности отчета в части этой стоимости. Положения Закона об оценочной деятельности свидетельствуют о том, что необходимой формой проверки достоверности отчета независимого оценщика является экспертиза отчета. Именно судебная экспертиза способствует обнаружению нарушений, сделанных оценщиком в процессе проведения оценки и свидетельствующих о недостоверности окончательного результата рыночной стоимости, независимо от ее конкретного значения.

Возникает ряд вопросов. Допустимо ли утверждать, что во всех обстоятельствах, когда появляется спор по основанию величины рыночной стоимости, исключительным методом оспаривания этой величины может являться только проведение экспертизы отчета об оценке? А в условиях, если экспертиза не раскрывает каких-либо нарушений, установленных требованиями, допущенных оценщиком, без сомнения, должна применяться рыночная стоимость, указанная в отчете?

В этих обстоятельствах непосредственно суд может установить финальный размер рыночной стоимости, который будет зафиксирован в судебном решении, признаваемый единственно достоверным в целях проведения оценки. В результате суд в данном случае снимает неопределенность и устанавливает истинную рыночную стоимость объекта оценки. Вышеизложенное свидетельствует лишь о том, что размер, установленный судом, фактически не является более точным или правильным по сравнению с ранее определенными, но он носит бесспорный характер.

В этом контексте функция суда по установлению справедливой рыночной стоимости служит показателем того, что существуют пробелы в действующей правовой системе оценки. Возможно, рост качества услуг оценщиков и развитие механизмов их ответственности, а также развитие рынка оцениваемых объектов послужит к устранению вышеуказанных пробелов. Описанная выше функция суда будет применяться в делах об установлении кадастровой стоимости в размере их рыночной стоимости до тех пор, пока будут использоваться методы массовой оценки, которые создают увеличение объема процедурно достоверных оценок.

На основании проведенного анализа изложенной проблемы целесообразно сделать следующие выводы:

- во-первых, только суд является органом, который в наступивших условиях может и обязан остановить длительную многочисленную процедурно достоверных оценок и внести, наконец, правовую определенность в отношения сторон за счет установления конечного и исключительно всестороннего, достоверного результата оценки;
- во-вторых, описанная функция суда отлично прослеживается в судебной практике судов общей юрисдикции по делам об оспаривании кадастровой стоимости, поскольку в этом случае стоимость, установленная приемами массовой оценки, корректируется до показателей индивидуальной рыночной стоимости, устанавливаемой судом;
- в-третьих, необходимо внести изменения в федеральные законы, в которых указать на недопустимость применения метода массовой оценки объектов недвижимости.

Литература

1. Чужинов И. А. Проблемы присуждения и возмещения судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости в рамках административного судопроизводства // *NB: Административное право и практика администрирования*. 2019. № 2. С. 1–4. DOI: 10.7256/2306-9945.2019.2.29144
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
4. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости: постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 июня 2015 г. № 28. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, рабочий телефон и адрес электронной почты; должность, ученая степень, ученое звание, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author's full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), office phone number and e-mail, position, degree, academic rank and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author's sheet (1 author's sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indentation — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn't be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

**Журнал «Социология и право» включен
в перечень российских рецензируемых научных журналов,
рекомендованных Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки РФ
для публикации основных научных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук**

**Подписка во всех отделениях связи.
Индекс в каталоге агентства «Роспечать» — 80406**

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ
(812) 448–82–50, izdat-ime@yandex.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал
«Социология и право» обязательна

Сведения, касающиеся изданий и публикаций,
включены в международную справочную систему по периодическим
и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodical Directory"

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
доступный в сети Интернет по адресу <http://www.elibrary.ru> (научная электронная
библиотека). РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию,
извлеченную из текста статей, а также пристатейных ссылок (списков литературы)

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ *О. В. Ярцева*
Выпускающий редактор *В. В. Салина*
Корректор *Е. С. Чулкова*
Компьютерная верстка *М. Ю. Шмелёв*

Учредитель издания:
ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а
Тел.: (812) 448-82-50
E-mail: izdat-ime@yandex.ru
URL: <http://spbume.elpub.ru/jour>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-67818 от 28 ноября 2016 г. выдано
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором).

Журнал издается с 2009 г.
Выходит раз в квартал.

Сдано в набор 01.06.2020.
Подписано в печать 30.06.2020.
Формат 60×90^{1/8}.
Уч.-изд. л. 9. Усл. печ. л. 14,65.
Тираж 500 экз. Заказ № 98.

Цена свободная

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики